

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»

На правах рукописи

ГОРШКОВ Дмитрий Александрович

**ДОГОВОР УПРАВЛЕНИЯ ЗАЛОГОМ ПО
РОССИЙСКОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ПРАВУ**

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук,
доцент Кожокаръ И.П.

Москва 2024

Оглавление

Введение	3
ГЛАВА 1. Общая характеристика цивилистического учения о договоре управления залогом	19
§1.1. Понятие «управления» и его гражданско-правовое значение	19
§1.2. Эволюция правового регулирования договора управления залогом...	35
§1.3. Правовая природа договора управления залогом.....	50
ГЛАВА 2. Соотношение договора управления залогом со смежными договорными конструкциями	68
§2.1. Договор управления залогом и синдицированный кредит.....	68
§2.2. Договор управления залогом и договор поручения.....	84
§2.3. Договор управления залогом и договор простого товарищества.....	101
§2.4. Договор управления залогом и договор доверительного управления имуществом	120
ГЛАВА 3. Особенности отдельных моделей договора управления залогом	137
§3.1. Договор управления залогом, управляющий по которому выступает третье лицо.....	137
§3.2. Договор управления залогом, управляющий по которому выступает кредитор-залогодержатель.....	153
Заключение	168
Список использованных источников и литературы	173

Введение

Актуальность темы исследования может быть раскрыта через характеристику ее отдельных аспектов.

Экономический аспект. В современных экономических условиях привлечение значительных финансовых ресурсов за счет кредитных средств банков – весьма непростая задача даже для крупного бизнеса. Это связано с существенным риском, которому подвергается банк-займодавец, выдавая крупный кредит. Поэтому для решения задачи привлечения значительных денежных средств используется такой инструмент, как синдицированное кредитование. Российские заемщики стали использовать такой инструмент, как синдицированный кредит, примерно с середины 1990-х гг., нередко обращаясь в иностранные банки, которые в совокупности и составляли синдикат. Иностранный элемент в соответствующих сделках способствовал их правовому регулированию нормами английского права, что несколько тормозило развитие российского гражданского законодательства в этой части. Преследуя цель увеличения объемов кредитования в реальном секторе экономики за счет тех преимуществ, которые связаны с договором синдицированного кредитования, российский законодатель принял корпус норм, посвященных ему, что обусловило актуализацию договора управления залогом.

Создание в Российской Федерации международного финансового центра, позиционирующееся одной из задач современного правового регулирования, предполагалось достижимым при помощи введения в российское правовое поле различных инструментов, получивших многолетнее признание в ведущих зарубежных странах, в том числе и договора управления залогом (далее по тексту также – ДУЗ). Потребность в этом правовом инструменте обусловлена необходимостью привлечения профессионального управленца, способного вести чужие дела на наиболее выгодных для кредитора(ов) условиях в рамках залоговых правоотношений.

Правотворческий аспект. Гражданско-правовые нормы о договоре управления залогом появились в отечественном законодательстве в 2013 г. в результате принятия Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» (далее по тексту также – Закон № 367-ФЗ)¹. До принятия этого нормативно-правового акта договор управления залогом уже был знаком отечественному правопорядку: пользуясь предусмотренной законом свободой договора, участники имущественного оборота конструировали эту договорную модель и в отсутствие норм об этой конструкции. Стоит заметить, что появление специальных правовых норм, посвященных договору управления залогом, детерминировано давней идеей совершенствования залоговых правоотношений, о которой упоминалось в положениях Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации.

Несмотря на предпринятые в 2020 г. усилия законодателя по совершенствованию норм, посвященных договору управления залогом, результатом которых стал Федеральный закон РФ от 30 декабря 2020 г. № 528-ФЗ «О внесении изменений в статью 356 части первой и статью 860.1 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее по тексту также – Закон № 528-ФЗ), эта договорная конструкция по-прежнему далека от совершенства и требует внимания законодателя.

Относительная новизна норм о договоре управления залогом, основной сферой применения которого выступает синдицированное кредитование, усложняется и новизной норм о нем: так, нормативное закрепление синдицированного кредитования состоялось 31 декабря 2017 г. в результате

¹ *О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ (ред. от 26.07.2017) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru> (дата опубликования: 23 декабря 2013 г.).*

принятия Федерального закона от 31 декабря 2017 г. № 486-ФЗ «О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее по тексту также – Закон об СК)¹.

Обозначенные обстоятельства определяют важность, своевременность и необходимость тщательного изучения договора управления залогом по российскому гражданскому законодательству.

Доктринальный аспект. Относительная новизна норм о договоре управления залогом, а также нетипичное помещение их в первую часть Гражданского кодекса РФ, являются причинами острых научных дискуссий. Так, в современной российской цивилистике отсутствует единство представлений о правовой природе договора управления залогом, его существенных условиях, гражданско-правовой характеристике, правовом статусе сторон соответствующей сделки, а также применимости к нему норм о поручении и простом товариществе.

Степень научной разработанности темы с учетом новизны норм о договоре управления залогом и крайней дискуссионности цивилистических представлений о нем следует признать низкой. Очевидно, что в современной частноправовой доктрине учение об этой договорной конструкции остается неразработанным.

Первые попытки анализа норм, посвященных этой договорной конструкции, были предприняты в научных статьях А.Л. Маковского (2014 г.), О.С. Харитоновой (2014 г.), Л.В. Щербачевой (2015 г.), Л.Ю. Василевской (2016 г.), О. Визгалина (2018 г.), совместной работе А.И. Мацуева и К.С. Миллер (2020 г.), совместной работе А.А. Завгородней и О.С. Рыбки (2021 г.). Серия научных статей была подготовлена в 2014 г. И.С. Михалевской. Чаще всего договор управления залогом получал

¹ О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 31 декабря 2017 г. № 486-ФЗ (ред. от 22.12.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru> (дата опубликования: 22 декабря 2020 г.).

некоторую характеристику в комментаторской литературе, например, в комментариях, подготовленных такими авторами, как О.А. Рузакова (2014 г.), А.Н. Борисов, А.А. Ушаков и В.Н. Чуев (2015 г.), Б.М. Гонгало (2016 г.), Р.С. Бевзенко (2017 г.), В.В. Витрянский (2018 г.), С.П. Гришаев (2019 г.) и др.

Кроме того, договор управления залогом получил контекстное изучение в работах, посвященных множественности лиц (А.А. Певзнер, С.В. Сарбаш), синдицированному кредитованию (Д.И. Гравин, О.М. Иванов, Л.А. Попкова, Д.И. Степанов), а также простому товариществу (А.А. Горева).

С учетом того, что исследований диссертационного или иного монографического уровня, специально посвященных договору управления залогом, в современной цивилистической науке не представлено, в настоящей работе были использованы и учтены диссертации по смежным тематикам, в том числе работы: А.В. Егорова («Понятие посредничества в гражданском праве», М., 2002), Р.Б. Брюхова («Диспозитивность в гражданском праве России». Екатеринбург, 2006), А.В. Куканова («Правовое регулирование договора доверительного управления недвижимым имуществом по законодательству Российской Федерации». М., 2008), О.М. Иванова («Правовое регулирование стоимости потребительского кредита», М., 2013), Л.А. Попковой («Правовая конструкция синдицированного кредита», М., 2017), А.А. Павлова («Договор управления чужими делами по российскому гражданскому праву», Казань, 2020) и др.

Кроме научных работ, специально посвященных договору управления залогом и смежным тематикам, в диссертации использованы достижения цивилистической и иных отраслевых наук, в том числе: учение о гражданско-правовом управлении (например, труды А.А. Ананьевой, Ю.С. Харитоновой), цивилистическая теория «полномочия» (например, труды Н.О. Нерсесова, В.А. Рясенцева), категория взаимосвязанных договоров (например, труды А.В. Габова, А.В. Гунина, А.Е. Кирпичева, Н.Н. Коврова, С.Ю. Морозова, А.М. Ширвиндт), теория динамической правоспособности (предложенная М.М. Агарковым), цивилистическое учение об услугах (например, работы

А.В. Баркова, Л.Б. Ситдиковой, Д.И. Степанова, Е.Г. Шабловой), теория организационных отношений (в интерпретации О.А. Красавчикова), концепция нового договора – договора управления чужими делами (разработанная А.А. Павловым), теория управленческого договора (обстоятельно сформированная в работах О.В. Гутникова), общее учение об обязательствах (например, труды В.А. Белова, В.В. Витрянского, Л.А. Лунц, И.Б. Новицкого, Е.А. Суханова и др.), доктрина фидуциарных правоотношений (например, труды З.Э. Беневоленской, Е.В. Богданова, Е.Е. Богдановой, Д.Е. Богданова, А.И. Ивановой, И.И. Зикун, Д.В. Ломакина, С.И. Луценко, В.Г. Нестолый, А.О. Рыбалова, С.А. Шикина и др.).

Цель и задачи диссертационного исследования. Цель работы заключается в разработке обновленной цивилистической концепции договора управления залогом, включающей эволюцию его правового регулирования; определение его правовой природы; уяснение его самостоятельного места в системе гражданско-правовых договорных конструкций (в том числе договора синдицированного кредита, договора поручения, договора простого товарищества и договора доверительного управления имуществом); характеристику двух его моделей, дифференцированных по правовому статусу управляющего залогом (ДУЗ, управляющим по которому выступает третье лицо, и ДУЗ, управляющим по которому выступает один из кредиторов-созалогодержателей).

Исходя из указанной цели, в работе поставлены и решены следующие задачи:

- определение понятия «управления» и выяснение его гражданско-правового значения;
- изучение эволюции правового регулирования договора управления залогом;
- выяснение правовой природы договора управления залогом;
- установление места договора управления залогом в системе поименованных гражданско-правовых конструкций через призму его

соотношения с такими договорами, как договор синдицированного кредита, договор поручения, договор простого товарищества, договор доверительного управления имуществом;

– анализ особенностей отдельных моделей договора управления залогом: ДУЗ, управляющим по которому выступает третье лицо, и ДУЗ, управляющим по которому выступает кредитор-залогодержатель;

– выяснение проблем применения законодательства о ДУЗ при осуществлении отдельных видов предпринимательской деятельности.

Объект и предмет диссертационной работы. Объектом диссертации выступают обязательственные правоотношения, возникающие в результате заключения, исполнения, изменения, и прекращения договора управления залогом. Предмет диссертационной работы состоит из отечественных и зарубежных научных публикаций; российской нормативной основы, включающей помимо нормативно-правовых актов, их законопроекты и пояснительные записки к ним; материалы судебно-арбитражной практики по тематике диссертационного исследования.

Методологическая основа диссертационного исследования базируется на диалектическом теоретическом мышлении и материалистическом философском мировоззрении, что предопределило в совокупности соответствующий арсенал общенаучных и частнонаучных методов исследования, использованных в настоящей диссертационной работе. Диалектическое теоретическое мышление и материалистическое философское мировоззрение позволили рассмотреть договор управления залогом в динамике, с учётом эволюции правового регулирования этой договорной конструкции, во взаимосвязи со смежными договорными конструкциями и с опорой на судебно-арбитражную практику. В исследовании применены некоторые категории диалектики, в том числе род и вид, использованные для демонстрации связи договора управления залогом и договора синдицированного кредита, а также агентского договора и договора управления залогом.

Широко использовались общенаучные методы исследования, в том числе: сравнение – при сопоставлении договора управления залогом и смежных договорных конструкций; моделирование – при создании двух моделей договора управления залогом, дифференцированных по правовому статусу управляющего залогом; аналогия – при применении норм смежных договорных конструкций к отношениям, основанием возникновения которых выступает договор управления залогом; абстрагирование – при выяснении правовой природы договора управления залогом и др.

Среди специально-юридических методов исследования, использованных в настоящей диссертационной работе, следует назвать следующие: нормативно-догматический метод, позволивший дать полную юридическую характеристику договору управления залогом и смежным договорным конструкциям на основе норм действующего гражданского законодательства; компаративистский метод, применение которого связано с заимствованием модели договора управления залогом из зарубежных правовых порядков; историко-правовой, создавший предпосылки для выяснения эволюции правового регулирования договора управления залогом; метод юридического толкования, способы и приемы которого позволил выяснить действительное содержание правовых предписаний ст. 356 ГК РФ.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили научные работы:

дореволюционных ученых-юристов, в том числе: Н.Г. Вавин, В.И. Головинский, К.П. Победоносцев, Г.Ф. Шершеневич и др.;

советских ученых-юристов, в том числе: М.М. Агарков, Н.А. Баринов, С.Н. Братусь, Л.Ю. Василевская, Е.П. Грушевская, О.С. Иоффе, С.М. Корнеев, О.А. Красавчиков, А.И. Масляев, В.А. Ойгензихт, В.А. Рясенцев и др.;

современных ученых-юристов: А.А. Ананьева, А.В. Барков, Р.С. Бевзенко, В.А. Белов, О.А. Беляева, Е.В. Богданов, Е.Е. Богданова, Д.Е. Богданов, М.И. Брагинский, Р.А. Брюхов, В.В. Витрянский, А.В. Габов,

Б.М. Гонгалов, С.П. Гришаев, О.В. Гутников, В.В. Долинская, Е.Г. Дорохина, В.С. Ем, И.А. Емелькина, И.И. Зикун, А.Г. Карапетов, Е.Г. Комиссарова, О.А. Кузнецова, Д.В. Ломакин, Л.А. Лунц, А.И. Мацуев, К.С. Миллер, И.С. Михалевская, С.Ю. Морозов, Е.Л. Невзгодина, В.Г. Нестолий, И.Б. Новицкий, А.А. Павлов, А.А. Певзнер, Л.А. Попкова, Л.В. Санникова, С.В. Сарбаш, Л.Б. Ситдикова, Д.И. Степанов, Е.А. Суханов, Ю.В. Романец, О.А. Рузакова, В.Д. Рузанова, Ю.С. Харитовнова, Е.Г. Шаблова, А.Е. Шерстобитов, Л.В. Щербачева, В.С. Якушев и др.

Нормативно-правовая основа диссертации охватывает такие нормативно-правовые акты, как Конституция РФ, Гражданский кодекс РФ (части первая и вторая), Федеральный закон РФ «О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также иные акты. Кроме того, большое значение для настоящего исследования имеет Пояснительная записка «К проекту Федерального закона "О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации"», подробно проанализированная в диссертации. В работе также упоминаются и изучены автором некоторые международные акты, в том числе: Директива № 2008/48/ЕС «О договорах потребительского кредитования и отмене Директивы Совета ЕС 87/102/ЕЭС», а также Модельные правила европейского частного права.

Эмпирическая основа диссертационного исследования представлена правоприменительными актами, принятыми как до введения норм о договоре управления залогом, когда эта договорная модель конструировалась сторонами соответствующей сделки и считалась непоименованной, так и после состоявшейся законодательной регламентации. В диссертации представлены ссылки на 127 правоприменительных актов, принятых ВС РФ, ВАС РФ, арбитражными судами округов и арбитражными апелляционными судами в 2005–2023 гг.

Научная новизна исследования и положения, выносимые на защиту. Диссертация является первым монографическим цивилистическим исследованием, специально посвященным договору управления залогом и учитывающим его недавние законодательные обновления.

Проведенное исследование позволило сформулировать характеризующиеся научной новизной **положения, выносимые на защиту:**

1. Наряду с имеющимися в цивилистической доктрине взглядами на понятие «управления» через призму «функционального», «процедурного» и «деятельностного» подходов, в работе обоснован новый цивилистический взгляд на управление через концепцию «управление как полномочие», согласно которой под управлением в гражданском праве следует понимать полномочие, реализуемое собственником или по его поручению другим лицом (несобственником имущества) с целью сохранения и преумножения объекта управления путем принятия управленческих решений, в совокупности выражающихся в ведении своих или чужих дел. Договор управления залогом порождает возмещающее правоотношение, в котором кредиторы делегируют свои права и обязанности залогодержателей управляющему залогом, наделяя его тем самым властными полномочиями, основанными на договоре.

2. Эволюция российской правовой регламентации договора управления залогом прошла несколько исторических этапов: 1) начало XX в. – фактическое существование управления залогом, основанного на непоименованной договорной конструкции; 2) 2009 г. – включение идеи об этом договоре в Концепцию развития гражданского законодательства РФ с целью его имплементации из зарубежных правовых порядков; 3) 2013 г. – разработка и последующее принятие проекта Закона № 367-ФЗ, регламентирующего договор управления залогом; 4) 2020 г. – реформа института управления залогом путем принятия Закона № 528-ФЗ.

3. Юридическая доктрина взаимосвязанных договоров, основным постулатом которой следует признать тезис о связи двух или более договоров,

возникших между разными участниками имущественного оборота на отличных условиях, однако характеризующихся единством цели, объекта и экономического содержания, является основой цивилистического учения о договоре управления залогом, поскольку последний находится в неразрывной связи с договором залога, а договор залога – с обеспечиваемым залогом договорным обязательством.

4. Правовая природа договора управления залогом может быть определена через призму таких его свойств, как направленность на оказание услуг, представительский и предпринимательский характер. Несмотря на то что законодатель допустил применение к договору управления залогом правил о смежных ему гражданско-правовых конструкциях, признаки которых присутствуют в модели ДУЗ, этот договор занимает самостоятельное место в системе гражданско-правовых договоров, направленных на оказание юридико-фактических услуг.

Для сохранения пандектной структуры системы российского гражданского законодательства представляется необходимым перенос правил о договоре управления залогом из первой части ГК РФ в его вторую часть путем создания новой главы – 53.1 «Договор управления залогом», в рамках которой должно быть создано дифференцированное правовое регулирование двух договорных моделей договора управления залогом, отличающихся по правовому статусу управляющего залогом (кредитор-залогодержатель либо третье лицо).

5. Договор управления залогом и договор синдицированного кредитования соотносятся как род и вид, им свойственны идентичные признаки: консенсуальность, возмездность, направленность на оказание услуг. Отношения, возникающие из синдицированного кредитования, могут регулироваться группой взаимосвязанных договоров, в числе которых: договор синдицированного кредита (займа), межкредиторское соглашение и договор управления залогом.

6. Договор поручения может сопоставляться только с договором управления залогом, управляющим по которому выступает третье лицо. Эти договорные модели имеют *общие* черты: 1) представительский характер отношений; 2) модель прямого представительства; 3) право кредитора/поручителя на односторонний отказ от договора; и *различия*: 1) предмет (у ДУЗ – юридические и фактические действия, необходимые для осуществления функции управления в интересах кредиторов; у договора поручения – только конкретные юридические действия, сводимые, как правило, к сделкам); 2) степень конкретизации полномочий управляющего залогом/поверенного (в ДУЗ – полномочия управляющего делами менее конкретизированы, чем в договоре поручения, в котором от степени конкретизации полномочий зависит согласованность условия о предмете договора); 3) порядок оформления полномочий управляющего залогом/поверенного (в ДУЗ – договор ДУЗ, к которому применяются правила о доверенности; в договоре поручения – доверенность и договор поручения, отсутствие которого не влияет на действительность сделки); 4) существенные условия (у ДУЗ – предмет и срок; у договора поручения – только предмет); 5) фактор, определяющий взаимоотношения сторон, (в ДУЗ – дискреционные полномочия управляющего делами; в договоре поручения – указания доверителя); 6) утрата правовой возможности самостоятельной реализации прав и обязанностей, переданных по договору (в ДУЗ – кредиторы-созалогодержатели утрачивают такую правовую возможность, в договоре поручения – доверитель не утрачивает).

7. Сходство договоров управления залогом и простого товарищества обусловлено тем, что у этих конструкций идентичные экономические предпосылки, обусловленные необходимостью объединения усилий с целью реализации самостоятельных имущественных интересов нескольких лиц, в том числе с целью экономии расходов, а их отличия заключаются в следующем: 1) ДУЗ является двусторонней сделкой, а ДПТ – многосторонней; 2) в отличие от отношений, возникающих из ДУЗ, отношениям, возникающим

из ДПТ, не свойственен взаимно коррелирующий характер; 3) кредиторы-залогодержатели, являющиеся стороной ДУЗ, не образуют между собой соединенных вкладов, как это свойственно товарищам. В связи с этим следует отказаться от субсидиарного применения правил о простом товариществе к правам и обязанностям кредиторов-залогодержателей между собой.

8. У договора управления залогом и договора доверительного управления имуществом есть *общие* признаки: 1) направленность на оказание управленческих посреднических услуг; 2) обеспечение с помощью этих конструкций легальной передачи полномочий по управлению; 3) предпринимательский статус управляющего залогом/доверительного управляющего; 4) цель – сохранение и преумножение объекта управления; 5) фидуциарный, возмездный характер; 6) наличие дискреционных полномочий у управляющего залогом/доверительного управляющего; и *отличительные* признаки: 1) объект договора (у ДУЗ перечень залогового имущества, передаваемого в управление, шире, чем перечень имущества, являющегося объектом договора ДУИ с учетом ограничений, введенных судебно-арбитражной практикой); 2) правовой статус кредитора/учредителя управления (в ДУЗ кредитором выступает залогодержатель, а в договоре ДУИ – собственник имущества); 3) в отличие от договора ДУИ, ДУЗ может быть дифференцирован на две договорные модели в зависимости от правового статуса управляющего залогом, аналогичная дифференциация невозможна в договоре ДУИ; 4) стороны договора (управляющим залогом может выступать только индивидуальный предприниматель или коммерческая организация, а доверительным управляющим может быть индивидуальный предприниматель или коммерческая организация, за исключением унитарного предприятия, а в некоторых случаях – физическое лицо, не являющееся индивидуальным предпринимателем); 5) модель представительства (у ДУЗ – прямая, а у договора ДУИ – косвенная); 6) реальный/консенсуальный характер сделки (ДУЗ – консенсуальный, а договор ДУИ реальный); 7) существенные условия (у ДУЗ – предмет и срок; у договора ДУИ – состав имущества, наименование

выгодоприобретателя, размер и форма вознаграждения управляющего, срок);

8) утрата правовой возможности самостоятельной реализации прав и обязанностей, переданных по договору (в ДУЗ – кредиторы-созалогодержатели утрачивают такую правовую возможность, в договоре ДУИ – учредитель управления не утрачивает).

9. Договор управления залогом, управляющим по которому выступает третье лицо, несмотря на «поручительскую» природу, прослеживающуюся в нормах п. 6 ст. 356 ГК РФ, имеет общие признаки с договором агентирования (в частности, схожий предмет – юридические и фактические действия) и отличается от договора управления залогом, управляющим по которому выступает кредитор-залогодержатель, следующими особенностями: 1) актуальна как при наличии одного кредитора-залогодержателя, так и множественности лиц на этой стороне; 2) не вступает в противоречия с нормами гражданского законодательства о представительстве; 3) не предполагается безвозмездной; 4) к этой модели договора применима доктрина фидуциарных обязанностей через призму реализации требований, предъявляемых к управляющему залогом (лояльности к принципалу, добросовестности, недопущения конфликта интересов).

10. Договору управления залогом, управляющим по которому выступает кредитор-созалогодержатель, свойственны следующие отличительные признаки: 1) обязательная множественность лиц на стороне кредитора; 2) вопреки правилу абз. 4 п. 1 ст. 356 ГК РФ, кредитор-созалогодержатель, выступающий в роли управляющего залогом, сам осуществляет свои права и обязанности залогодержателя; 3) вопреки нормам о представительстве, управляющий залогом действует не только в интересах кредиторов, но и в отношении себя лично как представитель самого себя; 4) допустимость безвозмездной природы соответствующей сделки.

Данная модель договора управления залогом имеет следующие недостатки: во-первых, нарушает требования гражданского законодательства о представительстве; во-вторых, не обеспечивает в полной мере реальную

возможность действия на наиболее выгодных для кредитора (кредиторов) условиях; в-третьих, вступает в противоречие с доктриной фидуциарных обязанностей, одним из правил которой выступает требование недопущения конфликта интересов. Это предопределяет возможность постановки вопроса об исключении такой модели из норм об управлении залогом.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что сформулированные в нем научные выводы и положения в совокупности представляют собой цивилистическую концепцию договора управления залогом, которая может стать составной частью российской частноправовой доктрины.

Отдельные выводы, сформулированные в диссертации, могут стать элементом некоторых разделов цивилистики, в том числе: общие положения об обязательствах и договорах; залог как способ обеспечения исполнения обязательств; фидуциарные сделки и др.

Практическая значимость диссертационного исследования подтверждается тем, что в нем выдвинуты конкретные предложения по совершенствованию действующего российского законодательства в исследуемой предметной сфере, в том числе:

- поместить нормы о договоре управления залогом во вторую часть ГК РФ путем создания новой главы – 53.1 «Договор управления залогом», в рамках которой должно быть создано дифференцированное правовое регулирование двух договорных моделей, отличающихся по правовому статусу управляющего залогом (кредитор-залогодержатель либо третье лицо);

- изложить абз. 1 п. 1 ст. 356 ГК РФ в следующей редакции: «кредитор (кредиторы) по обеспечиваемому залогом обязательству (обязательствам), исполнение которого связано с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, вправе заключить договор управления залогом с одним из таких кредиторов или третьим лицом (управляющим залогом). Если в качестве управляющего залогом действует один из кредиторов по обеспечиваемому залогом обязательству, то считается, что он

действует от имени и в интересах всех кредиторов, а сам таковым не является»;

- изложить абз. 2 п. 1 ст. 356 ГК РФ в новой редакции: «по договору управления залогом управляющий залогом, действуя от имени и в интересах всех кредиторов, заключивших договор, обязуется заключить договор залога с залогодателем и (или) осуществлять все права и обязанности залогодержателя по договору залога, а кредитор (кредиторы) – компенсировать управляющему залогом понесенные им расходы и уплатить ему вознаграждение»;

- изложить абз. 3 п. 1 ст. 356 ГК РФ в следующей редакции: «если залог возник ранее заключения договора управления залогом, управляющий залогом по соглашению о передаче договора залога (статья 392.3) обязан осуществлять в силу договора управления залогом все права и обязанности залогодержателя»;

- изложить абз. 2 п. 3 ст. 356 ГК РФ в следующей редакции: «договором управления залогом может быть предусмотрено, что определенные правомочия залогодержателя осуществляются управляющим залогом с предварительного письменного согласия кредитора (кредиторов)»;

- изложить п. 6 ст. 356 ГК РФ в следующей редакции: «В части, не урегулированной настоящей статьей, если иное не вытекает из существа обязательств сторон, к обязанностям управляющего по договору управления залогом, не являющегося залогодержателем, применяются правила о договоре поручения»;

- дополнить п. 5 ст. 356 ГК РФ новым основанием прекращения договора управления залогом – противоречие интересов конкретного кредитора(ов) интересам большинства других кредиторов;

- скорректировать название стороны договора управления залогом: вместо «кредитор» использовать термин «принципал».

Отдельные выводы, ставшие результатом настоящего диссертационного исследования, могут быть использованы в учебном процессе при проведении

теоретических и практических занятий по дисциплинам «Гражданское право (часть первая)», «Гражданское право (часть вторая)», «Предпринимательское право», «Коммерческое право», «Банковское право», «Корпоративное право» и др.

Апробация результатов исследования. Диссертация выполнена на кафедре предпринимательского права Российского государственного гуманитарного университета, где проведено её обсуждение и рецензирование.

Основные положения работы опубликованы в 5 научных статьях, в том числе 5 – в изданиях, включенных в Перечень рецензируемых изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикаций результатов диссертационных исследований.

Структура работы обусловлена поставленной целью и задачами и состоит из введения, трех глав (объединяющих девять параграфов), заключения и списка использованных источников.

Глава 1. Общая характеристика цивилистического учения о договоре управления залогом

§1.1 Понятие «управления» и его гражданско-правовое значение

Институт управления залогом не получил специального законодательного дефинирования, что предопределяет важность выяснения значения категории «управления» в гражданско-правовом смысле. Решение подобной задачи актуализируется в условиях междисциплинарного характера такого социального феномена, как «управление»¹. Его изучение следует начинать с философских предпосылок, обуславливающих наиболее абстрактный взгляд на этот феномен.

Философские научные понятия «управления» исходят из того, что воздействие, оказываемое на объект управления, должно выражаться в конечном результате – это полезный эффект². При этом ученые-философы, изучая феномен управления, нередко акцентируют внимание на таких категориях, как интерес³, деятельность и система⁴. Применительно к исследуемой в рамках настоящей диссертации тематике «систематичность» является неотъемлемым признаком управления залогом, что в свою очередь предопределяет длящийся характер соответствующих правоотношений.

Понятие управления также всесторонне исследуется в рамках социологических наук. Поскольку в центре внимания социологов – общество и взаимосвязанные с ним процессы – постольку социологический взгляд на «управление» реализуется через призму социальных отношений. При этом

¹ Бурганова Л.А. Теория управления: учеб. пособие. М.: Инфра-М, 2009. С. 4.

² См. об этом: Малин А.С., Мухин В.И. Исследование систем управления: Учебник. М.: ГУ, 2005. С. 34; Атаманчук Г.В. Управление: сущность, ценность, эффективность: Учеб. пособие. М.: Академический проект, 2006. С. 32.

³ См., напр.: Иеринг Р. Цель в праве. СПб.: Н.В. Муравьев, 1881. С. 32; Пассек В. Неимущественный интерес в обязательстве. Юрьев: тип. К. Матисена, 1893. С. 10; Здравомыслов А.Г. Проблема интереса в социологической теории. ЛГУ: Изд-во Ленингр. ун-та, 1964. С. 4; Экимов А. Интересы и правотворческий процесс // Вестник ЛГУ. 1984. № 23. С. 75; Ойгензихт В.А. Мораль и право. Душанбе: Ирфон, 1987. С. 18–22 и др.

⁴ Пугинский Б.И., Сафиуллин Д.Н. Правовая экономика: проблемы становления. М.: Юрид. лит., 1991. С. 36–40.

ученые-социологи объясняют потребность в управлении необходимостью упорядочения совместной деятельности участников такой сложной системы, как общество, в рамках реализации ими коллективных интересов¹.

Глубокое теоретическое осмысление управленческих процессов осуществлено в рамках кибернетики, традиционно понимаемой как наука об общих закономерностях функционирования информации в сложных управляемых системах. В рамках этой науки управление рассматривается как сложный феномен, способствующий переводу управляемой системы в новое состояние за счет влияния на ее параметры². Согласно кибернетическим представлениям об управлении, переработка информации в сигналы оказывает регулирующее воздействие на объект управления, что в свою очередь способствует его оптимальному функционированию.

Признание за управлением статуса самостоятельного вида деятельности осуществлено в рамках экономических наук. Так, отдельным направлением экономических научных изысканий стала экономика предприятия³, сконцентрированная, главным образом, на изучении механизмов управления предприятием с целью обеспечения его максимальной эффективности. Экономическая модель управленческих отношений предполагает наличие управляющей и управляемой подсистемы, находящихся в сложной структуре взаимосвязей. Экономическая наука, в отличие от иных общественных наук, заметно преуспела в обсуждении проблематики делегированного управления, то есть разделения функций собственности и управления⁴. Такое разделение

¹ См. об этом: *Основы социального управления: Учебное пособие* / А.Г. Гладышев, В.Н. Иванов, В.И. Патрушев и др. / под ред. В.Н. Иванова. М.: Высш. шк., 2001. 271 с.; *Марков М.* Социализм и управление. М.: Экономика, 1973. С. 10–11.

² См. об этом, например: *Берг А.И.* Кибернетика – наука об оптимальном управлении. М.: Энергия, 1964. С. 64; *Новик И.Б.* Кибернетика: философские и социологические проблемы. М.: Госполитиздат, 1963. С. 25.

³ См., например: *Экономика предприятия* / под ред. проф. В.Я. Горфинкеля. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. С. 757.

⁴ См. об этом: *Гвишиани Д.М.* Организация и управление производством. М.: Наука, 1971. С. 154; *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. 1. С. 425; *Цивадзе Д.Ю.* Управление социалистической экономикой. Экономические и организационно-правовые проблемы. М.: Юрид. лит., 1971. С. 56–61 и др.

имеет непосредственное отношение к договору управления залогом, когда на стороне управляющего залогом выступает третье лицо.

С учетом междисциплинарной природы «управления», этот феномен стал предметом изучения отдельной самостоятельной дисциплины – теории управления, в рамках которой «управление» понимается как целевая деятельность социального субъекта, направленная на регуляцию социальных процессов и явлений с учетом достижения личных интересов¹. При этом в основе понимания такого социального феномена, как управление, лежит представление о тесной взаимосвязи социальных функций и уровня развития субъекта управления².

Отдельного научного внимания заслуживает важность учета результатов, достигнутых науками, изучавшими «управление», в аспекте правового и цивилистического понимания «управления». По такому пути пошла, например, Е.Г. Дорохина, которая с опорой на теорию социального управления предположила, что арбитражное управление – это управление системой отношений в процессе реализации несостоятельности³.

Правовой фокус изучения категории «управление» имеет разнонаправленный характер. Так, основные теоретические исследования сосредоточены на изучении механизма правового регулирования управленческой деятельности⁴. При этом очевидна связь социального управления и такого центрального социального образования, как государство, в контексте которой образуется феномен государственного управления⁵, изучаемый с позиции деятельности аппарата государственного управления. По этой причине управленческие отношения являются предметом научного

¹ Марков М. Социализм и управление. М.: Экономика, 1973. С. 10–11.

² Граждан В.Д. Теория управления: учеб. пособие. М.: Гардарики, 2007. С. 20.

³ Дорохина Е.Г. Правовое регулирование управления в системе банкротства // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс», 2009 (дата обращения: 18 августа 2023 г.).

⁴ См., например: Атаманчук Г.В. Теория государственного управления: курс лекций. М.: Юрид. лит., 1997. С. 29–30.

⁵ См., например: Старосьцяк Е. Научные основы государственного управления в СССР. М.: Наука, 1968. С. 61.

внимания ученых-административистов¹. В науке административного права речь идет о таком социальном управлении, которое подчиняется управленческим правовым нормам императивного характера и строится по принципу «власти и подчинения», что предопределено методом правового регулирования административных отношений. Неудивительно в связи с этим характеристика административного права как «управленческого права»². Степень научной исследованности вопросов государственного управления является достаточно высокой: этот социальный феномен получил обстоятельную теоретическую проработку в учениях советских ученых-юристов, а также современных исследователей административного права.

Однако в рамках настоящего исследования поставлена задача выяснения гражданско-правового значения «управления», что предполагает поиск его квалифицирующих признаков, актуальных исключительно для частноправовой сферы. Ю.С. Харитоновна одна из первых в правоведении заметила наличие функции управления не только в публично-правовых, но и в частноправовых институтах³. Тенденция увеличения удельного веса управленческих отношений, находящихся в частноправовой сфере, объясняется объективным усложнением общественных отношений. А.А. Ананьева, поддерживая идею существования управления в частном праве, вместе с тем замечает, что «само понятие "управление" в сознании специалистов в области гражданского права обычно представляется чем-то инородным не только применительно к одноименной правовой отрасли, но и

¹ См., например: *Старилов Ю.Н.* Консерватизм правовой политики как гарантия прогресса в сфере административных и иных публичных правоотношений // *Административное право и процесс.* 2023. № 6. С. 15–33; *Запольский С.В.* О социальной ценности административного права // *Административное право и процесс.* 2023. № 5. С. 4–10; *Мотрович И.Д., Шевырев Д.Н.* Формы и методы деятельности органов государственной власти в теории административного права // *Административное право и процесс.* 2022. № 12. С. 19–22 и др.

² *Козлов Ю.М.* Некоторые теоретические проблемы административно-правового регулирования общественных отношений // *Управление и право.* 1979. Вып. 5. С. 3.

³ *Харитоновна Ю.С.* Управление в гражданском праве: проблемы теории и практики. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 304 с.

к частному праву в целом»¹. Действительно, тематика частноправового управления не является широко обсуждаемой: чаще всего встречается «контекстное» рассмотрение феномена «управления» применительно к тем гражданско-правовым институтам, которые соприкасаются с ним. А.В. Габов классифицировал «управление» в праве по специфике охраняемых интересов, объекту управления, правовому статусу субъекта управления и методу правового воздействия на управленческие отношения на управление в публично-правовых системах и управление в частноправовых системах².

Термин «управление» многократно находит свое воплощение в нормах гражданского законодательства. Так, анализ кодифицированного акта гражданского законодательства позволяет заключить, что законодатель оперирует «управлением» во всех четырех частях ГК РФ. Так, для первой части ГК РФ характерно употребление этого понятия в отношении юридического лица, имущества подопечного, ограниченного вещного права – оперативного управления, имущества в многоквартирном доме, а также ДУЗ. Значительно реже понятие «управление» встречается в рамках второй части ГК РФ – применительно к управлению транспортным средством в рамках договора аренды такого средства, а также к договору доверительного управления имуществом. Наследственное законодательство также соприкасается с управленческими отношениями в рамках функционирования наследственного фонда, управления наследственным имуществом, в том числе в рамках доверительного управления. Наконец, законодательство об интеллектуальной собственности оперирует этим термином применительно к коллективному управлению авторскими и смежными правами, управлению правом на технологию.

В наиболее системном виде понятие «управления» в его гражданско-правовом значении изучено Ю.С. Харитоновой, которая считает, что

¹ *Ананьева А.А.* Договор на оказание операторских услуг по управлению // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 3. С. 305.

² *Габов А.В.* Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования. М.: Статут, 2005. С. 65–71.

управление в частном праве – это «основанная на господстве собственника или иного лица функция, реализующаяся в систематической целенаправленной деятельности собственника или уполномоченных им лиц по сохранению и эффективному использованию имущества»¹. Из предложенного определения следует избранный автором функциональный подход к характеристике управления в гражданском праве. Представляется, что процитированное определение управления в гражданском праве вполне адекватно отражает сущность частного случая такого вида управления – управления залогом.

А.А. Ананьева придерживаясь «процедурной» концепции управления в гражданском праве, предлагает следующую доктринальную дефиницию управления: «управление в гражданском праве – это основанная на юридическом равенстве сторон и автономии воли участников юридическая процедура целенаправленного воздействия наделенного полномочиями субъекта гражданского права (субъекта управления) на имущество либо деятельность участников гражданских правоотношений (объект управления) для достижения экономических либо неимущественных выгод участников гражданского оборота»².

Поддерживая в целом функциональный и процедурный подходы к характеристике частноправового управления, мы считаем возможным предложить еще одну научную теорию, объясняющую родовидовую сущность «управления» в гражданском праве, – управления как полномочие.

Междисциплинарный взгляд на «управление», продемонстрированный выше, доказывает социальный фокус «управления», то есть рассмотрение его в такой системе координат, где объектом управления выступает социальная общность (например, коллектив, общество, государство). В то же время в правовых отношениях на первый план выходят имущественные объекты управления. Как верно заметил К.П. Победоносцев, «содержание всякого

¹ Харитонов Ю.С. Управление в гражданском праве: проблемы теории и практики. М.: Норма, Инфра-М, 2011. С. 13.

² Ананьева А.А. Договор на оказание операторских услуг по управлению // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 3. С. 305.

гражданского права, по существу, хозяйственное; цель его – экономическая. Предмет обладания или вещь становятся предметом права, поскольку обладание ею соединено с пользой или с вещественным интересом для обладателя»¹. Управленческие правоотношения, находящиеся в поле зрения гражданского права, в подавляющем большинстве случаев направлены на управление чужим имуществом. И.А. Емелькина, рассматривая проблему соотношения вещного права с конструкцией «управление чужим имуществом», справедливо отмечает, что «потребность в данном правовом институте ощущается в те периоды, когда в стране появляются такие имущественные отношения, в которых собственник нуждается в передаче имущества другому субъекту на весьма широком по содержанию праве, имеющем доверительный характер и гарантирующем имущественные интересы собственника»².

Сказанное актуально и для отношений по управлению залогом. Применительно к договору управления залогом, в учебной литературе отмечается следующее: «договор управления залогом может заключаться в случае, когда предметом залога является имущество, которое требует постоянного внимания кредиторов»³. При этом В.А. Белов пошел еще дальше и сформулировал более точное представление о предмете управления в рамках ДУЗ: «предметом управления в его рамках становятся не классические вещи, не авторские и смежные права и даже не требования, а залоговые права: номинально принадлежат своим обладателям (кредиторам), они осуществляются другим лицом (управляющим), причем (и это самое важное) в общем интересе всех кредиторов-залогодержателей, объединивших свои

¹ Победоносцев К.П. Курс гражданского права: В 3 т. М.: Зерцало, 2003. Т. 3. С. 576.

² Емелькина И.А. Проблемы соотношения вещного права с конструкцией «управление чужим имуществом» // Гражданское право. 2021. № 6. С. 12.

³ Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г., Ефимова Л.Г. Частное банковское право: учебник. Москва: Проспект, 2020. 776 с.

однотипные залоговые права в руках одного управляющего (п. 1, 3 и 4 ст. 356»¹.

Частноправовое управление, когда его объектом выступает имущество, представляет не что иное, как систематическую деятельность субъекта управления. Однако «деятельностный» подход чрезмерно абстрактен и не дает полноценного представления об управленческой деятельности. Поэтому в рамках решаемой научной задачи – разработки концепции, объясняющей родовидовые признаки управления в гражданском праве, – необходимо обратиться к анализу особенностей субъекта управления.

От правового статуса субъекта управления во многом зависит определение правовой природы возникших управленческих отношений. Нам видится теоретически мыслимым две модели управленческих отношений, дифференциация которых предопределена правовым статусом субъекта управления: управленец-собственник и управленец-несобственник. Если «переложить» этот вывод на договор управления залогом, то можно заключить о потенциальной допустимости обеих моделей отношений. Так, из абз. 1 п. 1 ст. 356 ГК РФ следует важное правило о правовом статусе управляющего залогом: им может быть один из кредиторов либо третье лицо. Стоит отметить, что этот предлагаемый законодателем подход создает серьезные затруднения и противоречия. К примеру, системное толкование нормы абз. 1 и 2 п. 1 ст. 356 ГК РФ и абз. 1 п. 3 ст. 182 ГК РФ позволяет прийти к выводу о том, что если в роли управляющего залогом выступает один из кредиторов, то в таком случае он вправе представлять интересы других кредиторов и не вправе представлять самого себя. Л.Ю. Василевская, обращая внимания на этот недостаток законодателя и его возможные негативные последствия в виде возможности признания недействительными сделок, совершенных управляющим залогом – одним из кредиторов, приходит к выводу о том, что несогласованность указанных норм права «вряд ли можно квалифицировать юридико-

¹ Белов В.А. Что изменилось в Гражданском кодексе?: практич. пособие. М.: Юрайт, 2014. С. 90. 183 с.

технической неточностью»¹. На наш взгляд, устранение возникшего затруднения возможно путем изменения подхода законодателя к правовому статусу управляющего залогом. Это достижимо в случае создания дифференцированного правового регулирования двух моделей управления залогом, отличающихся по правовому статусу управляющего залогом.

Добавим, что правовой статус субъекта во многом определяет и направленность цели управления. Так, если имуществом управляет собственник, то преследуя цель сохранения и преумножения имущества, он реализует свой собственный законный интерес². В том же случае, когда полномочие управления делегировано другому лицу – несобственнику имущества, то сохранение и преумножение последнего осуществляется не абстрактно, а направленно – в пользу реализации интересов собственника.

Возвращаясь к высказанному в рамках настоящего исследования тезису о потенциальном существовании двух субъектов управления – управленца-собственника и управленца-несобственника, – предлагаем концепцию определения управления через полномочие. Цивилистическая теория «полномочия» отличается невысокой степенью исследованности, однако некоторые общие замечания на этот счет все-таки присутствуют. Прежде чем, перейти к их анализу, требуется провозглашение следующего исходного тезиса: термин «полномочие», нередко отождествляемый с таким его синонимом, как «компетенция», более уместен для частноправовой сферы, тогда как термин «компетенция» – для публично-правовой. Так, в основе управленческих решений, принимаемых в сфере публичного права, лежит компетенция уполномоченного лица или органа власти³. Для публично-

¹ *Василевская Л.Ю.* Правовая квалификация договора управления залогом // Закон. 2016. № 3. С. 45.

² См. об этом: *Смагина Е.С.* Интерес как предмет судебной защиты в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2019. № 6. С. 45–75.

³ См. об этом: *Бевеликова Н.М.* Компетенция Правительства Российской Федерации в сфере здравоохранения // Медицинское право. 2009. № 3. С. 7–13; *Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю.* Юридическая энциклопедия. 5-е изд. / Под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 2006. С. 422.

правовых отраслей законодательства характерно раскрытие компетенции не только через «полномочия», но и через «предметы ведения»¹ и реже – через «функции». Представители публично-правовых наук, оперируя термином «полномочие», вкладывают в него весьма понятное значение: «совокупность служебных прав и обязанностей»².

Однако этот же термин – «полномочие» – обладает совершенно иным содержательным наполнением в частноправовых науках. Так, часть первая ГК РФ оперирует термином «полномочие» более шестидесяти раз. При этом чаще всего гражданско-правовое «полномочие» так или иначе связано с представлением чужих интересов. Так, в п. 5 ст. 8.1 ГК РФ говорится про проверку полномочия лица, обратившегося с заявлением о государственной регистрации права; в п. 2 ст. 31 ГК РФ – про право опекунов и попечителей защищать права и интересы своих подопечных без специального на то полномочия; в п. 1 ст. 38 ГК РФ – про полномочия опекунов и попечителей в отношении имущества подопечного; в п. 4 ст. 50.1 ГК РФ – про полномочия единоличного исполнительного органа наследственного фонда; в п. 1 ст. 53 ГК РФ – про полномочия выступать от имени юридического лица; в п. 2 ст. 57 ГК РФ – про полномочия арбитражного управляющего по управлению делами юридического лица; в п. 4 ст. 62 ГК РФ – про полномочия ликвидационной комиссии по управлению делами юридического лица и т.д.

По поводу подхода к определению правовой сущности «полномочия» в науке гражданского права нет единой точки зрения. Так, существует научный подход, рассматривающий «полномочие» в качестве субъективного права

¹ См., напр.: *Киселева А.В., Нестеренко А.В.* Теория федерализма. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. С. 214; *Лебедев А.Н.* Статус субъекта Российской Федерации: основы концепции, конституционная модель, практика. М.: Ин-т государства и права РАН, 1999. С. 73; и др.; *Кулушева М.А.* Конституционно-правовое регулирование местного самоуправления в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 138.

² *Овсянко Д.М.* Административное право: Учеб. пособие. 3-е изд. М.: Юрист, 2000 и др.

представителя¹, которому корреспондирует обязанность представляемого принять последствия тех деяний, которые совершены представителем в интересах представляемого². Заметим, что у этого научного подхода есть и свои оппоненты³. Другой взгляд на правовую природу «полномочия» выражен в трудах, например, Г.Ф. Шершеневича, который под «полномочием» понимал совокупность сделок, дозволенных представителю, очерченный законом или договором⁴. В интерпретации Н.О. Нерсесова «полномочие» воспринимается как «односторонний акт воли принципала», что намекает на одностороннюю сделку⁵. Несколько отличную позицию в этой дискуссии занимает И.В. Шерешевский, который рассматривает полномочие в качестве «согласия представляемого лица на деятельность или на результат деятельности от его имени представителя»⁶. Не поддерживая эту позицию, В.Я. Рясенцев видел в полномочии результат действия юридического факта и определял исследуемое нами понятие в качестве особого проявления гражданской правоспособности⁷. Научный подход В.А. Рясенцева хорошо согласуется с теорией динамической правоспособности, предложенной М.М. Агарковым⁸.

¹ *Советское гражданское право* / Под ред. О.А. Красавчикова. М.: Высшая школа, 1972. С. 214; *Советское гражданское право: В 2 т.* / под ред. В.П. Грибанова, С.М. Корнеева. М.: Юрид. лит., 1979. Т. 1. С. 207.

² См. об этом: *Невзгодина Е.Л.* Представительство по советскому гражданскому праву. Томск, 1980. С. 33–41; *Кузьмишин А.А.* К вопросу о понятии и юридической природе представительства и полномочия в гражданском праве // *Юрист*. 1999. № 12. С. 9.

³ См., напр.: *Нерсесов Н.О.* Понятие добровольного представительства в гражданском праве // *Избранные труды по представительству и ценным бумагам в гражданском праве*. М., 1998. С. 76; *Гражданское право. Часть первая: Учебник* / Отв. ред. В.П. Мозолин, А.И. Масляев. М.: Проспект, 2005. С. 138; *Рясенцев В.А.* Представительство в советском гражданском праве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1948. Т. 1. С. 34; *Скловский К.И.* Правомочие и полномочие в механизме возникновения гражданских прав // *Хозяйство и право*. 2004. № 11. С. 107; *Он же*. Правомочие и полномочие в механизме возникновения гражданских прав // *Хозяйство и право*. 2004. № 12. С. 97, 101 и др.

⁴ *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. М.: Фирма «Спарк», 1995. С. 132.

⁵ *Нерсесов Н.О.* Указ. соч. С. 74.

⁶ *Шерешевский И.В.* Представительство. Поручение и доверенность. М.: Право и жизнь, 1925. С. 17–18.

⁷ *Рясенцев В.А.* Понятие и юридическая природа полномочия представителя в гражданском праве // *Методические материалы ВЮЗИ*. М., 1948. Вып. 2. С. 9.

⁸ *Агарков М.М.* Обязательство по советскому гражданскому праву. М.: Статут, 2002. С. 281.

Представляется, что этот научный взгляд адекватно отражает сущность полномочия в гражданском праве и может быть использован для построения концепции «управление как полномочие». Таким образом, собственник имущества в рамках принадлежащей ему гражданской правоспособности обладает среди прочего полномочием управления этим имуществом. При этом собственник вправе делегировать принадлежащее ему полномочие управления имуществом третьему лицу.

Представляется также важным определить «цель управления». Исследования систем управления оперируют такой категорией, как «полезный эффект»¹. Ю.С. Харитоновна заключает об отсутствии у «управления» собственной цели и приходит к выводу о том, что для этой функциональной деятельности цели устанавливает экономика². Любые гражданские правоотношения обусловлены преимущественно экономическими целями, за тем редким исключением, когда речь идет об охране личных (неимущественных) прав, не связанных с имущественными. Цель управления всегда предопределена объектом управления, поэтому если в качестве него выступает имущество, то очевидно, что целью управления будет его сохранение и преумножение.

Сформулировав ответы на вопросы «кто управляет», «чем управляет», «зачем управляет», остается дать ответ на вопрос «как управляет». Управление – это систематическая деятельность, направленная на объект управления. Применительно к договору управления залогом, эта деятельность может быть охарактеризована, как «ведение залоговых дел» по поручению кредиторов. Советское гражданское законодательство оперировало весьма подходящим для обозначения такого рода деятельности термином – «ведение дел». При этом данное словоупотребление касалось, прежде всего, простого товарищества и понималось как «совершение всякого рода действий, которые

¹ См., напр.: *Малин А.С., Мухин В.И.* Исследование систем управления: учебник. М.: Издат. дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 34.

² *Харитоновна Ю.С.* Управление в гражданском праве: проблемы теории и практики. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 304 с.

вызываются как бытием товарищества, так и его целью»¹. А.В. Габов, критикуя термин «ведение дел», а также синонимичные обозначения, встречающиеся в дореволюционном и советском гражданском законодательстве², отмечает их анахроничный характер³. Несмотря на имеющуюся доктринальную критику, российский законодатель использует термин «управление делами» применительно к правам участников хозяйственных обществ (п. 3 ст. 21 Закона об АО и ст. 8 Закона об ООО), деятельности ликвидационной комиссии (п. 3 ст. 57 Закона об ООО) и функционала арбитражного управляющего (ст. 57 ГК РФ), а термин «ведение дел» – применительно к деятельности товарищей в рамках заключенного ими договора простого товарищества (ст. 1044 ГК РФ). В абз. 2 п. 1 ст. 396 ГК РФ содержится легальная дефиниция ДУЗ, сформулированная по «классической» модели понятий гражданско-правовых договоров, текстуально расположенных во второй части ГК РФ. Оценивая ее содержание, Р.С. Бевзенко пишет: «в общем-то, это определение является вполне традиционным для договоров о ведении чужих дел»⁴. Таким образом, можно сделать общий вывод о том, что управление – это полномочие, содержательно реализуемое через ведение своих или чужих дел.

Примечательно, что для цивилистических исследований характерно изучение «управления» через призму «управленческих решений» как содержательного наполнения деятельности управляющего. По этому поводу в

¹ Вавин Н.Г., Вормс А.Э. Товарищества простое, полное и на вере: Научно-практический комментарий к ст.ст. 276–317 Гражданских кодексов РСФСР и УССР. 2-е изд., испр. и доп. М.: Кооперативное издательское т-во «Право и Жизнь», 1928. С. 34.

² См., например: *Примерный устав сельскохозяйственной артели*: утв. СНК СССР, ЦК ВКП(б) 17 февраля 1935 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 44. 18.02.1935 (документ утратил силу); *О Примерном Уставе колхоза*: Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 28 ноября 1969 г. № 910 // СП СССР. 1969. № 26. Ст. 150 (документ утратил силу) и др.

³ Габов А.В. Общества с ограниченной и дополнительной ответственностью в российском законодательстве. М.: Статут, 2010. 253 с.

⁴ *Договорное и обязательственное право (общая часть) постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации* / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, О.А. Беляева и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. Электронное издание. Редакция 1.0. 1120 с. (автор комментария к ст. 356 ГК РФ – Р.С. Бевзенко).

научной литературе отмечается связь правовой сущности «управления» и принимаемых уполномоченным лицом управленческих решений, заключающихся в выборе альтернативного варианта поведения¹. Управляющий залогом является центральной фигурой договора управления залогом, поскольку от его действий зависит судьба заложенного имущества, а также степень реализации интересов кредиторов.

Особенностью управленческих решений выступает предшествующий их принятию сложный аналитический процесс, состоящий из совокупности различных операций, в том числе информационная подготовка, поиск имеющихся альтернативных опций, формирование выбора одной из найденных опций, реализация выбора, контроль за его исполнением и т.д.)². По всей видимости, именно эта черта управления – сочетание в этой сложной деятельности разнонаправленных задач, объединенных единой целью, а также сопутствующих операций – способствовало квалификации управленческих отношений в качестве организационных. Значительный вклад в формировании цивилистической теории организационных отношений внесли труды О.А. Красавичкова, который не признавал самостоятельности организационных отношений, называл их «предотношениями» и подчеркивал их обслуживающий функционал³. Л.Ю. Василевская приходит к выводу о том, что «договор управления залогом может принять организационный характер»⁴. Однако вряд ли возможно сведение всей системы управленческих отношений в частном праве исключительно к организационным отношениям.

Наиболее частым основанием возникновения частноправового управления выступает гражданско-правовой договор, что предопределяет

¹ *Ременников В.Б.* Разработка управленческого решения: учеб. Пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. С. 10.

² См. об этом: *Фатхутдинов Р.А.* Управленческое решение: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М., 2002. С. 14; *Пирожков В.А.* Управленческое решение: учебник. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. эконом. ун-та, 2000. С. 23.

³ См. об этом: *Красавчиков О.А.* Гражданские организационно-правовые отношения // Антология уральской цивилистики. 1925–1989: сб. ст. М.: Статут, 2001. С. 156–165.

⁴ *Василевская Л.Ю.* Правовая квалификация договора управления залогом // Закон. 2016. № 3. С. 39.

изучение феномена управления применительно к соответствующим договорным конструкциям. Так, управление характерно для договора доверительного управления имуществом, договора об осуществлении функции единоличного исполнительного органа юридического лица, договора управления многоквартирным домом и т.д. Интересное предложение в отношении группы управленческих договоров сформулировано Л.А. Юрьевой: на ее взгляд, все договоры управленческого типа, включая договор доверительного управления имуществом, договор управления юридическим лицом, договор управления авторскими правами, договор управления многоквартирным домом, могут быть объединены общей договорной конструкцией – договоров об оказании услуг управления¹. Ограничивая договорное частноправовое управление тремя договорными конструкциями – договором доверительного управления имуществом, договором управления интеллектуальными правами и договором управления юридическим лицом, – М.В. Карпычев приходит к выводу о том, что такое управление сводится к действиям в чужом интересе².

Реже частноправовое управление встречается в правоотношениях недоговорного характера. Например, речь идет об арбитражном управлении в банкротных делах, а также оперативном управлении в отношении унитарных предприятий. Большой вклад в изучение частноправового управления внес О.В. Гутников в работах, посвященных управленческому договору³.

Еще одной важной характеристикой частноправового управления следует признать присущий ему волезамещающий характер, то есть замещение воли одного участника общественных отношений волей другого в интересах первого. Применительно к институту управления залогом это

¹ Юрьева Л.А. К вопросу о правовой сущности договоров об оказании услуг управления // Бюллетень нотариальной практики. 2008. № 4. С. 8–11.

² Карпычев М.В. Осуществление и защита гражданских прав через управляющего // Исполнительное право. 2008. № 4. С. 39–41.

³ Гутников О.В. Управленческие договоры в гражданском праве // Договор как общеправовая ценность: Монография. М.: ИГиСП, Статут, 2018. 381 с.

замещение находит воплощение в делегировании функций залогодержателя от кредиторов к управляющему залогом. В рамках возмещающих правоотношений кредиторы делегируют свои права и обязанности залогодержателей управляющему залогом, наделяя его тем самым властными полномочиями, основанными на договоре.

В.С. Ем совершенно справедливо подчеркивал нетипичность таких отношений для гражданского права, основанного на равенстве и автономии воли его участников. Действительно, неотъемлемым признаком управления выступает его субординационный характер¹, в то время как гражданским отношениям в целом свойственна координация. Если применить обозначенные выводы к ДУЗ, то можно сформулировать следующие общие замечания: во-первых, отношениям, основанным на этом договоре, свойственен координационный характер в силу отсутствия властного подчинения между их участниками – контрагентами по соответствующей сделке; во-вторых, субординация как имманентный признак управления находит свое воплощение через модель отношений, порождаемую исследуемой договорной конструкцией: кредитор (кредиторы) не вправе осуществлять свои права и обязанности залогодержателей до момента прекращения договора управления залогом (абз. 4 п. 1 ст. 356 ГК РФ).

Таким образом, наряду с имеющимися в цивилистической доктрине взглядами на понятие «управления» через призму «функционального», «процедурного» и «деятельностного» подходов, в работе обоснован новый цивилистический взгляд на управление через концепцию «управление как полномочие», согласно которой под управлением в гражданском праве следует понимать полномочие, реализуемое собственником или по его поручению другим лицом (несобственником имущества) с целью сохранения и преумножения объекта управления путем принятия управленческих решений, в совокупности выражающихся в ведении своих или чужих дел.

¹ См. об этом: *Государственное управление: основы теории и организации: учебник. В 2 т. / Под ред. В.А. Козбаненко. 2-е изд. с изм. и доп. М.: Статут, 2002. Т. 1. С. 17.*

Договор управления залогом порождает возмещающее правоотношение, в котором кредиторы делегируют свои права и обязанности залогодержателей управляющему залогом, наделяя его тем самым властными полномочиями, основанными на договоре.

§1.2. Эволюция правового регулирования договора управления залогом

Появление в российском гражданском законодательстве новой договорной конструкции – договора управления залогом (далее по тексту также – ДУЗ) – обусловлено реформированием отдельных положений российского обязательственного права, состоявшемся чуть менее десяти лет назад в результате принятия Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации (далее по тексту также – Закон № 367-ФЗ)¹. В пояснительной записке к проекту указанного закона отмечалось, что включение в российское обязательственное право принципиально новых договорных институтов, в том числе и ДУЗ, предусмотрено задачей «создания в России международного финансового центра»². Как отмечал А.Л. Маковский, появление института управления залогом в проектируемых нормах было обусловлено «давлением Рабочей группы по созданию МФЦ в порядке компромисса, поддержанного Минюстом

¹ *О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ (ред. от 26.07.2017) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru> (дата опубликования: 23 декабря 2013 г.).*

² *Пояснительная записка «К проекту Федерального закона "О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации"» // Документ опубликован не был. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13 августа 2023 г.).*

России и Минэкономразвития России (декабрь 2011 г.)»¹. При этом А.Л. Маковский объяснил появление норм о ДУЗ «работой банковского лобби», что обеспечило спешку, непоследовательность принятия соответствующих правовых норм и, как следствие, их низкое качество.

До принятия Закона № 367-ФЗ заинтересованные участники имущественного оборота все-таки прибегали к конструкции ДУЗ, однако в отсутствие соответствующих правовых норм моделировали возникающие между ними отношения самостоятельно, пользуясь общим принципом свободы договора. Вместе с тем, как справедливо отмечают А.И. Мацуев и К.С. Миллер, нормативное закрепление ДУЗ не способствовало формированию адекватной судебной-арбитражной практики на этот счет². А.А. Певзнер, отмечая, что этот инструмент «пока не получил широкого распространения, в связи с чем практика разрешения судами споров по таким договорам отсутствует», полагает, что «данный механизм достаточно перспективен и может значительно облегчить задачу кредиторов при необходимости»³.

Стоит согласиться с И.А. Емелькиной в том, что постановка вопроса о правовой природе управления чужим имуществом в системе правового регулирования обусловлена потребностью в передаче имущества профессиональным управляющим, в том числе фондам, арбитражным управляющим, залоговым управляющим и др.⁴. Такая потребность предопределена усложнением отечественной экономики, расширением арсенала объектов гражданских прав, в том числе тех, управление которыми

¹ *Маковский А.Л.* Собственный опыт – дорогая школа // Актуальные проблемы частного права: сб. ст. к юбилею П.В. Крашенинникова (Москва – Екатеринбург, 21 июня 2014 г.) / под ред. В.В. Витрянского, С.Ю. Головиной, Б.М. Гонгалю и др. М., 2014. С. 127.

² См. об этом: *Мацуев А.И., Миллер К.С.* Некоторые практические проблемы использования договора управления залогом // *Банковское право.* 2020. № 2. С. 75–79; № 3. С. 28–32.

³ *Певзнер А.А.* Новеллы гражданско-правового регулирования множественности залогодержателей // *Право и управление.* XXI век. 2016. № 2 (39). С. 118.

⁴ *Емелькина И.А.* Проблемы соотношения вещного права с конструкцией «управление чужим имуществом» // *Гражданское право.* 2021. № 6. С. 12.

требует специальных узкопрофессиональных знаний. В таких экономических условиях складывается следующая ситуация: собственник имущества (в том числе имущественных прав), обладая имуществом, не может им эффективно управлять, обеспечивая его сохранение и преумножение. Это обусловлено прежде всего отсутствием профессиональных знаний, требующих специального образования и (или) опыта в определенной сфере. В обозначенных обстоятельствах положено начало развитию нового гражданско-правового института «управление чужим делом».

Идея упорядочения норм о залоге имеет более давнюю историю и связана с разработкой Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации (далее по тексту также – Концепция)¹. Так, в п. 9 Концепции обращалось внимание на необходимость упрочнения стабильности имущественного оборота, в том числе за счет такого отдельного направления, как совершенствование положений о залоге. В части данного института гражданского законодательства разработчики Концепции отмечали явную несогласованность норм и их чрезмерное нагромождение. При этом в рамках совершенствования гражданского законодательства ставилась задача обеспечения четкости и ясности гражданско-правовых конструкций. Б.М. Гонгало, оценивая результаты кодификации законодательства о залоге, в числе новых понятий называет и ДУЗ².

Важно отметить, что ДУЗ тесно связан с институтом синдицированного кредитования. В банковской практике синдицированный кредит понимается как кредит, предоставленный несколькими кредиторами, именуемыми вместе банковским консорциумом, одному лицу и обеспеченный залогом или

¹ *Концепция* развития гражданского законодательства Российской Федерации: одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07 октября 2009 г. // Документ опубликован не был. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13 августа 2023 г.).

² *Гонгало Б.М.* Развитие кодификации законодательство о залоге: трансформация понятий // *Кодификация российского частного права 2019* / В.В. Витрянский, С.Ю. Головина, Б.М. Гонгало и др.; под ред. Д.А. Медведева. М.: Статут, 2019. 492 с.

поручительством. Аналогичный институт – «синдицированная ссуда» – был закреплен в нормах ранее действовавшего российского банковского законодательства. Так, этот термин использовался в Инструкции Банка России от 03 декабря 2012 г. № 139-И «Об обязательных нормативах банков», в которой содержалась следующая легальная дефиниция: «под синдицированной ссудой понимается соглашение (договор) о предоставлении ссуды заемщику одним или несколькими лицами (участниками синдиката), в связи с предоставлением которой риск неисполнения либо ненадлежащего исполнения заемщиком обязательств по ссуде в предусмотренный соглашением (договором) срок (далее – кредитный риск) принят одновременно двумя и более участниками соглашения (договора)»¹. Таким образом, российский институт синдицированной ссуды стал предшественником ДУЗ в его современном понимании.

Считается, что институт управления залогом был первоначально связан исключительно с банковским сектором экономики. Кредитные организации, имея непрофильные активы, находящиеся в залоге, испытывали серьезные затруднения в части управления ими, а специальная правоспособность банков создавала дополнительные препятствия в этой части. В сложившейся ситуации банки были вынуждены создавать отдельные специализированные подразделения с передачей им функции управления заложенным имуществом. Однако более удачным решением обозначенного затруднения стало делегирование управленческих функций компетентному управляющему, представленному чаще всего профессиональной управляющей компанией. Неудивительно, в связи с этим упоминание проблемы управления залоговым обеспечением именно в акте банковского законодательства².

¹ *Об обязательных нормативах банков*: Инструкция Банка России от 03 декабря 2012 г. № 139-И (ред. от 30.05.2014) (Зарегистрировано в Минюсте России 13 декабря 2012 г. № 26104) // Вестник Банка России. № 74. 21 дек. 2012 г. (документ утратил силу).

² *О документе* Комитета по платежным и расчетным системам «Принципы для инфраструктур финансового рынка»: Письмо Банка России от 29 июня 2012 г. № 94-Т // Вестник Банка России. № 38–39. 17 июля 2012 г.

Таким образом, ДУЗ рассчитан на профессиональных участников имущественного оборота и сконцентрирован вокруг такого имущества, как ценные бумаги, недвижимость, в том числе коммерческая, транспортные средства, специальное оборудование, имущественные права и т.д. В.В. Долинская, комментируя новеллы законодательства об обязательствах, обращает внимание на то, что ДУЗ был введен в правовое регулирование «в интересах кредиторов в обязательствах, исполнение которых связано с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности»¹.

В научной литературе приводятся отличные позиции относительно иностранного опыта, который был учтен при введении ДУЗ в российскую правовую систему. Так, Д.И. Степанов обращает внимание на то, что прародиной синдицированного кредитования выступают Германия и Нидерланды². К примеру, аналогом немецкого ДУЗ выступает соглашение кредитных организаций об объединении усилий в рамках договора простого товарищества (*Gesellschaft Bürgerlichen Rechts*)³. Вслед за германским законодателем, некоторые европейские страны избрали для ДУЗ модель договора о пуле способов обеспечения, цель которого заключается в объединении интересов кредиторов и исключении их противодействия друг другу.

Д.И. Гравин исходит из значимости практики управления залогом в США и Великобритании, как первых стран, использовавших соответствующий опыт⁴. Так, американской банковской системе хорошо известен такой договор, как *Collateral Management Agreement*, дословно означающий договор об

¹ *Реформирование гражданского законодательства: общие положения о сделках, обязательствах и договорах: монография / И.З. Аюшеева, И.С. Богданова, Е.С. Болтанова и др.; отв. ред. В.В. Долинская. Москва: Проспект, 2018. 192 с. (автор главы – В.В. Долинская).*

² *Степанов Д.И. Проект Гражданского кодекса: от патернализма по-советски к истинному частному праву // Закон. 2012. № 5. С. 97–110.*

³ См. об этом: *Фогель В.А., Шмидт С.Г. Управление способами обеспечения исполнения обязательства в Германии в связи с заключением синдицированного кредитного договора // Закон. 2012. № 2. С. 161–171.*

⁴ *Гравин Д.И. Синдицированное кредитование в российском и английском праве // Журнал российского права. 2013. № 12. С. 100–109.*

оказании услуг по управлению обеспечением. Считается, что одной из первых американских сделок по управлению залогом стал договор, заключенный в начале 1980-х гг. между банковской ассоциацией «Bankers Trust» и инвестиционным банком «Salomon Brothers». Большой вклад в развитие правового регулирования управления залогом и расширения практики его применения внесла Международная ассоциация профессиональных участников рынков свопов и деривативов (ISDA)¹.

Дополнительно отметим, что зарубежная практика управления залогом связана с доктриной параллельного долгового обязательства. Здесь имеется ввиду совокупность правоотношений, при которых у одного заемщика возникают как бы параллельные кредиты, предоставленные несколькими кредитными организациями на отличных условиях, но установленные в едином договоре. Так, специфической чертой английской практики синдицированного кредитования выступает отсутствие преимуществ у участников синдиката: «зеркальное» соответствие прав одного участника правам другого.

Аналогичное положение дел складывается и в отечественной юрисдикции: российское законодательство об управлении залогом оперирует нормами о равенстве интересов всех кредиторов. Примечательно, что доктрина параллельного долгового обязательства, иначе именуемая доктрина взаимосвязанных договоров, постепенно привлекает внимание и отечественных исследователей частного права. Основная идея этой доктрины заключается в том, что договорные конструкции, имеющие между собой сущностную связь, не могут признаваться самостоятельными и в силу этого обстоятельства не подлежат изолированному учету².

Французская юридическая доктрина исходит из существования такого явления, как «группа договоров», понимая под ним две или несколько

¹ См. об этом: *Gregory Jon. Counterparty credit risk. ISBN 978-0-470-68576-1. P. 59.*

² См. об этом: *Кирпичев А.Е. Категория взаимосвязанных договоров в российском и европейском праве // Гражданское право. 2014. № 2. С. 40–43.*

договорных связей, возникших между разными участниками имущественного оборота на отличных условиях в рамках отдельных договоров, однако характеризующихся единством цели и объекта, а также экономическим содержанием¹. Считается, что французское теоретическое учение о взаимосвязанных договорах берет свое начало только в XXI в. При этом в рамках данного учения сформировались две теории: теория акцессорности (построенная по аналогии существования взаимосвязанности основного обязательства и акцессорного) и теория неделимости (основанная на единстве целевой направленности взаимосвязанных договоров и единстве воли участников соответствующих отношений). По мнению Кассационного суда Франции, единство воли участников взаимосвязанных договоров является решающим фактором неделимости соответствующих параллельных правоотношений².

В качестве примера европейского опыта применения доктрины взаимосвязанных договоров может быть приведена норма п. 1 ст. 15 Директивы № 2008/48/ЕС «О договорах потребительского кредитования и отмене Директивы Совета ЕС 87/102/ЕЭС»³, согласно которой отказ потребителя от исполнения договора купли-продажи или возмездного оказания услуг автоматически влечет прекращение кредитного договора, заключенного во взаимосвязи с договором купли-продажи или оказания услуг соответственно.

Концепция взаимосвязанных договоров получила отражение и в ином акте европейского частного права – Principles, Definitions and Model Rules of

¹ См. об этом: *Wery P.* Droit des obligations: developpements recents et pistes nouvelles, Formation permanente C.U.P., vol. 96, Anthemis, 2007. P. 10.

² См. об этом: *Deshayes M.* Interdependance contractuelle: la Cour de cassation tranche pour une definition objective de la notion // *Option Finance*. 2013. № 1225.

³ *О договорах* потребительского кредитования и отмене Директивы Совета ЕС 87/102/ЕЭС: Директива № 2008/48/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза (вместе с Европейскими стандартами информации в отношении овердрафта, потребительского кредита, предлагаемого определенными организациями (параграф 5 статьи 2), долгового преобразования) (принята в г. Страсбурге 23 апреля 2008 г.) // [Электронный ресурс]. URL: <http://eur-lex.europa.eu> (дата обращения: 14 августа 2023 г.).

European Private Law – Draft Common Frame of Reference¹. Опираясь термином «linked contracts», этот акт закрепляет такую опцию, как распространение отказа потребителя от договора на все иные договоры, связанные с ним. Draft Common Frame of Reference получил весьма высокую оценку среди отечественных исследователей частного права². В комментариях к этому документу отмечается, что под взаимосвязанными договорами следует понимать договор купли-продажи и кредитный договор, договор купли-продажи и договор страхования, договор купли-продажи и договора технического обслуживания и тому подобное. При этом в качестве критерия связанности предлагается использовать экономическое единство договоров, которое надлежит устанавливать в судебном порядке в рамках судебного усмотрения³.

Степень научной разработанности отечественного учения о взаимосвязанных договорах в настоящее время нельзя признать высокой. Разрешая проблему организации рациональных хозяйственных связей, советские ученые-юристы апеллировали к доктрине взаимосвязанных договоров, квалифицируя в качестве последних «цепочку» договоров, сопровождающих поставку товаров⁴. Отдельные наработки в этом направлении сделаны А.М. Ширвиндтом, который считает целесообразным дальнейшее исследование функциональной связи взаимосвязанных договоров, представленных договорами о приобретении товаров/работ/услуг

¹ *Модельные правила европейского частного права* / Пер. с англ.; Науч. ред. Н.Ю. Рассказова. М.: Статут, 2013. 989 с.

² См., напр.: *Каранетов А.Г.* Приостановление исполнения обязательства как способ защиты прав кредитора. М.: Статут, 2011. 239 с.

³ См. об этом: *Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law Draft Common Frame of Reference (DCFR)*. P. 410–411. URL: http://ec.europa.eu/justice/contract/files/european-private-law_en.pdf (дата обращения: 14 августа 2023 г.).

⁴ См. об этом: *Антимонов Б.С.* Основания договорной ответственности социалистических организаций. М.: Юридическая литература, 1962. С. 139; *Клейн Н.И.* Организация договорно-хозяйственных связей. М., 1976. С. 3.

и кредитными договорами, с целью последующей коррекции гражданского законодательства¹.

Отмечая терминологическую неточность категории «взаимосвязанных договоров», А.В. Габов обращает внимание на необходимость их изучения в части прояснения действительных случаев такой взаимосвязи, приводя в качестве одного из примеров связанности договор купли-продажи и договор залога². Многократно обращаясь к доктрине взаимосвязанных договоров, С.Ю. Морозов упоминает ее в контексте связи организационных договоров с имущественными³. Отдельные наработки в рамках исследуемой проблематики имеются у О.М. Иванова, который отмечает связанность договоров банковского счета, страхования, оценки имущества, залога или поручительства общей целевой направленностью⁴. А.В. Гунин обнаруживает связанность договоров, оформляющих субарендные отношения⁵, а Н.Н. Ковров – договоров, оформляющих субподрядные отношения⁶. Кроме того, взаимосвязанными считают договор лизинга и сопутствующий ему договор купли-продажи лизингового имущества⁷.

Тематика «связанных договоров» была удостоена законодательного внимания, что способствовало включению положения о них в проект Федерального закона № 136312-5 «О потребительском кредитовании»⁸,

¹ *Ширвиндт А.М.* Ограничение свободы договора в целях защиты прав потребителей в российском и европейском частном праве // Вестник гражданского права. 2013. № 1. С. 5–51.

² См. об этом: *Габов А.В.* Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования. М.: Статут, 2005. 412 с.

³ См. об этом: *Морозов С.Ю.* Система транспортных организационных договоров. М.: Норма, 2011. 352 с.

⁴ *Иванов О.М.* Правовое регулирование стоимости потребительского кредита: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 38.

⁵ *Гунин А.В.* Договор субаренды в российском гражданском праве: общие положения // Гражданское право. 2011. № 2. С. 30–33.

⁶ *Ковров Н.Н.* Договорные связи в субподрядных отношениях // Юрист. 2010. № 11. С. 28–31.

⁷ *Чепига Т.Д.* Финансовая аренда (лизинг): проблемы правопреемства // Цивилист. 2011. № 2. С. 67–72.

⁸ *О потребительском кредитовании: Проект Федерального закона № 136312-5 (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 18 ноября 2010 г.)* // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14 августа 2023 г.).

однако впоследствии соответствующая проектируемая норма права была исключена из законопроекта. Само терминологическое обозначение или близкие по смыслу слова, производные от него, – «взаимосвязанные договоры» – встречается в российском законодательстве: применительно к клиринговой деятельности (п. 2 ст. 14 Закона о клиринге¹); в рамках законодательства об электроэнергетике (абз. 3 п. 1 ст. 32 Закона об электроэнергетике); в контексте бухгалтерского учета².

Еще большую консервативность в части применения доктрины взаимосвязанных договоров проявляет российский правоприменитель. Так, крайне редко встречаются судебные акты, в которых содержится отсылка к этой доктрине. К примеру, Арбитражный Суд Московского округа квалифицировал в качестве взаимосвязанных договоров пары сделок по покупке и обратной продаже одних и тех же ценных бумаг³. Кроме того, на уровне правоприменительных актов, содержащих разъяснительный характер, также имеются упоминания взаимосвязанных договоров (например, в п. 2 Постановления Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62⁴).

Таким образом, следует признать, что доктрина взаимосвязанных договоров является неотъемлемой составляющей цивилистического учения о договоре управления залогом. Такой вывод предопределён тем объективным обстоятельством, что отношения, возникающие вокруг управления залогом, связаны с несколькими договорами, которые объединены общностью цели,

¹ *О клиринге*, клиринговой деятельности и центральном контрагенте: Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 7-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 14.02.2011. № 7. Ст. 904.

² *Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Учет договоров строительного подряда»* (ПБУ 2/2008): Приказ Минфина России от 24 октября 2008 г. № 116н (Зарегистрировано в Минюсте России 24 ноября 2008 г. № 12717) (ред. от 27.11.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru> (дата опубликования: 16 февраля 2021 г.).

³ *Постановление* ФАС Московского округа от 16 ноября 2011 г. по делу № А40-22155/11-34-193 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14 августа 2023 г.).

⁴ *О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица*: Постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 // Солидарность. № 31. 28.08-04.09.2013.

объекта и экономического содержания: так, договор управления залогом находится в неразрывной связи с договором залога, а договор залога – с обеспечиваемым залогом договорным обязательством.

Большинство ученых-юристов дают положительную оценку нормативному признанию ДУЗ, отмечая его соответствие национальной и международной предпринимательской практике¹. При этом отмечается слабая проработанность норм о нем и необоснованность спешки законодателя в принятии соответствующих правовых норм². В научной литературе отмечается, что нормы о ДУЗ способствуют «развитию гражданского оборота, повышению эффективности управления и реализации заложенного имущества»³. Кроме этого, отмечается, что «введение законодателем института управляющего залогом отвечает современным стандартам международной практики, в том числе при синдицированном кредитовании, поскольку позволяет не только существенно снизить расходы по управлению заложенным имуществом, но и улучшить его качество как вида обеспечения»⁴.

Положительное восприятие законодательной идеи о ДУЗ связано, прежде всего, с преимуществами этой договорной конструкции. По этому поводу С.П. Гришаев замечает, что «договор управления залогом может быть использован в целях более действенного использования кредитором своих прав и обязанностей, связанных как с заключением договора залога, так и с осуществлением прав и обязанностей залогодержателя»⁵. Р.С. Бевзенко

¹ См., например: Харитонова Ю.С. Договор управления залогом // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 11. С. 15–20.

² Василевская Л.Ю. Правовая квалификация договора управления залогом // Закон. 2016. № 3. С. 38–47.

³ Баутина В.С. Договор управления залогом: содержание и проблемы применения // Право, общество, государство: проблемы теории и истории: сб. ст. всерос. студенч. науч. конф. Российский университет дружбы народов, 2017. С. 269.

⁴ Нуриев А.Х. Регулирование проектного финансирования: на пути к международным стандартам // Международные банковские операции. 2014. № 1. С. 10.

⁵ Гришаев С.П., Богачева Т.В., Свит Ю.П. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс», 2019 (автор комментария к ст. 356 ГК РФ – С.П. Гришаев).

называет новеллу ст. 356 ГК РФ «одной из самых интересных новелл последней реформы залогового права»¹. По его мнению, множественность лиц на стороне залогодержателей является объективной предпосылкой правового регулирования управления залогом и если удовлетворение самостоятельных интересов нескольких лиц наиболее эффективно только путем объединения их усилий, то этим лицам нужен помощник, обеспечивающих баланс их интересов.

В.В. Витрянский дает неоднозначную оценку принятым правовым нормам о ДУЗ. Во-первых, он отмечает крайнюю скудность правовых предписаний, содержащихся в ст. 356 ГК РФ. Во-вторых, он обращает внимание на историю принятия соответствующих изменений: «действующий вариант регулирования договора управления залогом значительно проигрывает варианту, содержавшемуся в едином законопроекте, принятом в первом чтении. При подготовке соответствующей статьи ко второму и третьему чтениям из ее текста были "выброшены" (вероятно, за ненужностью) несколько весьма важных положений»².

А.В. Петухова, оценивая нормы об управлении залогом, пишет, что эта договорная конструкция весьма перспективна, поскольку благодаря ее опциям достигается профессиональное и, как следствие, эффективное управленческое воздействие на объект управления (права залогодержателей по договору залога), добавляя, что нормы института управления залогом слабо проработаны, а это требует от участников соответствующих договорных отношений повышенной внимательности при формулировании условий конкретного договора³.

¹ *Договорное и обязательственное право (общая часть) постатейный комментарий к статьям 307– 453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, О.А. Беляева и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. Электронное издание. Редакция 1.0. 1120 с. (автор комментария – Р.С. Бевзенко).*

² *Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2018. С. 216.*

³ *Петухова А.В. Залог: основные изменения законодательства // Индивидуальный предприниматель: бухгалтерский учет и налогообложение. 2014. № 4. С. 73–78.*

Нормы о ДУЗ сконцентрированы в одноименной ст. 356 ГК РФ, которая, однако, в ранее действовавшей редакции (до внесения изменений Законом № 367-ФЗ) была посвящена переводу долга по обязательству, обеспеченному залогом. Принятие Закона № 367-ФЗ способствовало созданию в рамках ст. 356 ГК РФ развернутого правового регулирования ДУЗ. Все нормативные правила о ДУЗ сконцентрированы исключительно в ст. 356 ГК РФ, что обуславливает отсутствие упоминания об этой договорной конструкции в иных положениях гражданского законодательства. Важно отметить специальный характер ст. 356 ГК РФ по отношению к ст. 334 ГК РФ, в которой содержится понятие залога.

Важным этапом эволюции законодательного регулирования ДУЗ стало принятие Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 528-ФЗ «О внесении изменений в статью 356 части первой и статью 860.1 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее по тексту также – Закон № 528-ФЗ)¹. Заметим, что этот поправочный федеральный закон был специально посвящен коррекции правового регулирования ДУЗ. Новеллы, предусмотренные данным законом, получили всестороннее освещение в научной литературе².

В пояснительной записке к Проекту Закона № 528-ФЗ³ отмечалось, что его целью является уточнение гражданского законодательства об управлении залогом. Разработчики соответствующего законопроекта поясняли, что анализ судебно-арбитражной практики, складывающейся вокруг ДУЗ, наглядно демонстрирует отдельные недостатки в части правового регулирования ДУЗ,

¹ *О внесении изменений в статью 356 части первой и статью 860.1 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 30 декабря 2020 г. № 528-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru> (дата опубликования: 30 декабря 2020 г.).*

² См., напр.: *Школдин К.В.* Договор управления залогом: новые правила управления залогом // *Новеллы права, экономики и управления 2021: сб. науч. трудов по мат-лам VII междунар. науч.-практ. конф. 2022. С. 114–117.*

³ *О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации: Проект Федерального закона № 808193-7 (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 08 октября 2019 г.) // Документ опубликован не был. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13 августа 2023 г.).*

требующие соответствующего законодательного реагирования. Так, обнаружена недостаточная конкретизация механизма осуществления управляющим залогом действий, направленных на получение имущества в интересах залогодержателя(лей) с целью передачи им этого имущества. Для разрешения обнаруженного недостатка законодательного регулирования управления залогом введены положения п. 4 ст. 356 ГК РФ, посвященные учетным обязанностям управляющего залогом в части фиксации кредиторов, их требований, имущества, полученного в их интересах, а также открытия специального банковского счета, именуемого «номинальным», с указанием кредиторов в качестве бенефициаров по этому счету.

Кроме того, в период подготовки проекта Закона № 528-ФЗ было обнаружено отсутствие правовых норм, направленных на регулирование юридической судьбы ДУЗ, осложнённого множественностью залогодержателей, в случае выбытия из этой множественности одного лица. Для восполнения этого пробела ст. 356 ГК РФ была дополнена новым абзацем п. 5, содержащим следующую норму: по общему правилу, прекращение прав одного из залогодержателей не влияет на юридическую судьбу ДУЗ в отношении иных залогодержателей, если иное не предусмотрено условиями этого договора или не вытекает из его существа. Однако если личность «выбывающего» кредитора имела существенное значение для иных участников соответствующих договорных правоотношений, то ДУЗ может предусматривать в этом случае прекращение этого договора для всех его участников.

Особого уточнения требовала ситуация, в которой должник и кредитор состояли в договорных отношениях, обусловленных договором синдицированного кредита (займа), одним из условий которого выступало правило об управлении залогом с передачей управляющих функций кредитному управляющему. В этой ситуации возникшее затруднение было обусловлено тем, что согласно законодательству о синдицированном кредите (займе) функции кредитного управляющего возлагаются на одного из

участников синдиката кредиторов, который в свою очередь выступает одновременно в двух функциональных ролях: как владелец номинального счета и как один из его бенефициаров. Для допущения возможности подобного функционального совмещения разработчики проекта Закона № 528-ФЗ предложили новое правило, внесенное впоследствии в п. 1 ст. 860.1 ГК РФ, об отсутствии запретов в части совмещения в лице владельца счета двух функциональных ролей – владельца счета и его бенефициара. Однако при этом было введено уточняющее правило о том, что владелец счета, совмещающий такие функции, в своих правоотношениях с банком должен всякий раз отмечать, в какой функциональной роли он выступает.

В пояснительной записке к проекту Закона № 528-ФЗ также обращалось внимание на проблему актуализации круга участников синдиката кредиторов или залогодержателей, сопряженную одновременно с двумя обстоятельствами: во-первых, допускаемой законодательством частой и неоднократной заменой кредиторов, а, во-вторых, сложностью и дорогостоящей постоянной актуализации списка залогодержателей. При этом участники исследуемой законодательной инициативы обратили внимание на то, что информация о составе кредиторов или залогодержателей безразлична для третьих лиц.

Речь идет о таких третьих лицах, которые имеют дело с изучением государственных и иных информационных реестров, имеющих сведения о залоге имущества должника. В то же время принципиальное значение для третьих лиц имеет информация о том, что права и обязанности кредиторов возложены на кредитного управляющего или управляющего залогом. Ввиду обозначенных обстоятельств разработчиками законопроекта было принято решение о снятии имеющихся барьеров в части развития институтов управления залогом и синдицированного кредитования путем дополнения ст. 356 ГК РФ правилом следующего содержания: в случае заключения ДУЗ или договора синдицированного кредита с условием об управлении залогом, сведения о залогодержателе не подлежат учету в государственных реестрах.

При этом в этих информационных учетных системах в качестве залогодержателя указывается управляющий залогом с отметкой о его статусе.

Таким образом, эволюция правовой регламентации договора управления залогом прошла несколько исторических этапов: 1) начало XX в. – фактическое существование управления залогом, основанного на непоименованной договорной конструкции; 2) 2009 г. – включение идеи о ДУЗ в Концепцию развития гражданского законодательства РФ с целью его имплементации из зарубежных правопорядков; 3) 2013 г. – разработка и последующие принятие проекта Закона № 367-ФЗ, регламентирующего договор управления залогом; 4) 2020 г. – реформа института управления залогом путем принятия Закона № 528-ФЗ.

Юридическая доктрина взаимосвязанных договоров, основным постулатом которой следует признать тезис о связи двух или более договоров, возникших между разными участниками имущественного оборота на отличных условиях, однако характеризующихся единством цели, объекта и экономического содержания, является основой цивилистического учения о договоре управления залогом, поскольку последний находится в неразрывной связи с договором залога, а договор залога – с обеспечиваемым залогом договорным обязательством.

§1.3. Правовая природа договора управления залогом

Статья 356 ГК РФ, специально посвященная ДУЗ, открывается с нетипичной для гражданско-правовых договорных конструкций нормы, которая содержит констатацию факта заключения ДУЗ и ограничивает его рамками предпринимательских отношений (абз. 1 п. 1 ст. 356 ГК РФ). Предпринимательская сфера ДУЗ подлежит широкому обсуждению в российской цивилистической доктрине¹.

¹ См., напр.: Харитонова Ю.С. Предпринимательские способы обеспечения исполнения обязательств // Предпринимательское право. 2018. № 1. С. 27–30.

Классическая для гражданско-правовых договорных конструкций легальная дефиниция ДУЗ содержится в абз. 2 п. 1 ст. 356 и звучит следующим образом: «по договору управления залогом управляющий залогом, действуя от имени и в интересах всех кредиторов, заключивших договор, обязуется заключить договор залога с залогодателем и (или) осуществлять все права и обязанности залогодержателя по договору залога, а кредитор (кредиторы) – компенсировать управляющему залогом понесенные им расходы и уплатить ему вознаграждение, если иное не предусмотрено договором».

В научной литературе проблематика правовой природы ДУЗ относится к числу широко обсуждаемых. По этому поводу Ю.С. Харитонова отмечает неудачность помещения норм о ДУЗ в раздел о залоге по причине сложности уяснения в этом случае его правовой природы. По её мнению, нет ясности относительно перечня существенных условий ДУЗ, критериев отграничения этой конструкции от смежных договоров, а также содержательной характеристики ДУЗ. Предлагая свою версию определения правовой природы ДУЗ, она замечает, что эта договорная конструкция предназначена для реализации управляющим полномочий залогодержателей, получающих в этом случае возможность «отойти от дел», что в свою очередь предопределяет возможность квалификации ДУЗ в качестве «услуговой» договорной конструкции посреднического типа¹.

Аналогичный взгляд на правовую природу ДУЗ выражен в исследовании Л.Ю. Василевской, которая в числе конституирующих признаков этого договора называет его «услуговую» направленность, акцентируя внимание на том, что речь идет об особом виде услуг, выражающихся в юридических действиях². Действительно, содержательно функционал управляющего залогом отличается большим количеством юридических услуг, как-то: заключение страховых сделок в отношении

¹ Харитонова Ю.С. Договор управления залогом // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 11. С. 15.

² Василевская Л.Ю. Правовая квалификация договора управления залогом // Закон. 2016. № 3. С. 38–47.

заложенного имущества; заключение имущественных сделок распорядительного или владельческого характера (п. 1 ст. 343 ГК РФ), заключение соглашения о замене и восстановлении предмета залога (ст. 345 ГК РФ), заключение соглашения о передаче договора (абз. 3 п. 1 ст. 356 ГК РФ), иные гражданско-правовые сделки. Признавая наличие в функционале управляющего залогом не только юридических, но и фактических действий, Л.Ю. Василевская подчеркивает их субсидиарный характер.

О.А. Рузакова также исходит из «услуговой» направленности ДУЗ, однако при определении его правовой природы она приходит к весьма необычному выводу, заключая о наличии в рамках ст. 356 ГК РФ «двух видов договора управления залогом, имеющих разную правовую природу и разный субъектный состав: 1) договор между кредиторами, к которому подлежат применению нормы о договоре простого товарищества; 2) договор между кредитором (кредиторами) и управляющим залогом»¹.

А.А. Завгородняя и О.С. Рыбка в совместном научном исследовании, посвященном определению правовой природы ДУЗ, отмечают, что ДУЗ является представительским договором и заключают о необходимости отнесения ДУЗ к договорам об оказании услуг². Представительский характер ДУЗ не подлежит сомнению: это подтверждается среди прочего распространением норм о договоре поручения на ДУЗ. Названное законодательное решение означает установление в отношении ДУЗ модели прямого представительства, при котором управляющий залогом действует от имени и в интересах всех кредиторов.

В схожем содержательном ключе рассуждает и Л.В. Щербачева, которая пишет: «Правовая природа договора управления залогом, определяемая предметом, направленностью договора, его субъектным составом,

¹ *Гражданский кодекс Российской Федерации: Залог. Перемена лиц в обязательстве. Постатейный комментарий к § 3 главы 23 и главе 24 / Под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2014. С. 124 (автор комментария к ст. 356 ГК РФ – О.А. Рузакова).*

² *Завгородняя А.А., Рыбка О.С. К вопросу о правовой природе договора управления залогом // EurasiaScience: сб. ст. XLII междунар. науч.-практ. конф. Москва, 2021. С. 243.*

предпринимательским характером, позволяет отнести его к договорам об оказании услуг, причем возмездных услуг как юридического, так и фактического характера»¹.

Особого внимания в рамках исследуемой проблематики заслуживает позиция И.С. Михалевской, подготовившей серию научных работ по ДУЗ, относительно правовой природы этой договорной конструкции. Так, она видит в нормах ст. 356 ГК РФ совокупность разных по своей правовой природе признаков, свойственных известным гражданскому законодательству конструкциям и делает вывод о невозможности определения правовой природы ДУЗ². Продолжая линию рассуждений И.С. Михалевской, можно прийти к выводу о квалификации ДУЗ в качестве смешанного договора, однако наличие специального правового регулирования в рамках ст. 356 ГК РФ не позволяет утвердиться в сделанном предположении.

А.Л. Маковский относительно правовой природы ДУЗ заметил, что введению института управления как нового договорного инструмента должна была предшествовать скрупулёзная законодательная работа, направленная на уяснение и разъяснение правовой природы ДУЗ, его содержания и круга общественных отношений, для которых этот договор был бы актуальным, но этого сделано не было³.

Правовая природа договора управления залогом может быть определена через призму таких его свойств, как направленность на оказание услуг, представительский и предпринимательский характер.

Констатируя услуговую направленность ДУЗ, представляется важным обратиться к термину «услуга» и его правовому содержанию. Определение указанного понятия можно встретить в словаре С.И. Ожегова, в котором

¹ Щербачева Л.В. Управление правом залога // Государственная служба и кадры. 2015. № 1. С. 60.

² Михалевская И.С. К вопросу о правовой природе договора управления залогом в гражданском праве России // Закон и право. 2014. № 10. С. 102.

³ Маковский А.Л. Собственный опыт – дорогая школа // Актуальные проблемы частного права: сб. ст. к юбилею П.В. Крашенинникова (Москва – Екатеринбург, 21 июня 2014 г.) / под ред. В.В. Витрянского, С.Ю. Головиной, Б.М. Гонгалю и др. М., 2014. С. 127.

«услуга» определена как «1) действие, приносящее пользу, помощь другому; 2) бытовые удобства, предоставляемые кому-нибудь»¹. Правовое значение понятия «услуга» во многом обусловлено экономическим содержанием данного феномена². Формируя именно экономическое представление об услуге, К. Маркс отмечал, что под ней следует понимать «полезное действие той или иной потребительной стоимости»³. Советская наука также исходила из экономического содержания «услуги»⁴. К примеру, М.Б. Россинский выделял два конституирующих признака «услуги»: ее потребительскую стоимость и свойственную ей специфическую форму экономических отношений⁵. Определяя родовую сущность «услуги» через экономические отношения, Н.А. Баринов связывал её с такими видовыми признаками, как направленность на получение результата, обладающего потребительской стоимостью, и способность удовлетворять разнообразные потребности⁶.

Цивилистические представления об «услуге» весьма разнообразны и находятся в увязке с такими её свойствами, как: отсутствие овеществленного результата, сохранение или изменение состояния конкретных благ⁷, удовлетворение потребностей услугополучателя или создание ему определённых удобств⁸. Формулируя развернутое доктринальное определение «услуги», Д.И. Степанов обращает внимание на такую ее важную характеристику, как «синхронность оказания и получения услуги»⁹.

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1986. С. 729.

² См. об этом: Шерстобитов А.Е. Гражданско-правовое регулирование договорных отношений в сфере обслуживания. М., 1987. С. 26.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 23. М., 1962. С. 203–204.

⁴ См., например: Грушевая Е.П. Обязательства по предоставлению услуг в хозяйственных отношениях // Правоведение. 1982. № 1. С. 82; Коляго В.С. Услуга как экономическая категория. М., 1983. С. 20.

⁵ Россинский М.Б. Сфера услуг в экономике развитого социализма. Саратов, 1976. С. 8.

⁶ Баринов Н.А. Услуги: (социально-правовой аспект): монография. Саратов, 2001. С. 17.

⁷ Санникова Л.В. Обязательства об оказании услуг в российском гражданском праве. М., 2007. С. 16.

⁸ Калмыков Ю.Х. Избранное: тр., ст., выступления. М., 1998. С. 31.

⁹ Степанов Д.И. Услуги как объект гражданских прав. М., 2005. С. 217.

А.В. Барков дает положительную оценку дефиниции «услуги», предложенной Д.И. Степановым, и обращает внимание на важность выделения таких признаков «услуги», которые характеризуют ее как объект гражданских прав¹. Е.Г. Шаблова, оперируя деятельностным подходом к характеристике «услуги», обращает внимание на разрешенность такой деятельности действующим правовым порядком и ее возмездный характер². Как видим, при всем многообразии научных взглядов на содержание понятия «услуги», ученые сходятся в некоторых общих признаках, присущих ей.

Несмотря на то, что гражданское законодательство содержит значительное количество «услужных» договорных конструкций, легальное определение «услуги» в ГК РФ отсутствует. Вместе с тем законодатель дает такое определение в нормах налогового законодательства: «услугой для целей налогообложения признается деятельность, результаты которой не имеют материального выражения, реализуются и потребляются в процессе осуществления этой деятельности» (п. 5 ст. 38 НК РФ). Отмечая экономический фокус определения «услуг», содержащегося в НК РФ, Л.Б. Ситдикова предлагает свою доктринальную дефиницию: «под услугой следует понимать действия (деятельность) юридического лица или гражданина-услугодателя, направленные на достижение определенного нематериального результата, удовлетворяющие потребности нуждающихся в них субъектов-услугополучателей, имеющие самостоятельную имущественную ценность и потребляемые в процессе оказания услуги»³.

Применяя выше названные научные результаты к такой «услуге», как «управление», являющееся смыслом ДУЗ, можно выделить следующие ее конституирующие свойства: 1) обусловленность экономической сущностью

¹ *Сфера услуг: гражданско-правовое регулирование: Сб. ст. / Под ред. Е.А. Суханова, Л.В. Санниковой. М., 2011. С. 109.*

² *Шаблова Е.Г. Гражданско-правовое регулирование отношений возмездного оказания услуг: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 13.*

³ *Ситдикова Л.Б. Правовое регулирование отношений по возмездному оказанию услуг. Набереж. Челны: изд-во Камс. гос. политехн. ин-та, 2003. С. 27, 88–89.*

управления; 2) деятельностный характер функционала управляющего залогом; 3) направленность на удовлетворение потребностей залогодержателей; 4) моментальная потребляемость управленческой услуги; 5) отсутствие о вещественного результата от управленческой деятельности.

Договоры, направленные на оказание услуг, представляют собой достаточно обширный сегмент гражданского оборота. В научной литературе предлагаются различные классификации услуг, в основе которых лежат те или иные основания. Так, Р.В. Шмелев предлагает дифференцировать юридико-фактические услуги по такому критерию, как «характер оказываемой услуги», на юридические, фактические и смешанные, а по такому критерию, как «сфера деятельности», на консультационные, информационные, образовательные и т.д.¹.

Услуги, оказываемые по ДУЗ, являются юридико-фактическими и осуществляются в сфере управления чужим имуществом.

В рамках определения правовой природы ДУЗ большое научно-практическое значение имеет обращение к теории договоров, направленных на оказание юридических и (или) фактических услуг, связанных с управлением. Весьма интересное исследование на этот счет было предпринято А.А. Павловым, предложившим новую договорную конструкцию – договор управления чужими делами. Так, в своем диссертационном исследовании А.А. Павлов рассматривает предлагаемую им новую договорную конструкцию на примере трех видов правоотношений: управление в корпоративном праве, в несостоятельности (банкротстве), в наследственном праве. Однако, как отмечает ученый, в действительности предлагаемая им договорная конструкция не ограничивается этими тремя видами частного управления. Отмечая, что термин «управление» фигурирует в первой части ГК РФ 128 раз, А.А. Павлов подчеркивает, что в числе наиболее существенных

¹ См. об этом: *Шмелев Р.В.* Понятие услуги как предмета договора возмездного оказания услуг. Отличия услуги от работы // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс», 2016 (дата обращения: 22 августа 2023 г.).

блоков частнопроводного управления законодатель регламентирует и ДУЗ¹. Думается, что если воспринять концепцию договора управления чужими делами и обеспечить ее соответствующими правовыми нормами, то ДУЗ мог бы быть признан частным случаем управления чужими делами.

Однако в отсутствие специальных норм о договоре управления чужими делами, как общей договорной конструкции, потенциально применимой к ДУЗ, важно выяснить место этого договора в системе гражданско-правовых договорных конструкций, поименованных в ГК РФ.

При определении правовой природы ДУЗ большое значение имеет фигура управляющего залогом. Он выполняет представительский функционал, осуществляя права залогодержателей от имени и в интересах всех кредиторов. Это предопределяет важность отграничения ДУЗ от таких смежных договорных конструкций, как договор поручения и договор простого товарищества. Связь ДУЗ с управлением обуславливает важность отграничения этой договорной конструкции также и от договора доверительного управления, являющемуся специальной конструкцией по передаче управленческих полномочий.

В контексте настоящих рассуждений важное значение имеет п. 6 ст. 356 ГК РФ, дословно содержащий следующие правила поведения: «В части, не урегулированной настоящей статьей, если иное не вытекает из существа обязательств сторон, к обязанностям управляющего по договору управления залогом, не являющегося залогодержателем, применяются правила о договоре поручения, а к правам и обязанностям залогодержателей по отношению друг к другу применяются правила о договоре простого товарищества, заключаемом для осуществления предпринимательской деятельности». Это означает, что законодатель напрямую отсылает к нормам о договоре поручения и договоре простого товарищества, субсидиарно применяемым к ДУЗ. Однако законодатель не делает того же в отношении норм гражданского

¹ Павлов А.А. Договор управления чужими делами по российскому гражданскому праву: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2020. С. 5.

законодательства о договоре доверительного управления, что делает возможным их применение по отношению к ДУЗ лишь по аналогии закона.

Из процитированной нормы п. 6 ст. 356 ГК РФ следует ряд важных выводов применительно к договору поручения: во-первых, правила о договоре поручения применяются к ДУЗ только применительно к обязанностям управляющего залогом и не подлежат применению по отношению к его правам; во-вторых, правила о договоре поручения применяются к ДУЗ только в том случае, если управляющий залогом является третьим лицом и не совмещает статус управляющего залогом и залогодержателя; в-третьих, правила о договоре поручения применяются к ДУЗ субсидиарно, что в частности означает приоритет специальных норм о ДУЗ, а также существования обязательства перед нормами о поручительстве. Таким образом, ДУЗ, управляющим залогом по которому выступает третье лицо, – это частный случай добровольного представительства, построенного по модели «квазипоручительских» правоотношений.

О.А. Рузакова отмечает близость конструкций договора поручения и ДУЗ, находящую проявление в нормах п.п. 1, 3 и 6 ст. 356 ГК РФ. Однако нетождественность сопоставляемых договоров обусловлена, прежде всего, запретом на осуществление прав и обязанностей залогодержателей, адресованным кредиторам (правило абз. 4 п. 1 ст. 356 ГК РФ). Иное предусмотрено нормами о договоре поручения, в рамках которого доверитель вправе выполнять права и обязанности поверенного по договору.

Еще более интересные выводы могут быть сделаны из анализа п. 6 ст. 356 ГК РФ применительно к простому товариществу. Так, правила о договоре простого товарищества применяются только в отношении прав и обязанностей залогодержателей и только в их отношениях друг с другом. Примечательно, что ученые-юристы по-разному воспринимают это нормативное предписание. К примеру, по мнению Л.Ю. Василевской, в отличие от договора простого товарищества, ДУЗ отличается четким разделением участников соответствующего правоотношения на активную

сторону и пассивную¹. Применение норм о договоре простого товарищества к отношениям, возникшим на основании ДУЗ, видится А.Л. Маковскому трудноосуществимым по причине того, что в отношениях между товарищами существенное значение имеет величина вклада, что не характерно для ДУЗ².

По поводу применимости к ДУЗ правил о смежных договорных конструкциях О. Визгалин пишет: «в соответствии со ст. 356 ГК РФ к правам и обязанностям залогодержателей по отношению друг к другу применяются правила о договоре простого товарищества, что не соответствует характеру договора управления залогом. При этом применение к договору управления залогом правил о договоре поручительства почему-то относится только к случаю, когда управляющий не является залогодержателем»³.

Сопоставление ДУЗ и договора доверительного управления имуществом позволяет сделать следующие общие выводы. Несмотря на то, что в основе сопоставляемых договорных конструкций лежит управление в его гражданско-правовом смысле, принципиальное отличие ДУЗ от договора доверительного управления заключается в правовом положении учредителей управления. Так, по условиям ДУЗ учредителем управления залогом может быть кредитор, не являющийся собственником имущества, а по условиям договора доверительного управления имуществом императивным требованием, предъявляемым к учредителю управления, является наличие у него правомочий собственника. Стоит поддержать В.В. Витрянского в том, что «современной цивилистической науке свойственно проводить аналогию между различными частными случаями управления чужой собственностью и обязательствами доверительного управления имуществом, что приводит к

¹ *Василевская Л.Ю.* Правовая квалификация договора управления залогом // Закон. 2016. № 3. С. 42.

² *Маковский А.Л.* Собственный опыт – дорогая школа // Актуальные проблемы частного права: сб. ст. к юбилею П.В. Крашенинникова (Москва – Екатеринбург, 21 июня 2014 г.) / под ред. В.В. Витрянского, С.Ю. Головиной, Б.М. Гонгалю и др. М., 2014. С. 127.

³ *Визгалин О.* Управление залогом при синдицированном кредитовании: что изменилось с принятием Закона № 486-ФЗ? // Банковское кредитование. 2018. № 4. С. 51–61.

необоснованному отождествлению различных по своему содержанию институтов гражданского права»¹.

И.С. Михалевская в одной из своих работ, посвященных ДУЗ, приходит к следующему выводу: «в настоящее время есть договор управления залогом, который во многом, в том числе по принципиальным вопросам, соответствует агентскому договору. Поэтому есть все основания признать данный договор разновидностью агентского договора»². Эта позиция требует дополнительной аргументации и может быть поставлена под сомнение. Сходство ДУЗ со смежными договорными конструкциями заключается в направленности на оказание услуг: либо юридических, либо юридико-фактических, либо управленческих. Вместе с тем законодателем создана уникальная договорная конструкция, отличающаяся специфическим предметом, который не позволяет допустить отождествление ДУЗ с имеющими договорными конструкциями.

На наш взгляд, ДУЗ обладает самостоятельной правовой природой поименованного договора. Эволюция имущественных отношений способствует формированию объективной потребности в новых договорных конструкциях, отличных от имеющихся в действующем законодательстве. О.С. Иоффе на этот счет справедливо заметил: «как только оборот принимает новые формы, так сразу же рождаются новые типы обязательств»³. Если у вновь появившегося договорного отношения обнаруживается новый признак, обладающий правовыми свойствами, то в таком случае стоит говорить об объективной потребности в новом поименованном договоре⁴. Своевременная

¹ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: В 5 кн. М., 2002. Кн. 3: Договоры о выполнении работ и об оказании услуг. С. 787–788.

² Михалевская И.С. Место договора управления залогом в системе гражданско-правовых договоров России // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 6. С.101. С. 95–102.

³ Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». С. 146.

⁴ См. об этом: Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М.: Госюриздат, 1963. С. 195–196; 300 с.; Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве России: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, Инфра-М, 2013. С. 73.

реакция законодателя на такие отношения обеспечивает юридически значимое разнообразие экономического оборота. В то же время нельзя не признать, что право всегда отстает от жизни. При этом участники общественных отношений нередко прибегают к фактическим договорным отношениям либо моделируют новые договорные конструкции, не предусмотренные действующим законодательством. В.С. Якушев на этот счет писал следующее: «экономическая жизнь и деловой оборот всегда шире закрепленных в законодательстве правовых форм»¹.

Таким образом, несмотря на то что законодатель допустил применение к договору управления залогом правил о смежных ему гражданско-правовых конструкциях, признаки которых присутствуют в модели ДУЗ, этот договор занимает самостоятельное место в системе гражданско-правовых сделок, направленных на оказание юридико-фактических услуг по причине особого значения и содержания такой услуги, как «управление».

Б.М. Гонгало отмечает обнаруженную им дифференциацию отношений, основанных на ДУЗ, на «внутренние» и «внешние». Так, под внутренними он понимает отношения залогодержателей между собой, а под внешними – отношения залогодержателей с управляющим залогом. Говоря о внутренних отношениях, Б.М. Гонгало как раз упоминает нормы о простом товариществе, подлежащие применению к этим отношениям². Такая квалификация отношений, основанием возникновения которых является ДУЗ, вызывает некоторые вопросы.

ДУЗ порождает «классическое» договорное правоотношение, в котором четко прослеживаются две корреспондирующие стороны обязательства – кредитор и должник. Безусловно, множественность на стороне кредиторов-

¹ Якушев В.С. Гражданский кодекс России (часть вторая) – продолжение формирования рыночного законодательства (общая правовая характеристика) // Российский юридический журнал. 1996. № 2. С. 22–23.

² *Гражданское право: учебник: в 2 т.* / О.Г. Алексеева, Е.Р. Аминов, М.В. Бандо и др.; под ред. Б.М. Гонгало. М.: Статут, 2016. Т. 2. 528 с. (автор комментария к ст. 356 ГК РФ – Б.М. Гонгало).

залогодержателей несколько усложняет обязательство, но не влияет на его правовую природу. Между кредиторами-залогодержателями фактически нет никаких отношений, поскольку их отношения находятся в связке с другим участником – управляющим залогом. Однако, рассуждая далее, Б.М. Гонгало пишет про два варианта «внешних» отношений: первый вариант – это внешние отношения, возникающие между одним из залогодержателей, выполняющим одновременно функцию управления залогом, и оставшимися залогодержателями, если их несколько; второй вариант – это внешние отношения, возникающие между управляющим залогом, в роли которого фигурирует третье лицо, и залогодержателем(ями). При этом Б.М. Гонгало достаточно просто объясняет применимость правил об иных договорных конструкциях к ДУЗ: к первому варианту применяются нормы о ведении общих дел товарищей, а ко второму – нормы о договоре поручения, если положениями ст. 356 ГК РФ не установлено иное¹.

Вероятно, законодатель, распространяя правила о простом товариществе на ДУЗ, имел ввиду только ту ситуацию, в которой на стороне управляющего залогом выступает один из кредиторов-залогодержателей. В этом последнем случае он превращается из «управляющего залогом» в «товарища», которому по договору поручено ведение дел от имени всех товарищей (залогодержателей). Из этого следует ряд принципиально важных выводов: во-первых, правовая природа ДУЗ находится в увязке с правовым статусом управляющего залогом и предопределена им: если в роли управляющего залогом выступает один из кредиторов-залогодержателей, то отношения между оставшимися залогодержателями и управляющим залогом строятся по модели ведения общих дел товарищей (ст. 1044 ГК РФ), однако если в роли управляющего залогом выступает третье лицо, то отношения между ним и кредиторами складываются по модели самостоятельного

¹ *Настольная книга нотариуса: в 4 т. / Е.А. Белянская, Р.Б. Брюхов, Б.М. Гонгало и др.; под ред. И.Г. Медведева. М.: Статут, 2015. Т. 2: Правила совершения отдельных видов нотариальных действий. 638 с. (автор гл. 11 – Б.М. Гонгало).*

поименованного договора, имеющего сходства с договором поручения. Анализ доктринальных позиций по поводу правовой природы ДУЗ наглядно демонстрирует недостаточный учет этого фактора, хотя некоторые исследователи обнаруживают разницу в соответствующих договорных моделях. Так, Л.В. Щербачева совершенно справедливо замечает: «Договор между кредитором (кредиторами) и управляющим залогом, безусловно, отличается от договора, в котором участвуют лишь кредиторы, хотя предмет договора управления залогом в этих договорах совпадает»¹. Аналогичный взгляд на ДУЗ принадлежит А.А. Певзнеру: «Отношения между управляющим предметом залога (если он сам – залогодержатель) и остальными залогодержателями регулируются нормами о простом товариществе, если же управляющий не является залогодержателем, то отношения с ним подчиняются нормам о поручительстве»².

Анализ правил ст. 356 ГК РФ позволяет убедиться в том, что законодатель не расставляет акценты в части предусмотренной им альтернативы договорных моделей ДКЗ. Этот факт негативным образом сказывается на всем правовом регулировании ДУЗ, поскольку часть норм, закрепленных в ст. 356 ГК РФ, касается только той договорной модели, управляющим залогом по которой выступает кредитор-залогодержатель, а часть – модели, управляющим залогом по которой является третье лицо. На наш взгляд, эти две модели должны быть подвергнуты дифференцированному правовому регулированию.

Проблема неучета потенциального существования двух договорных моделей ДУЗ связана с разной правовой природой этих договорных моделей. По этому поводу И.С. Михалевская пишет «нормы ст. 356 ГК РФ не дают ответа на этот вопрос [о правовой природе ДУЗ], предлагая элементы конструкции двух разных договоров: договора поручения и договора простого

¹ Щербачева Л.В. Управление правом залога // Государственная служба и кадры. 2015. № 1. С. 59.

² Певзнер А.А. Новеллы гражданско-правового регулирования множественности залогодержателей // Право и управление. XXI век. 2016. № 2 (39). С. 118.

товарищества, природа которых совершенно различна»¹. Так, если ДУЗ смоделирован таким образом, что на стороне управляющего залогом участвует третье лицо, то такая договорная конструкция тяготеет к поручению и, обладая некоторыми его признаками, отличается направленностью на управление чужими делами. Однако если ДУЗ смоделирован по принципу участия в роли управляющего залогом кредитора-залогодержателя, то такой договор тяготеет к простому товариществу и, обладая некоторыми его признаками, отличается направленностью на ведение общих дел. При этом, обладая общим предметом, две договорные модели управления залогом, дифференцированные по правовому статусу управляющего залогом, в любом случае могут быть названы «услуговыми».

Конституирующим признаком ДУЗ, позволяющим утверждать о самостоятельном характере этой договорной конструкции, выступает его предмет. Так, если предметом договора поручения выступают определённые юридические действия (п. 1 ст. 971 ГК РФ), которые должны быть четко конкретизированы во избежание признания такого договора незаключенным², то предмет ДУЗ может быть детально не конкретизирован – управляющий залогом обязуется осуществлять все права и обязанности залогодержателя по договору залога. Функция управления, составляющая существо деятельности управляющего залогом, заключается в реализации прав и обязанностей залогодержателей, однако такая характеристика содержания деятельности управляющего залогом является максимально абстрактной. Примечательно, что при описании полномочий управляющего залогом, законодатель

¹ Михалевская И.С. Правовые проблемы договора управления залогом // Закон и право. 2014. № 8. С. 70.

² См., например: *Постановление* ФАС Поволжского округа от 26 мая 2010 г. по делу № А57-

9906/2009; *Постановление* ФАС Уральского округа от 21 января 2009 г. № Ф09-10326/08-С4 по делу № А60-12068/2008-С11; *Постановление* ФАС Северо-Западного округа от 21 декабря 2007 г. по делу № А56-7060/2007; *Постановление* ФАС Восточно-Сибирского округа от 19 апреля 2006 г. № А58-2955/05-Ф02-1126/06-С1 по делу № А58-2955/05; *Постановление* ФАС Западно-Сибирского округа от 10.01.2006 № Ф04-9422/2005(18462-А81-13) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24 августа 2023 г.).

апеллирует к п. 4 ст. 185 ГК РФ, посвященному особенностям применения правил о доверенности к отношениям, обусловленным договором, содержащим соответствующее поручение. Полномочия управляющего залогом могут быть дифференцированы на два вида в зависимости от потребности в получении предварительного согласия кредиторов: 1) полномочия, содержащиеся в договоре и не требующие предварительного согласия кредиторов; 2) полномочия, хоть и содержащиеся в договоре, однако в силу его условий требующие предварительного согласия кредиторов.

Законодатель сохраняет «открытым» вопрос о форме такого предварительного согласия, оставляя, по всей видимости, этот вопрос на усмотрение сторон соответствующей сделки, что не может быть признано оправданным. Полагаем, что в силу «профессионального» предпринимательского статуса управляющего залогом, предварительное согласие кредиторов должно быть выражено в письменной форме. Такое уточнение направлено на превенцию юридических конфликтов и упорядочение деловой предпринимательской практики.

Что касается сопоставления предметов договора простого товарищества и ДУЗ, то их различие еще более очевидно: в отличие от товарищей, созалогодержатели не соединяют свои вклады и не действуют совместно. По большому счету, они могут друг друга и не знать, поскольку их интересы представляет управляющий залогом.

Признавая, что определение места ДУЗ в системе гражданско-правовых договорных конструкций связано с правовой природой исследуемой договорной конструкции, позволим себе высказать тезис о нетождественности ДУЗ с известными российскому гражданскому правопорядку договорными конструкциями, упоминаемыми в ст. 356 ГК РФ.

ДУЗ является самостоятельной договорной конструкцией, в рамках которой предусмотрены две договорные модели, поэтому считаем крайне важным определение его места в пандектной системе российского гражданского законодательства. По справедливому замечанию Ю.В. Романец,

«классификация по признаку направленности является основной в системе договорного права. В этой классификации выделяются, в частности, группы договоров, направленных: на передачу имущества в собственность; на передачу имущества во временное пользование; на выполнение работ (оказание услуг)»¹. В условиях развития рыночной экономики и в особенности ее цифрового сегмента растет удельный вес «услуговых» договорных конструкций. При этом часть из них включает в себя элементы нескольких известных гражданскому законодательству договоров, а часть – представляет собой непоименованные договоры. В силу того, что ДУЗ нормативно институализирован, обладает соответствующим корпусом правовых норм, обеспечивающих его гражданско-правовое регулирование, вряд ли обоснована его квалификация в качестве непоименованного. Признавая этот факт, видится более уместным помещение норм о ДУЗ во вторую часть ГК РФ.

В первой части ГК РФ расположены особые самостоятельные договорные конструкции, которые отражают особенности заключения или специальные правовые последствия любого гражданско-правового договора, если он отвечает указанным законом признакам². Очевидно, что ДУЗ не является самостоятельной договорной конструкцией, и несмотря на в целом понятную логику законодателя, стремившегося сконцентрировать нормы о залоге в разделе, посвященном этому способу обеспечения исполнения обязательств, считаем более уместным перенесение норм о нем во вторую часть ГК РФ. В.А. Белов прямо пишет: «Управление залогом – новый институт, имеющий к залогоу весьма отдаленное отношение»³.

Таким образом, правовая природа договора управления залогом может быть определена через призму таких его свойств, как направленность на

¹ Романец Ю.В. Договор простого товарищества и подобные ему договоры (вопросы теории и судебной практики) // Вестник ВАС РФ. 1999. № 2. С. 96–111.

² См. об этом подробнее: Ефимова Л.Г., Сизимова О.Б. Правовая природа смарт-контракта // Банковское право. 2019. № 1. С. 23–30.

³ Белов В.А. Что изменилось в Гражданском кодексе?: практич. пособие. М.: Юрайт, 2014. С. 90. 183 с.

оказание услуг, представительский и предпринимательский характер. Несмотря на то что законодатель допустил применение к договору управления залогом правил о смежных ему гражданско-правовых конструкциях, признаки которых присутствуют в модели ДУЗ, этот договор занимает самостоятельное место в системе гражданско-правовых договоров, направленных на оказание юридико-фактических услуг.

Для сохранения пандектной структуры системы российского гражданского законодательства представляется необходимым перенос правил о ДУЗ из первой части ГК РФ в его вторую часть путем создания новой главы – 53.1 «Договор управления залогом», в рамках которой должно быть создано дифференцированное правовое регулирование двух договорных моделей ДУЗ, отличающихся по правовому статусу управляющего залогом (кредитор-залогодержатель либо третье лицо).

Глава 2. Соотношение договора управления залогом со смежными договорными конструкциями

§2.1. Договор управления залогом и синдицированный кредит

В современных экономических условиях для решения задачи привлечения значительных денежных средств используется такой инструмент, как синдицированное кредитование, суть которого может быть описана следующим образом: запрашиваемая заемщиком денежная сумма предоставляется ему в кредит несколькими банками-займодавцами, представляющими в совокупности так называемый «синдикат». Состав такого синдиката существенно отличается по количеству участников: в некоторых случаях их несколько (тогда выдаваемый кредит нередко именуется «клубным»), в других – достаточно много (больше 50 банков), а в исключительных случаях – очень много (более 100 банков). The Wall Street Journal провел исследование в части выяснения наиболее частых российских участников синдицированного кредитования на стороне кредиторов и установил, что в синдикат кредиторов чаще всего входили ПАО «Сбербанк», ПАО «ВТБ», ПАО «Газпромбанк», а также российские корпорации Газпром, Газпромнефть, Новатек, Роснефть и др¹.

Российские заемщики стали использовать такой инструмент, как синдицированный кредит, примерно с середины 1990-х гг., нередко обращаясь в иностранные банки, которые в совокупности и составляли синдикат². Принято считать, что эволюция отечественного синдицированного кредитования берет свое начало в октябре 1995 г., когда Мосбизнесбанк получил впервые в истории российского банковского права два синдицированных кредита на общую сумму более 40 млн. долларов. В

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/story/200266/> (дата обращения: 13 сентября 2023 г.).

² См. об этом: Худяков М.Ю. Участники синдицированного кредита выбирают иностранное право // Банковское право. 2009. № 6. С. 41–48.

научной литературе отмечается, что пик синдицированных кредитов пришелся на 1997 г., в котором с помощью этого инструмента было привлечено 10 млрд. долларов¹.

Иностранный элемент в соответствующих сделках обусловил их правовое регулирование нормами зарубежного законодательства, что несколько тормозило развитие российского гражданского законодательства в этой части². Так, подавляющее большинство сделок по синдицированному кредитованию фактически регулировалось стандартной документацией, разработанной Ассоциацией кредитного рынка (Loan Market Association, LMA), которая, квалифицируется в качестве самостоятельного источника права, относимого к *lex mercatoria*³.

Заметим, что договор синдицированного кредитования (далее по тексту также – ДСК), заключенный по английскому законодательству, отличается следующими особенностями: каждый участник синдиката предоставляет заемщику строго оговоренную часть кредитных денежных средств, что позволяет квалифицировать обязательства банков-участников синдиката в качестве отдельных; параллельные кредиты, выданные заемщику банками-участниками синдиката, строятся на идентичных условиях и включаются в текст одного и того же договора, объем которого может достигать двухсот страниц; наконец, права банков-участников синдиката, вытекающие из ДСК, являются равными.

На начальных этапах развития отечественного рынка синдицированного кредитования российское законодательство в этой сфере отличалось низкой степенью разработанности, на что обращали внимание ученые-юристы,

¹ См. об этом: *Попкова Л.А.* Правовая конструкция синдицированного кредита: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 206 с.

² См. об этом: *Казьмин Д., Стеркин Ф.* Юристы теряют рынок // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2011. № 1.

³ См. об этом: *Иванов О.М.* О свободе договора, синдицированном кредите и направлениях развития гражданского права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 1. С. 118.

изучившие обозначенную проблематику¹. Первоначально отношения, возникающие из синдицированного кредитования, регулировались Инструкцией ЦБ РФ от 3 декабря 2012 г. № 139-И², впоследствии утратившей силу. В указанном акте содержалось легальное определение синдицированного кредита, а также их дифференциация на три группы. В научной литературе подчеркивается существенный вклад, внесенный в правовое регулирование ДСК, Ассоциацией банков России, поскольку именно по ее инициативе была разработана типовая документация для сделок синдицированного кредитования по российскому праву.

Как уже отмечалось ранее на страницах настоящего диссертационного исследования, отношения, возникающие в связи с участием в синдицированном кредитовании, являются одним из примеров реализации доктрины взаимосвязанных договоров. По этому поводу В.А. Белов утверждает даже о некоем едином акте волеизъявления: «все другие лица воспринимают не отдельные акты волеизъявления каждого из управомоченных лиц, а единый, выработанный ими по внутренним правилам, акт волеизъявления»³. Заметим, что эту позицию не поддерживает С.В. Сарбаш⁴. Уместность применения к отношениям из синдицированного кредитования положений доктрины взаимосвязанных договоров обусловлена возникающей в этой ситуации совокупностью отдельных правоотношений⁵, каждое из которых при этом остается самостоятельным⁶.

¹ См., например: *Сорокина И.О.* Особенности договорного сопровождения сделок синдицированного кредитования // *Банковское кредитование*. 2011. № 2. С. 49–64.

² *Об обязательных* нормативах банков: Инструкция ЦБ РФ от 3 декабря 2012 г. № 139-И (Зарегистрировано в Минюсте России 13 декабря 2012 г. № 26104) // *Вестник Банка России*. № 74. 21 дек. 2012 г.

³ *Белов В.А.* Гражданское право. Общая и Особенная части: Учебник. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. С. 692. (960 с.).

⁴ *Сарбаш С.В.* Обязательства с множественностью лиц и особенности их исполнения. М.: Статут, 2004. С. 14.

⁵ *Новицкий И.Б., Луиц Л.А.* Общее учение об обязательстве. М.: Гос. изд-во юридической лит., 1950. С. 204. (416 с.).

⁶ См. об этом: *Мейер Д.И.* Русское гражданское право: В 2 ч. Ч. 2. М.: Статут, 1997. С. 109; *Головинский В.* О происхождении и делении обязательства. Варшава, 1872. С. 213.

Примечательно, что до нормативного оформления правил о синдицированном кредитовании в научной литературе выдвигались предложения относительно правовой природы отношений, возникающих в связи с участием в синдикате. Так, по мнению Д.И. Гравина, разработавшего в рамках своего научного исследования концепт будущего правового регулирования ДСК, агент кредита должен действовать от имени и в интересах всех кредиторов и подчиняться нормам, предусмотренным главой 52 ГК РФ, что распространяется в равной мере и на агента обеспечения¹. Вслед за Д.И. Гравиным, Ю.С. Харитоновна дает агенту обеспечения весьма интересную квалификацию, именуя его «квизикредитором по всем обязательствам, вытекающим из синдицированного кредита»².

Вместе с тем следует подчеркнуть, что применимость ДУЗ не ограничивается исключительно сферой синдицированного кредитования: в действительности такая конструкция может быть востребована и в иных предпринимательских отношениях. По этой причине в абз. 1 п. 1 ст. 356 ГК РФ делается пометка на ограниченность отношений, возникающих из ДУЗ, сферой предпринимательства.

В российском законодательстве появление специальных норм, посвященных ДСК, состоялось 31 декабря 2017 г. в результате принятия Федерального закона от 31 декабря 2017 г. № 486-ФЗ (далее по тексту также – Закон об СК)³. В пояснительной записке к проекту указанного федерального закона⁴ содержится развернутая аргументация необходимости принятия

¹ Гравин Д.И. Синдицированное кредитование в российском и английском праве // Журнал российского права. 2013. № 12. С. 107.

² Харитоновна Ю.С. Договор управления залогом // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 11. С. 17.

³ О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 31 декабря 2017 г. № 486-ФЗ (ред. от 22.12.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru> (дата опубликования: 22 декабря 2020 г.).

⁴ Пояснительная записка «К проекту федерального закона "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части сделок по синдицированному кредиту)"» // [Электронный ресурс]. Текст документа приведен в

соответствующих правовых норм. Так, в ней отмечается, что законопроект устраняет правовые неопределённости, сопряженные с договором синдицированного кредитования. С экономической точки зрения, нормативное закрепление этой договорной конструкции на уровне отдельного федерального закона преследовало цель увеличения объемов кредитования в реальном секторе экономики за счет тех преимуществ, которые связаны с этим договором. Банковское кредитование занимает особую нишу в структуре отечественного рынка финансирования и по этой причине требует актуализации законодательства. В указанной выше пояснительной записке также подчеркивается, что известный зарубежным правовым порядкам институт синдицированного кредитования обладает следующими преимуществами: снижает транзакционные расходы, оптимизирует использование обеспечения, распределяет кредитные риски между несколькими банками и обеспечивает диверсификацию портфеля отдельного банка, служит базовым активом для широкого круга финансовых инструментов.

Характеризуя модель ДСК, его разработчики отметили существенное значение для этой модели фигуры управляющего залогом. Квалифицируя этот договор в качестве смешанного, разработчики законопроекта разъяснили, что ДСК включает в себя три группы правоотношений: первая группа – это кредитные отношения, возникающие между заемщиком и каждым из банков, входящих в синдикат; вторая группа – это отношения между банками, входящими в синдикат; третья группа – это отношения банков-кредиторов с агентами (управляющим залогом и кредитным управляющим).

Несмотря на относительную новизну норм о ДСК, эта договорная конструкция привлекла существенное внимание со стороны научного сообщества, что подтверждается обилием публикаций по данной тематике¹.

соответствии с публикацией на сайте: <http://asozd.duma.gov.ru/> (дата опубликования: 21 июня 2017 г.).

¹ См., например: *Кудлай В.А., Наумцева Е.И.* Актуальные вопросы финансирования участия в кредите (займе) – нового инструмента российского вторичного рынка синдицированного кредитования. Виртуальный case-study // *Банковское право. 2022. № 5.*

Легальная дефиниция ДСК помещена в п. 1 ст. 2 Закона о синдицированном кредите и звучит следующим образом: «по договору синдицированного кредита (займа) несколько кредиторов (далее – синдикат кредиторов) обязуются согласованно друг с другом предоставить или предоставлять заемщику денежные средства в размере и сроки, предусмотренные договором для каждого кредитора, а заемщик обязуется возратить кредиторам полученные от них денежные средства, уплатить проценты за пользование денежными средствами, а также иные платежи, если обязанность их уплаты предусмотрена договором». Заметим, что в первоначальной редакции законопроекта предлагалось расположить дефиницию ДСК в специально созданную для этих целей одноименную статью Федерального закона от 02 декабря 1990 г. № 395-1 (далее по тексту также – Закон о банках)¹. Однако впоследствии новелла Закона о банках в части норм о синдицированном кредите была существенно видоизменена. В итоге в ст. 25.2 Закона о банках появились отсылочные нормы, касающиеся соглашения о финансировании участия в кредите. Так, в указанной статье содержится отсылка к Закону о синдицированном кредитовании.

Из анализа легальной дефиниции ДСК следует, что этот договор является консенсуальным и порождает, как правило, длящиеся отношения, что предопределено существом обязательства, возникающего на основании указанной сделки. В банковской практике для характеристики этих отношений

С. 15–24; № 6. С. 7–15; Булыгин А.А., Губарев Д.С. Типовая форма договора синдицированного кредита: шаг к новому стандарту на российском рынке // Банковское право. 2022. № 2. С. 32–37; Чуб Д.В. Использование технологии блокчейн при заключении и администрировании договора синдицированного кредита // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 11. С. 55–64; Михайловский В.А., Федорков А.Е. Соглашение об основных условиях синдицированного кредита // Банковское право. 2020. № 3. С. 33–41; Михайловский В.А., Федорков А.Е. Соглашение об основных условиях синдицированного кредита // Банковское право. 2020. № 3. С. 33–41; Никитина Н.И., Лымарь Ю.И. Направления совершенствования законодательства о синдицированном кредите // Банковское право. 2020. № 2. С. 68–74 и др.

¹ О банках и банковской деятельности: Федеральный закон РФ от 02 декабря 1990 г. № 395-1 (ред. от 04.08.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru> (дата опубликования: 4 августа 2023 г.).

используется специальная терминология: «транши», под которыми понимаются платежи в рамках одной финансовой услуги. Определяя правовую природу ДСК, Н.А. Матвеева приходит к выводу о том, что с учетом предмета ДСК его следует относить к группе договоров, направленных на оказание услуг, и дополнительно подчеркивает, что легальная дефиниция ДСК практически совпадает с родовым понятием, содержащимся в п. 1 ст. 779 ГК РФ¹.

Сложность исследуемой нами договорной конструкции предопределила необходимость включения в нормы Закона об СК еще одной сопутствующей ему договорной конструкции – договора об организации синдицированного кредита (займа) (ст. 3 Закона об СК). В судебной практике на этот счет встречаются споры относительно налогового учета комиссии, уплачиваемой за организацию синдицированного кредита. Приведем соответствующий пример из судебно-арбитражной практики: «Натиксис Банк» обратился в Арбитражный суд г. Москвы с заявлением к Межрайонной инспекции ФНС по г. Москве о признании недействительными решения о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения. В обоснование своего требования «Натиксис Банк» разъяснил, что им совместно с иными кредитными организациями было заключено соглашение об оказании услуг по организации синдицированного кредита, одним из кредиторов по которому являлся сам банк. За организацию синдицированного кредита банку была уплачена комиссия, которую налоговая инспекция ошибочно квалифицировала в качестве денежных средств, полученных в качестве платы за оказание самостоятельных услуг банком по организации синдицированного кредитования заемщика. Арбитражный суд Московского округа, удовлетворяя требование «Натиксис Банка», обосновал принятое по делу решение следующим образом: поскольку банк правомерно не включил в налоговую базу по НДС комиссию, полученную от финансируемого общества и

¹ Матвеева Н.А. Правовая природа договоров синдицированного кредита и об организации синдицированного кредита // Банковское право. 2020. № 3. С. 24.

перенаправленную банком-агентом, так как спорные услуги не являются самостоятельными, а представляют собой составную часть банковской операции по выдаче синдицированного кредита¹.

Интересно, что аналогично ДУЗ, ДСК может быть построен по одной из двух моделей, дифференцированных по правовому статусу кредитного управляющего: ДСК, в котором кредитным управляющим выступает один из участников синдиката кредиторов, и ДСК, в котором кредитным управляющим выступает третье лицо.

Однако здесь важно дать следующие разъяснения: в таком виде норма п. 1 ст. 4 Закона об СК звучит именно таким образом, что позволяет нам рассуждать о вышеназванных моделях только в редакции Федерального закона от 22 декабря 2020 г. № 447-ФЗ². Ранее до внесения соответствующих поправок норма п. 1 ст. 4 Закона об СК звучала следующим образом: «Договором синдицированного кредита (займа) должно быть предусмотрено, что один из участников синдиката кредиторов (кредитный управляющий) ведет ...». Таким образом, перечисляя полномочия кредитного управляющего законодатель недвусмысленно допускал участие в таком качестве исключительно одного из участников синдиката кредиторов. Думается, что этот факт сам по себе является достаточным основанием для изучения конструкции ДУЗ через призму двух моделей, дифференцированных по правовому статусу управляющего залогом. Экстраполируя эту тенденцию, прослеживающуюся в новеллах законодательства о ДСК, на отношения по

¹ *Постановление* ФАС Московского округа от 06 сентября 2013 г. по делу № А40-71030/12-108-57 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13 сентября 2023 г.). См. аналогичные дела: *Постановление* ФАС Московского округа от 11 сентября 2012 г. по делу № А40-98646/11-99-438; *Постановление* Арбитражного суда Московского округа от 30 июня 2015 г. № Ф05-7266/2015 по делу № А40-65624/2014 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13 сентября 2023 г.).

² *О внесении изменений в Федеральный закон «О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. № 447-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru> (дата опубликования: 22 декабря 2020 г.).*

управлению залогом, можно сделать вывод о правовой политике российского законодателя в части допущения к оказанию услуг, сопряженных с синдицированным кредитованием, третьих лиц, не являющихся участниками синдиката.

Кредитный управляющий, как и управляющий залогом, действует от имени и в интересах всех участников синдиката кредиторов. При этом Закон о СК предусматривает в императивном порядке необходимость взаимодействия кредитного управляющего и управляющего залогом, если участники синдиката вступили в правоотношения, обусловленные ДУЗ (п. 1.1 ст. 4 Закона о синдицированном кредите). Функционал кредитного управляющего может быть условно разделен на две группы обязательств: первая группа – реестровые обязательства, сопряженные с возложенной на кредитного управляющего функцией по ведению реестра участников синдиката кредиторов; вторая группа – представительские обязательства, обусловленные возложенной на кредитного управляющей функцией по осуществлению прав кредиторов.

Анализ Закона о СК позволяет заключить, что ДСК и ДУЗ – это классический пример действия доктрины взаимосвязанных договоров. Так, юридико-технический прием, который имеет место в нормах Закона о СК, заключается в том, что законодатель упоминает о трех взаимосвязанных договорах, перечисляя их в одном ряду: «по договору синдицированного кредита (займа), межкредиторскому соглашению и договору управления залогом». Ученые-юристы также обращают внимание на такую взаимосвязь. Так, Л.А. Попкова, рассуждая о синдицированном кредитовании, пишет о системе взаимосвязанных разнотипных гражданско-правовых договоров, имеющих общую хозяйственную цель¹. При этом исчерпывающий перечень договорных конструкций, входящих в синдицированное кредитование, остается не установленным. На этот счет в научной литературе высказываются

¹ Попкова Л.А. Правовая конструкция синдицированного кредита: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 11.

различные позиции, что, в частности, обусловлено разной правовой квалификацией самих договоров, подлежащих объединению в рамках единой конструкции ДСК. Так, О.П. Казаченок, квалифицируя ДСК в качестве смешанного договора, рассуждает о различных моделях такого договора, которые могут включать в свой состав: кредитный договор и агентский договор; кредитный договор, агентский договор и договор поручительства; кредитный договор и договор простого товарищества и т.д.¹. На смешанный характер ДСК обращает внимание и правоприменитель².

Однако в научной литературе встречается и иная позиция относительно квалификации ДСК, включающего в себя элементы иных договоров. Так, Л.Г. Ефимова предлагает дифференцировать ДСК на несколько видов: конгломерированный ДСК, который включает в себя содержание всех договорных конструкций, перечисленных в Законе об СК; рамочный ДСК, в котором согласованы только общие условия будущих договоров; смешанный ДСК, включающий признаки конгломерированного ДСК и рамочного ДСК³.

При этом стоит обратить внимание на то, что правовое регулирование соответствующих договорных конструкций носит преимущественно автономный характер: несмотря на то что нормы о синдицированном кредите касаются ДУЗ, а нормы о ДУЗ – касаются синдицированного кредита, обе договорные конструкции регламентируются собственным федеральным законом (договор синдицированного кредита – Законом об СК; ДУЗ – ГК РФ). В Законе об СК содержится 25 фрагментов, упоминающих ДУЗ. Так, в п. 4 ст. 2 Закона об СК управление залогом квалифицируется в качестве «иного

¹ Казаченок О.П. Правовая природа и порядок заключения синдицированного кредитного соглашения // Бизнес. Образование. Право. 2017. № 1. С. 219.

² См., например: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 03 октября 2019 г. по делу № А03-2172/2017; Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 03 июня 2019 г. по делу № А19-11558/2016; Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 мая 2019 г. по делу № А53-35707/2017 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13 сентября 2023 г.).

³ Ефимова Л.Г. Правовые особенности договора синдицированного кредита // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 10 (50). С. 20–44.

обязательства сторон синдицированного кредита», а в п. 5 этой же статьи предусматривается возможность прекращения или изменения ДУЗ положениями ДСК.

В п. 3 ст. 4 Закона о СК содержится важное правило о допустимости наделения кредитного управляющего функциями управляющего залогом: представляется, что это вполне логично с учетом взаимосвязи сопоставляемых договорных конструкций. Очевидно, что подобное совпадение роли кредитного управляющего и управляющего залогом в одном лице не актуально только для тех сделок, в которых требуется узкая управленческая специализация, обуславливающая заключение ДУЗ с профессиональным управляющим – третьим лицом. В судебной практике нередко встречаются случаи подобного совпадения функций кредитного управляющего и управляющего залогом в одном лице. Приведем пример из судебно-арбитражной практики: так, 05 октября 2016 г. между АО «Райффайзенбанк» в качестве организатора, кредитного агента и управляющего залогом и синдикатом банков был заключен договор о предоставлении синдицированного кредита, а также соглашение о вознаграждении в отношении АО «Райффайзенбанк», выступившего в качестве кредитного агента и управляющего залогом. С 26 февраля 2019 г. АО «Райффайзенбанк» сложил с себя полномочия кредитного агента, а с 18 марта 2019 г. – и полномочия управляющего залогом. 17 ноября 2021 г. АО «Райффайзенбанк» обратился в суд с требованием о взыскании вознаграждения за услуги по управлению залогом и услуги кредитного агента, неустойки. Однако ему было отказано по причине пропуска срока исковой давности, который истек 11 ноября 2021 г.¹. Не оценивая в целом данное разбирательству по существу, ограничимся лишь указанием на то, что интересными представляются два факта: во-первых, факт того, что АО «Райффайзенбанк» сосредоточил в своих

¹ *Постановление* Арбитражного суда Московского округа от 02 марта 2023 г. № Ф05-391/2023 по делу № А40-247421/2021 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13 сентября 2023 г.).

руках функции кредитного управляющего и управляющего залогом; во-вторых, такие функции были поручены синдикатом кредиторов банку. Добавим, что сам АО «Райффайзенбанк» вступил в эти договорные отношения в качестве третьего лица, то есть сам не являлся участником синдиката банков.

В п. 4 ст. 6 Закона об СК дополнительно разъясняется, что, по общему правилу, ДУЗ не влияет на отношения сторон ДСК в части изменения или прекращения соответствующих обязательств.

Помимо Закона о СК, ДСК упоминается также в таком подзаконном акте, как Постановление Правительства РФ от 15 февраля 2018 г. № 158¹, в котором ДСК используется как ведущий договорный инструмент для финансирования инвестиционных проектов.

Таким образом, договор управления залогом и договор синдицированного кредитования соотносятся как род и вид. Поиск их родовидовых отличий не имеет методологического значения, поскольку договор синдицированного кредитования является частным случаем договора управления залогом. Напротив, и договору синдицированного кредитования, и договору управления залогом свойственны идентичные признаки: консенсуальность, возмездность, направленность на оказание услуг.

Постановка вопроса о сопоставлении института управления залогом и института синдицированного кредитования во многом обусловлена ситуацией, которую можно кратко изложить следующим образом: «отношения по "управлению" залогом широко распространены – управление проблемными и непрофильными активами и сделки синдицированного кредитования»². Цитируя А.И. Мацуева и К.С. Миллер, мы хотели

¹ *О программе «Фабрика проектного финансирования»*: Постановление Правительства РФ от 15 февраля 2018 г. № 158 (ред. от 10.05.2023) (вместе с «Правилами предоставления субсидий из федерального бюджета в виде имущественного взноса Российской Федерации в государственную корпорацию развития "ВЭБ.РФ" на возмещение расходов в связи с предоставлением кредитов и займов в рамках реализации механизма "фабрики" проектного финансирования») // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru> (дата опубликования: 20 мая 2023 г.).

² *Мацуев А.И., Миллер К.С.* Некоторые практические проблемы использования договора управления залогом // *Банковское право.* 2020. № 2. С. 75.

акцентировать внимание на том, что сложность соотношения ДУЗ и договора синдицированного кредита предопределена теми объективными обстоятельствами, что эти договоры обладают взаимодополняющим значением, обеспечивая удовлетворение соответствующих потребностей на рынке финансовых и сопутствующих услуг.

Интенсификация отношений, возникающих из синдицированного кредитования, нередко связывается с изменением экономической ситуации под воздействием геополитических преобразований, характерных для начала 20-х гг. XXI в. Так, в условиях санкционного давления масштабные инфраструктурные проекты переместились в российскую юрисдикцию с одновременным уходом с российского рынка большинства иностранных банков. В условиях отсутствия иностранных участников соответствующих отношений, основанием возникновения которых выступает договор синдицированного кредитования, отпала необходимость применения иностранного законодательства в исследуемой сфере. По этому поводу А.И. Мацуев и К.С. Миллер замечают, что обычной практикой для российского рынка синдицированного кредитования стало использование английского законодательства в части регулирования соответствующих договорных отношений¹. Видимо, именно по этой причине российский законодатель, разрабатывая первые законопроекты в отношении синдицированного кредитования, во многом ориентировался на англосаксонскую правовую систему, стремясь имплементировать его институты (в том числе институт имущественных потерь, заверения об обстоятельствах, рамочного договора и т.п.).

На сегодняшний день потребность в применении такого финансового инструмента, как договор синдицированного кредитования, как никогда актуальна. Это детерминировано крупными инфраструктурными проектами как федерального, так и региональных уровней. В таких проектах требуется

¹ Там же.

гигантское финансирование, предоставление которого под силу только синдикату банков.

Исследуя эволюцию законодательного регулирования института управления залогом, некоторые ученые проводят прямые параллели между этим институтом и договором синдицированного кредитования. К примеру, Д.И. Степанов прямо пишет о том, что сферой общественных отношений, в которых существует объективная потребность в управлении залогом, выступает синдицированное кредитование. Правда, указанный ученый при этом ссылается на опыт таких стран, как Германия и Нидерланды¹. Цитируя Д.И. Степанова, Ю.С. Харитонов справедливо добавляет, что институт синдицированного кредитования завоевал популярность и в условиях российского рынка².

Учитывая, что синдицированное кредитование являлось главной сферой применения ДУЗ, неотъемлемой частью его правового регулирования стало специальное законодательство о синдицированном кредитовании, а именно – Федеральный закон от 31 декабря 2017 г. № 486-ФЗ «О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее по тексту – Закон о СК)³. Ценность этого закона для конструкции ДУЗ заключается в том, что он конкретизировал правовой статус управляющего залогом и детализировал отношения, возникающие из управления залогом при синдицированном кредитовании.

Несмотря на многочисленную критику, которая поступила в адрес правовых норм ст. 356 ГК РФ, следует признать, что нормативное закрепление конструкции ДУЗ было насущной потребностью в том числе банковского

¹ *Степанов Д.И.* Проект Гражданского кодекса: от патернализма по-советски к истинному частному праву // Закон. 2012. № 5. С. 97–110.

² *Харитонов Ю.С.* Договор управления залогом // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 11. С. 17.

³ *О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 31 декабря 2017 г. № 486-ФЗ (ред. от 22.12.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 22 декабря 2020 г.).*

сектора, нередко сталкивающегося со сложностями при заключении управленческих сделок в отношении синдицированного кредитования, обеспеченного залогом: в отсутствие специального правового регулирования ДУЗ конструировался как непоименованная договорная конструкция и встречал «консервативное» сопротивление со стороны правоприменителя вплоть до утраты обеспечения по сделке¹.

В научной литературе справедливо критикуется законодательное решение о субсидиарном применении к отношениям участников из ДУЗ норм соответствующих положений ГК РФ о договоре поручения (п. 6 ст. 356 ГК РФ)². Ученые сходятся во мнении, что такое законодательное решение небезупречно и напрямую касается исполнения договора синдицированного кредитования. Это обусловлено тем, что ДУЗ в рамках синдицированного кредитования чаще всего строятся по модели, в которой в роли управляющего залогом выступает один из кредиторов-банков-созалогодержателей. Для такой модели ДУЗ признаки договора поручения не характерны: более того, такая модель прямо противоречит правилу о правовом статусе поверенного, которому категорически запрещено представительство самого себя.

Неудачность ст. 356 ГК РФ, на которую уже обращалось внимание ранее, связана и с тем, что часть положений этой статьи касается только синдицированного кредитования, что создает дополнительную путаницу в понимании этой конструкции. Рассмотрим эти положения более подробно.

Абзац 4 п. 4 ст. 356 ГК РФ, являющийся результатом последних изменений рассматриваемой статьи, впервые по тексту ст. 356 ГК РФ упоминает о синдицированном кредитовании. В этом абзаце содержатся правила о порядке передачи кредиторам причитающихся им в результате исполнения ДУЗ денежных средств. Следующее упоминание

¹ См. об этом: *Визгалин О.* Управление залогом при синдицированном кредитовании: что изменилось с принятием Закона N 486-ФЗ? // *Банковское кредитование.* 2018. № 4. С. 51.

² *Мацуев А.И., Миллер К.С.* Некоторые практические проблемы использования договора управления залогом // *Банковское право.* 2020. № 2. С. 75–79; № 3. С. 28–32.

синдицированного кредитования по тексту ст. 356 ГК РФ встречается в п. 5.2 этой статьи, в котором отмечается специфика осуществления полномочий по осуществлению прав залогодержателей в случае возбуждения в отношении залогодателя дела о банкротстве. Наконец, третье упоминание синдицированного кредитования встречается в п. 7 ст. 356 ГК РФ, в котором, в частности, отмечаются организационные особенности, связанные с указанием в регистрационных и реестровых сведениях в качестве залогодержателя кредитного управляющего.

Исследуемая проблематика затрагивается в совместной научной работе А.И. Мацуева и К.С. Миллер, в которой подчеркивается, что ст. 356 ГК РФ не лишена технических недостатков, вызванных в числе прочего таким юридико-техническим дефектом, как излишнее правовое регулирование. В качестве примера такого дефекта исследователи обозначают акцентуацию внимания в нормах ст. 356 ГК РФ на договоре синдицированного кредитования и на кредитном управляющем. Критикуя подобное упоминание, А.И. Мацуев и К.С. Миллер прямо пишут: «подобная ситуация представляет собой лишь частный случай способа заключения договора управления залогом (который и так достаточно подробно описан в Законе о синдицированном кредите) и, на наш взгляд, не требует отдельного описания в Гражданском кодексе Российской Федерации»¹. Соглашаясь в целом с указанными авторами, позволим себе сделать следующее терминологическое замечание: договор синдицированного кредита, содержащий условие об управлении залогом, действительно является частным случаем договора управления залогом. В этом смысле можно даже утверждать о том, что договор управления залогом по отношению к договору синдицированного кредитования выступает «родом», что позволяет включить сопоставляемые договоры в такой ряд философских категорий, как «род и вид». Однако при этом вряд ли оправдана

¹ Мацуев А.И., Миллер К.С. Некоторые практические проблемы использования договора управления залогом // Банковское право. 2020. № 3. С. 32.

квалификация договора синдицированного кредитования в качестве способа заключения ДУЗ.

Таким образом, выяснено, что договор управления залогом и договор синдицированного кредитования соотносятся как род и вид, им свойственны идентичные признаки: консенсуальность, возмездность, направленность на оказание услуг.

Дополнительно установлено, что отношения, возникающие из синдицированного кредитования, могут регулироваться группой взаимосвязанных договоров, в числе которых: договор синдицированного кредита (займа), межкредиторское соглашение и договор управления залогом.

Установлена тенденция, прослеживающаяся в новеллах законодательства о синдицированном кредитовании, в части допущения к оказанию услуг, сопряженных с синдицированным кредитованием, третьих лиц, не являющихся участниками синдиката.

§2.2. Договор управления залогом и договор поручения

Сопоставление таких договорных конструкций, как ДУЗ и договор поручения, не вызывает вопросов относительно целесообразности и практической значимости: пожалуй, соотношение этих договоров можно признать краеугольной проблемой теории института управления залогом, поскольку от решения поставленной задачи напрямую зависит правовая природа исследуемой нами конструкции.

На первый взгляд, договор управления залогом и договор поручения действительно немного похожи: оба являются консенсуальными, двусторонне обязывающими, возмездными (по общему правилу). Однако уже гражданско-правовая характеристика сопоставляемых договорных конструкций позволяет убедиться в их неидентичности: в отличие от договора поручения, ДУЗ является также предпринимательским, срочным договором, рассчитанным на длительные отношения сторон, и предполагающим, как правило,

множественность на стороне кредитора-залогодержателя, в целом не свойственную договору поручения. Конечно, на стороне поручителя может быть множественность лиц, однако это скорее исключение, чем правило.

Научные исследования, посвященные ДУЗ, нередко апеллируют к конструкции договора поручения, что предусмотрено не только правилом п. 6 ст. 356 ГК РФ, но и особенностью модели представительства, заложенной в ДУЗ. Так, анализ его легальной дефиниции позволяет убедиться в его представительском характере, поскольку управляющий залогом действует от имени и в интересах всех кредиторов, являющихся стороной ДУЗ. По этому поводу Л.Ю. Василевская отмечает следующее: «решая вопрос о возможности конструирования договора управления залогом по двум основным договорным моделям представительства (прямое или косвенное), законодатель избрал договор поручения (глава 49 ГК РФ), который, как известно, служит правовой формой прямого представительства (поверенный выступает от имени доверителя), и исключил договор комиссии (глава 51 ГК РФ), правовой режим которого свидетельствует о косвенном представительстве (комиссионер выступает от собственного имени)»¹.

Анализ правила п. 6 ст. 356 ГК РФ требует особой оценки с позиции задач настоящей части исследования. Так, в этом пункте ст. 356 ГК РФ законодатель дифференцирует договор управления залогом по договорным моделям, поскольку прямо пишет, что правила о поручении относятся исключительно к той договорной модели ДУЗ, в которой управляющий залогом не является одновременно кредитором-залогодержателем. Эта норма права носит крайне дискуссионный характер и подвергается многочисленным, порой весьма противоречивым, интерпретациям в научном сообществе. К примеру, Л.Ю. Василевская, давая оценку этому правилу, пишет следующее: «договор управления залогом не является слепком, копией договора поручения: его конструирование по модели поручения (обратим на это особое внимание!)

¹ *Василевская Л.Ю.* Правовая квалификация договора управления залогом // Закон. 2016. № 3. С. 40.

возможно только субсидиарно и только применительно к обязанностям управляющего залогом»¹. В то же время именно правило п. 6 ст. 356 ГК РФ является одним из основных аргументов в пользу необходимости «проведения прямых параллелей между этой конструкцией и договором поручения»².

В научной литературе можно встретить критические замечания по поводу отсутствия четкой дифференциации двух договорных моделей ДУЗ, которые отличаются по правовому статусу управляющего залогом. Так, Л.В. Щербачева по этому поводу справедливо отмечает, что несмотря на единство предметов этих двух договорных моделей, разница в их юридической природе все-таки присутствует: ДУЗ, управляющим по которому выступает третье лицо, обладает характеристиками договора поручения, что следует из системного толкования п.п. 1, 3, и 6 ст. 356 ГК РФ³. Примечательно, что, передавая управляющему залогом права и обязанности залогодержателя, последний лишается правовой возможности самостоятельной реализации указанных прав и обязанностей. Аналогичное не свойственно правоотношениям, основанием возникновения которых выступает договор поручения: за доверителем сохраняются те права и обязанности, исполнение которых поручено поверенному.

Таким образом, можно сформулировать промежуточный вывод о том, что ДУЗ, управляющим по которому выступает третье лицо, обладает некоторыми схожими признаками с договором поручения, что не свойственно в том же объеме модели ДУЗ, управляющим по которому выступает кредитор-созалогодержатель.

О предмете договора поручения можно судить по легальной дефиниции этой конструкции: «по договору поручения одна сторона (поверенный)

¹ *Василевская Л.Ю.* Правовая квалификация договора управления залогом // Закон. 2016. № 3. С. 40.

² *Харитонов Ю.С.* Договор управления залогом // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 11. С. 17.

³ *Щербачева Л.В.* Управление правом залога // Государственная служба и кадры. 2015. № 1. С. 59.

обязуется совершить от имени и за счет другой стороны (доверителя) определенные юридические действия». Следовательно, предметом договора поручения выступают определённые юридические действия. Из этого следует, как минимум, два взаимосвязанных вывода: во-первых, предмет договора поручения охватывает только юридические действия и не касается действий фактического характера¹; во-вторых, юридические действия, составляющие предмет поручения, определены договором. Последнее означает, что поверенному поручается совершение конкретных юридических действий, обусловленных не выполняемой им функцией, как это характерно для ДУЗ, а конкретным поручением доверителя. При этом в судебной практике сложилась правовая позиция, согласно которой, договор следует квалифицировать именно в качестве поручения, если его содержание исчерпывается заключением гражданско-правовых договоров от имени доверителя и при этом не включает в себя совершение каких-либо фактических действий². По поводу предмета договора поручения А.В. Егоров обращает внимание на важность конкретизации юридических действий с учетом соответствующих положений гражданского законодательства о поручении (п. 1 ст. 971, п. 1 ст. 973 ГК РФ)³. Аналогичная конкретизация не свойственна для ДУЗ: более того, смысл профессионального статуса управляющего залогом предполагает, что он осуществляет управление не по заданию заказчика (кредиторов-созалогодержателей), а руководствуясь собственным управленческим опытом и интересами кредиторов. Это

¹ См. об этом: *Постановление* ФАС Восточно-Сибирского округа от 05 августа 2005 г. № А58-2696/04-Ф02-3699/05-С2; *Постановление* ФАС Поволжского округа от 31 января 2011 г. по делу № А06-2296/2010; *Постановление* ФАС Поволжского округа от 26 августа 2008 г. по делу № А72-7894/2007; *Постановление* Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 01 октября 2010 г. № 15АП-2006/2010 по делу № А53-22853/2009 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).

² *Постановление* ФАС Уральского округа от 24 июня 2013 г. № Ф09-4718/13 по делу № А60-38808/2012 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).

³ *Егоров А.В.* Понятие посредничества в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 158.

предопределяет самостоятельность управляющего залогом в выборе конкретного перечня юридических и фактических действий, необходимых для осуществления управления.

Анализ судебной-арбитражной практики, складывающейся вокруг договора поручения, позволяет сделать вывод о ряде особенностей предмета этой конструкции. Прежде всего, следует подчеркнуть ограничительное толкование п. 1 ст. 971 ГК РФ: несмотря на то что в легальной дефиниции договора поручения упоминаются юридические действия как предмет этого договора, далее по тексту соответствующей главы ГК РФ речь идет исключительно о сделках, что позволяет сделать вывод о том, что предметом договора поручения выступают не любые юридические действия, а только те, которые могут быть квалифицированы в качестве сделок. Именно подобная логика легла в основу судебных актов, в которых определенные юридические действия, не являющиеся сделками, не были признаны допустимым предметом договора поручения, что впоследствии послужило основанием для переквалификации соответствующих правоотношений сторон. Так, в числе таких юридических действий: расчеты за тепловую энергию¹, внутрибанковские проводки², перечисление суммы задолженности платежным поручением³, размещение обыкновенных бездокументарных

¹ См. об этом: *Постановление* ФАС Восточно-Сибирского округа от 19 января 2006 г. № А10-2661/05-Ф02-6864/05-С2 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).

² См. об этом: *Постановление* ФАС Северо-Западного округа от 27 декабря 2006 г. по делу № А13-14089/2005-06; *Постановление* ФАС Московского округа от 20 февраля 2006 г. № КГ-А40/641-06) // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.). Хотя на этот счет встречается и противоположная практика, например: *Постановление* ФАС Московского округа от 25 октября 2007 г. № КГ-А40/9295-07 по делу № А40-59636/06-73-1118 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).

³ *Определение* ВАС РФ от 29 августа 2007 г. № 10448/07 по делу № А03-13185/06-35 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).

именных акций¹, совершение действий по перечислению денежных средств², передача имущества, направленная на восстановление нарушенного права лица³, действия по изъятию имущества из хозяйственного ведения⁴, действия по исполнению договора⁵. Думается, что последнее из перечисленных юридических действий, не могущих быть предметом договора поручения, заслуживает особого анализа: так, управляющий залогом, вступая в договорные отношения, обусловленные ДУЗ, в некотором роде берет на себя обязательства по исполнению договоров залога, заключенных с каждым созалогодержателем. Таким образом, сказанное позволяет сделать однозначный вывод о том, что предметы ДУЗ и договора поручения не позволяют сформулировать вывод об их тождестве: в отличие от ДУЗ, предметом договора поручения выступают только конкретные юридические действия, сводимые, как правило, к заключению сделок.

Что касается предмета ДУЗ, то несмотря на присутствующую неопределённость в этом вопросе, все-таки представление о нем может быть сформировано на основе анализа положений ст. 356 ГК РФ. Легальная дефиниция ДУЗ позволяет сформулировать его предмет, под которым следует понимать действия управляющего залогом по управлению заложенным имуществом через призму реализации юридических и фактических действий,

¹ *Постановление* ФАС Волго-Вятского округа от 01 августа 2008 г. по делу № А28-7678/2007-201/17 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).

² *Постановление* ФАС Западно-Сибирского округа от 05 сентября 2006 г. № Ф04-5705/2006(26066-А45-16) по делу № А45-26336/05-1/698 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).

³ *Постановление* ФАС Поволжского округа от 09 октября 2007 г. по делу № А65-3651/2007-СГЗ-25 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).

⁴ *Постановление* ФАС Северо-Западного округа от 16 октября 2006 г. по делу № А66-14337/2005; *Постановление* от 16 октября 2006 г. по делу № А66-14336/2005 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).

⁵ *Постановление* ФАС Уральского округа от 23 ноября 2006 г. № Ф09-10649/06-С4 по делу № А71-2601/06-Г7; *Постановление* от 16 февраля 2006 г. № Ф09-597/06-С4 по делу № А50-32095/2005 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).

необходимых для осуществления функции управления в интересах кредиторов.

Таким образом, предметом ДУЗ являются юридические и фактические действия, обусловленные функцией управления, а предметом договора поручения – только конкретизированные договором юридические действия, сводимые, как правило, к заключению сделок.

Очевидно, что предмет является существенным условием любой гражданско-правовой сделки. При этом большое научно-практическое значение имеют особенности его согласования. На этот счет в судебно-арбитражной практике, посвященной договору поручения, сложились соответствующие позиции. Так, к условию о юридических действиях, составляющих предмет соответствующей сделки, предъявляются особые требования конкретизации под угрозой признания договора поручения незаключенным по причине несогласованности его существенного условия, под которым в данном случае подразумевается предмет. Так, в одном из судебных актов прямо отмечается: «существенным для сторон, заключающих договор поручения, является согласование и отражение в тексте сделки условия относительно юридического действия, которое поручается совершить поверенному»¹. По этому поводу имеется многочисленная аналогичная судебная практика².

¹ *Постановление* ФАС Восточно-Сибирского округа от 19 апреля 2006 г. № А58-2955/05-Ф02-1126/06-С1 по делу № А58-2955/05 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).

² См, например: *Постановление* ФАС Дальневосточного округа от 12 мая 2009 г. № Ф03-1651/2009 по делу № А04-5568/2008; *Постановление* ФАС Дальневосточного округа от 20 ноября 2007 г. № Ф03-А37/07-1/4247 по делу № А37-2531/06-12; *Постановление* ФАС Дальневосточного округа от 20 ноября 2007 г. № Ф03-А37/07-1/4245 по делу № А37-2532/06-13; *Постановление* ФАС Западно-Сибирского округа от 10 января 2006 г. № Ф04-9422/2005(18462-А81-13); *Постановление* ФАС Поволжского округа от 26 мая 2010 г. по делу № А57-9906/2009; *Постановление* ФАС Северо-Западного округа от 21 декабря 2007 г. по делу № А56-7060/2007; *Постановление* ФАС Уральского округа от 21 января 2009 г. № Ф09-10326/08-С4 по делу № А60-12068/2008-С11 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).

Вопрос о перечне существенных условий договора поручения относится к числу дискуссионных. Так, существует правовой неопределённость относительно того, является ли условие о размере и порядке выплаты вознаграждения, причитающегося поверенному, существенным условием договора поручения. Относительно возмездной/безвозмездной природы исследуемой договорной конструкции законодатель устанавливает диспозитивное правило о том, что вознаграждение может быть предусмотрено законом, иными правовыми актами или условиями договора. Примечательно, что закон предусматривает три случая, когда договор поручения является возмездным: за услуги морского брокера¹; за услуги брокера, осуществляющего деятельность на рынке ценных бумаг²; за услуги адвоката³. По поводу последнего имеется позиция, сформировавшаяся в судебно-арбитражной практике: условие выплаты вознаграждения является существенным условием договора поручения, если поверенным является адвокат⁴. Из этого следует вывод о том, что условие о размере и порядке выплаты вознаграждения поверенному не всегда может быть квалифицировано в качестве существенного. При этом судебно-арбитражной практике знакомо немало случаев, когда вознаграждение поверенного не было определено условиями договора поручения, невзирая на его возмездность⁵.

¹ См. об этом: *Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации*: Федеральный закон РФ от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ (ред. от 28.02.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru> (дата опубликования: 21 ноября 2022 г.).

² См. об этом: *О рынке ценных бумаг*: Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru> (дата опубликования: 4 августа 2023 г.).

³ См. об этом: *Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации*: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru> (дата опубликования: 24 июля 2023 г.).

⁴ См. об этом: *Определение ВАС РФ* от 03 апреля 2008 г. № 3857/08; *Постановление ФАС Волго-Вятского округа* от 26 сентября 2007 г. по делу № А29-8614/2006-2э; *Определение Свердловского областного суда* от 15 июня 2006 г. по делу № 33-4190/2006; *Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа* от 16 февраля 2018 г. № Ф07-16769/2017 по делу № А56-86091/2016 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).

⁵ См., например: *Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа* от 03 мая 2017 г. № Ф08-1346/2017 по делу № А32-7003/2016; *Постановление ФАС*

Не меньшую сложность вызывает квалификация в качестве существенного условия о сроке договора поручения. Так, этот вопрос неоднократно становился предметом судебного рассмотрения, в силу чего ответ на него сформировался в судебно-арбитражной практике: ни срок исполнения поручения, ни срок действия договора поручения не являются существенными условиями договора поручения¹. Таким образом, существенным условием договора поручения выступает только его предмет, а существенными условиями ДУЗ принято считать предмет и срок.

Важно также сопоставить правовые статусы управляющего залогом/поверенного в контексте субъектных ограничений, предусмотренных нормами об этих договорных конструкциях. Так, нормы о поручении не содержат каких-либо субъектных ограничений по правовому статусу сторон соответствующей сделки, то есть законодатель допускает, что в качестве контрагентов выступают любые участники имущественного оборота. Однако анализ норм о договоре поручения позволяет заключить, что правовое положение поверенного в договоре поручения напрямую зависит от его правового статуса. Так, по тексту главы 49 ГК РФ встречаются, как минимум, два уточнения, касающиеся статуса сторон этой сделки: первое – это связанность договора поручения предпринимательским статусом обеих или одной стороны соответствующей сделки (например, абз. 2 п.1 ст. 972 ГК РФ); второе – особый статус поверенного, действующего в качестве коммерческого представителя (например, п. 3 ст. 972, п. 3 ст. 973, п. 3 ст. 977, п. 2 и п. 3 ст. 978 ГК РФ). Рассуждая далее, можно заключить, что для научно-практических целей договор поручения может быть дифференцирован в

Центрального округа от 09 марта 2010 г. № Ф10-2147/09(2) по делу № А54-2806/2008-С22 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).

¹ См. об этом: *Постановление* Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 01 октября 2010 г. № 15АП-2006/2010 по делу № А53-22853/2009 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).

зависимости от правового статуса сторон на два типа в рамках дихотомической классификации: предпринимательский и потребительский.

В отличие от договора поручения, ДУЗ всегда является предпринимательским, поскольку в качестве управляющего залогом может выступать только лицо с особым предпринимательским статусом – индивидуальный предприниматель или юридическое лицо. Представляется, что ДУЗ, управляющим по которому выступает третье лицо, обладает некоторыми схожими признаками именно с предпринимательским договором поручения.

При изучении правового статуса управляющего залогом/поверенного сложно обойти вниманием норму п. 6 ст. 356 ГК РФ, многократно процитированную ранее. Так, законодатель, отсылая в этой норме права к правилам о договоре поручения, делает это только в отношении обязанностей управляющего залогом и только в том случае, если последний не является кредитором-созалогодержателем. Сказанное актуализирует необходимость анализа ст. 974 ГК РФ, которая именуется «Обязанности поверенного». Очевидно, что обязанности поверенного находятся не только в рамках этой статьи, но и в рамках иных положений главы 49 ГК РФ. Однако первоочередной именно этой нормы права анализ представляется логичным. Итак, поверенный обязан исполнять поручение лично, за исключением случая передоверия исполнения поручения. Этот случай дополнительно урегулирован нормами ст. 976 ГК РФ, смысл которых сводится к следующему: у поверенного может быть заместитель, отношения с которым подчиняются правилам ст. 187 ГК РФ; поверенный несёт ответственность за заместителя, а также за его действия в двух случаях – если передоверие не предусмотрено договором поручения или если оно предусмотрено договором поручения, но в нем заместитель не поименован. При этом в случае, если исполнение поручения полностью возлагается на заместителя поверенного, между ним и поручителем отсутствует прямая договорная связь. На этот счет даже есть соответствующее разъяснение, сформированное судебной практикой:

отсутствие между доверителем и заместителем поверенного договорных отношений не является основанием для признания представительства недействительным¹. Проецируя эти правила на ДУЗ, можно предположить, что для него также характерно право управляющего залогом на передоверие поручения, обусловленного управлением залогом.

В числе обязанностей поверенного, перечисленных в ст. 976 ГК РФ, названа также информационная коммуникация сторон соответствующей сделки: «сообщать доверителю по его требованию все сведения о ходе исполнения поручения». Думается, что эта норма права не нуждается в конкретизации в рамках этой договорной конструкции, поскольку она соответствует принципу информационного сотрудничества, зафиксированному в п. 3 ст. 309 ГК РФ. Так, в указанном пункте отмечается следующее: «при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию». Очевидно, что сведения о ходе исполнения поручения могут быть квалифицированы в качестве необходимой информации. Эта информационная обязанность поверенного в равной мере распространяется и на правовой статус управляющего залогом.

Поверенный обязан передавать доверителю без промедления все полученное по сделкам, совершенным во исполнение поручения. Эта обязанность поверенного еще раз подчеркивает, что существо договора поручения заключается преимущественно в совершении сделок, что в целом не свойственно ДУЗ. Однако суть этой обязанности поверенного, смысл которой сводится в передаче всего полученного поручителю, также свойственна и управляющему залогом. Так, имущество, которое он получает

¹ См., например: *Постановление* ФАС Дальневосточного округа от 17 марта 2008 г. № Ф03-А24/08-1/649 по делу № А24-1805/07-09 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).

в интересах кредиторов, например, в случае обращения взыскания на предмет залога, является долевой собственностью кредиторов. При этом если речь идет о денежных средствах, поступаемых в интересах кредиторов, то зачисление этих средств предполагается на специальный номинальный счет, бенефициарами по которому являются кредиторы-созалогодержатели.

Наконец, последняя обязанность поверенного, поименованная в ст. 976 ГК РФ, касается возврата доверенности и предоставления отчета перед поручителем. Очевидно, что в части возврата доверенности указанная обязанность поверенного не актуальна для отношений, возникающих из ДУЗ, в которых выдача доверенности не предполагается. Что касается второй части этой обязанности – предоставлении отчета, – то такая обязанность в целом не противоречит существу обязательства, вытекающего из ДУЗ. Однако требование о предоставлении отчета управляющим залогом должно быть предусмотрено условиями соответствующего ДУЗ. По поводу этой обязанности применительно к договору поручения сформулировано следующая судебная позиция: если в тексте договора поручения прямо зафиксирована обязанность поверенного предоставить отчет об исполнении возложенной на него функции, то в юридический состав, свидетельствующий об исполнении поручения, входят такие юридические факты, как предоставление отчета и его принятие доверителем без возражений. При этом интересно подчеркнуть, что несмотря на буквальное толкование абз. 5 ст. 974 ГК РФ, в которой говорится только об обязанности предоставить отчет, в судебной практике обращается внимание, что суду надлежит исследовать не факт предоставления отчета, а факт изложения в нем сведений, достаточных для формулирования вывода о том, что поверенный исполнил обязательство, вытекающее из договора поручения¹.

¹ См., например: *Постановление* ФАС Северо-Западного округа от 09 февраля 2012 г. по делу № А66-2612/2011 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).

Рассуждая об отличии ДУЗ от договора поручения, нельзя не обратиться к анализу судебной практики, в которой был сформулирован вывод о критерии отграничения договора поручения от договора возмездного оказания услуг. С учетом определённой нами услуговой направленности ДУЗ исследование этого вопроса имеет важное теоретико-прикладное значение для настоящего исследования.

Так, в Постановлении Арбитражного суда Московского округа был сформулирован небезынтересный вывод о том, что квалификация договора в качестве поручения либо в качестве возмездного оказания юридических услуг зависит от того, какой характер имели указания доверителя/заказчика. Если они имели определяющий характер, то возникшие между сторонами отношения следует квалифицировать как договор поручения. Если же они не обладали таким качеством, то договор следует расценивать, как возмездное оказание юридических услуг. По поводу этого договора суд дополнительно разъяснил: при исполнении договора возмездного оказания юридических услуг указания заказчика имеет второстепенное значение, поскольку исполнитель должен руководствоваться в первую очередь нормами материального и процессуального законодательства¹.

Действительно, указания доверителя имеют определяющее значение для взаимоотношений сторон соответствующей сделки. Так, в п. 1 ст. 973 ГК РФ перечисляются критерии, которым должны соответствовать указания доверителя: они должны быть правомерными, осуществимыми и конкретными. При этом в судебно-арбитражной практике по этому поводу сложилась однозначная позиция: если указания, сделанные доверителем, могут быть исполнены только им самим, то они являются неисполнимыми и в

¹ *Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22 мая 2017 г. № Ф05-5734/2017 по делу № А40-174033/2016 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).*

силу этого обстоятельства ничтожными¹. Отступление от указаний доверителя не допускается, поэтому если вопреки этому императивному требованию оно все-таки было допущено, то у доверителя возникает право на взыскание убытков, если таковые были причинены².

В отличие от поверенного, связанного указаниями поручителя, управляющий залогом характеризуется наличием у него дискреционных полномочий. При это важно отметить, что дискреционные полномочия управляющего залогом предполагают достаточно высокую степень свободы в выборе действий/бездействий. Под такими полномочиями можно понимать субъективное гражданское право управляющего залогом осуществлять управленческую деятельность, предусмотренную ДУЗ, по собственному усмотрению. Вывод о наличии у управляющего залогом дискреционных полномочий не следует напрямую из положений ст. 356 ГК РФ, равно как и из этих правил не следует вывод об отсутствии таких полномочий. В отличие от договора поручения и аналогичных договорных конструкций, в корпусе норм о которых есть специальная статья, посвященная обязанностям поверенного, идентичных правил в нормах ДУЗ не имеется. В ст. 356 ГК РФ есть несколько взаимосвязанных правил об обязанностях управляющего залогом: он реализует все права и обязанности залогодержателя по договору залога; он осуществляет эти права и обязанности на наиболее выгодных для кредитора (кредиторов) условиях; определенные правомочия залогодержателя могут осуществляться управляющим залогом с предварительного согласия кредитора (кредиторов), если это условие предусмотрено ДУЗ.

¹ См., например: *Постановление* ФАС Поволжского округа от 20 июля 2006 г. по делу № А55-15492/04-42 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).

² См. об этом: *Определение* ВАС РФ от 20 апреля 2011 г. № ВАС-4093/11 по делу № А08-1411/2010-19; *Постановление* Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 03 сентября 2015 г. № Ф04-21773/2015 по делу № А27-15050/2014; *Постановление* ФАС Центрального округа от 14 января 2011 г. по делу № А08-1411/2010/19 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).

Основной обязанностью доверителя значится выдача поверенному доверенности (п.1 ст. 975 ГК РФ). Важно добавить, что отсутствие у поверенного доверенности влечет недействительность договора поручения¹. Однако обратное, напротив, не свойственно договору поручения: отсутствие договора поручения не лишает доверенность юридической силы².

Иной подход законодателя отражен в нормах, посвященных ДУЗ. Несмотря на то, что ДУЗ отличается признаками посреднической услуговой сделки, полномочия управляющего залогом подлежат включению непосредственно в текст договора и не требуют специального отражения в доверенности (п. 3 ст. 356 ГК РФ). При этом закон отсылает к норме п. 4 ст. 185 ГК РФ следующего содержания: «правила настоящего Кодекса о доверенности применяются также в случаях, когда полномочия представителя содержатся в договоре, в том числе в договоре между представителем и представляемым, между представляемым и третьим лицом, либо в решении собрания, если иное не установлено законом или не противоречит существу отношений».

Из сказанного может быть сделан следующий общий вывод. ДУЗ и договор поручения отличаются по порядку оформления полномочий управляющего залогом/поверенного: в ДУЗ – достаточно заключения договора ДУЗ, к которому применяются правила о доверенности; в договоре поручения – необходима выдача доверенности наряду с договором поручения, отсутствие которого не влияет на действительность сделки.

В контексте сопоставления правового статуса управляющего залогом и поверенного важно обратить внимание на основания прекращения сопоставляемых договорных конструкций. Так, сходство ДУЗ и договора

¹ См., например: *Постановление* ФАС Северо-Западного округа от 24 января 2005 г. по делу № А56-21027/04 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).

² *Постановление* ФАС Дальневосточного округа от 25 июля 2008 г. № Ф03-А73/08-1/2812 по делу № А73-13498/2007-86 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).

поручения проявляется в том, что у кредитора/поручителя есть право на односторонний отказ от исполнения договора. Применительно к договору поручения это правило зафиксировано в абз. 2 п. 1 ст. 977 ГК РФ: «договор поручения прекращается вследствие отмены поручения доверителем». Конкретизация этого правила осуществлена в п. 2 ст. 977 ГК РФ, в которой отмечается следующее: «доверитель вправе отменить поручение, а поверенный отказаться от него во всякое время. Соглашение об отказе от этого права ничтожно». Судебной практикой выработаны случаи, в которых действия доверителя расцениваются как отказ от договора поручения. Так, если доверитель обратился к поверенному с просьбой вернуть аванс, то это действие свидетельствует об отказе от исполнения договора со стороны доверителя¹. Не менее интересен вопрос о правомерности условия договора поручения, согласно которому отказ доверителя от исполнения договора поручения в одностороннем порядке влечет для него штрафные санкции. При этом интерес к таким санкциям связан преимущественно с той ситуацией, когда в договоре поручения участвует потребитель, поскольку возникает вытекающий из этого вопрос, подпадают ли действия доверителя, заключившего договор на условиях обозначенных выше штрафных санкций, под признаки административного правонарушения, предусмотренного ст. 14.8 КоАП РФ. По мнению правоприменителей, условие договора поручения о штрафных санкциях за отказ доверителя от договора ущемляет права потребителя². Аналогичная проблематика не характерна для ДУЗ, поскольку этот договор относится к числу предпринимательских. Признавая

¹ См., например: *Постановление* ФАС Московского округа от 09 августа 2010 г. № КГ-А40/8093-10 по делу № А40-139038/09-47-947; *Определение* ВАС РФ от 14 апреля 2011 г. № ВАС-3934/11 по делу № А53-22853/2009; *Постановление* Арбитражного суда Поволжского округа от 20 мая 2015 г. № Ф06-23639/2015 по делу № А65-19021/2014; *Постановление* ФАС Центрального округа от 30 сентября 2010 г. по делу № А54-5335/2009 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21 сентября 2023 г.).

² См., например: *Постановление* ФАС Уральского округа от 06 декабря 2007 г. № Ф09-10153/07-С1 по делу № А60-7169/07 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21 сентября 2023 г.).

корректность правовой позиции, касающейся неправомерности установления санкций за отказ от договора с участием потребителя, представляется, что такие санкции могут быть признаны правомерными в отношении предпринимательских договоров, в том числе договора поручения.

Право кредитора на расторжение ДУЗ в одностороннем порядке по собственному решению зафиксировано в абз. 3 п. 5 ст. 356 ГК РФ. Приводя в пример данную норму права, В.А. Белов делает следующее замечание: «Кажется, это единственная категория норм, при конструировании которых законодатель принимал во внимание, кто является носителем того основного интереса, во имя удовлетворения которого заключался договор (договорного интереса): именно отпадение этого интереса и становится основанием для одностороннего от него отказа»¹. Действительно, отпадение договорного интереса в договорном правоотношении, являющимся к тому же предпринимательским, является справедливым и рациональным основанием для прекращения соответствующей договорной связи.

Таким образом, установлено, что некоторые признаки поручения свойственны только той модели ДУЗ, управляющим по которому выступает третье лицо, а именно: 1) представительский характер отношений; 2) модель прямого представительства; 3) право кредитора/поручителя на односторонний отказ от договора. В то же время сопоставляемые договорные конструкции отличаются по ряду следующих оснований: 1) предмету (у ДУЗ – юридические и фактические действия, необходимые для осуществления функции управления в интересах кредиторов; у договора поручения – только конкретные юридические действия, сводимые, как правило, к сделкам); 2) степени конкретизации полномочий управляющего залогом/поверенного (в ДУЗ – полномочия управляющего делами менее конкретизированы, чем в договоре поручения, в котором от степени конкретизации полномочий зависит

¹ Белов В.А. Состав и система случаев-оснований возникновения права одностороннего отказа от договоров (обязательств) и их исполнения и одностороннего изменения их условий // Закон. 2019. № 8. С. 58.

согласованность условия о предмете договора); 3) по порядку оформления полномочий управляющего залогом/поверенного (в ДУЗ – договор ДУЗ, к которому применяются правила о доверенности; в договоре поручения – доверенность и договор поручения, отсутствие которого не влияет на действительность сделки); 4) существенным условиям (у ДУЗ – предмет и срок; у договора поручения – только предмет); 5) определяющему взаимоотношения сторон фактору (в ДУЗ – дискреционные полномочия управляющего делами; в договоре поручения – указания доверителя); 6) утрате правовой возможности самостоятельной реализации прав и обязанностей, переданных по договору (в ДУЗ – кредиторы-созалогодержатели утрачивают такую правовую возможность, в договоре поручения – доверитель не утрачивает такой правовой возможности).

§2.3. Договор управления залогом и договор простого товарищества

Постановка такой научной задачи, как сопоставление ДУЗ и договора простого товарищества, обусловлена не столько родством сравниваемых конструкций, сколько необходимостью выяснения причин законодательного решения, изложенного в п. 6 ст. 356 ГК РФ.

Как было отмечено ранее, с юридико-технической точки зрения, п. 6 ст. 356 ГК РФ как бы дифференцирует ДУЗ на договорные модели, однако эта дифференциация осуществлена не в полной мере. Так, законодатель излагает анализируемую норму права следующим образом: «к обязанностям управляющего по договору управления залогом, не являющегося залогодержателем, применяются правила о договоре поручения, а...». Употребление в процитированной норме права союза «а», используемого, как правило, с целью противопоставления, создает обманчивые ожидания того, что после этого союза мы обнаружим следующее правило поведения: «а к обязанностям управляющего по договору залога, являющегося

залогодержателем, применяются правила о простом товариществе». Такая бы дифференциация окончательно ставила точку в вопросе о существовании двух договорных моделей ДУЗ, о которых, в частности, идет речь в настоящем исследовании.

Однако этого не происходит, поскольку после союза «а», законодатель пишет следующее: «а к правам и обязанностям залогодержателей по отношению друг к другу применяются правила о договоре простого товарищества, заключаемом для осуществления предпринимательской деятельности». Грамматическое толкование этой нормы права позволяет убедиться лишь в том, что залогодержатели между собой всегда (независимо от договорных моделей) находятся в такой юридической связи, которая подпадает под признаки договора простого товарищества. Однако, исследуемая норма права может быть истолкована и иным образом: через призму двух договорных моделей, попадающих в предмет настоящей диссертационной работы. К примеру, А.А. Певзнер прямо пишет: «отношения между управляющим предметом залога (если он сам – залогодержатель) и остальными залогодержателями регулируются нормами о простом товариществе, если же управляющий не является залогодержателем, то отношения с ним подчиняются нормам о поручительстве»¹.

Оценивая правило п. 6 ст. 356 ГК РФ, Ю.С. Харитоновна заключает следующее: созданная отечественным законодателем модель управления залогом во многом вторит англосаксонской модели, ключевой особенностью которой выступает равенство прав и интересов кредиторско-созалогодержателей и отсутствие у кого-либо из них преимуществ друг перед другом. По мнению Ю.С. Харитоновой подобный вывод связан не столько с положением о равенстве прав кредиторов, содержащимся в ст. 356 ГК РФ, сколько с положением о применимости к отношениям между кредиторами положений ГК о простом товариществе. Характеризуя далее договорную

¹ Певзнер А.А. Новеллы гражданско-правового регулирования множественности залогодержателей // Право и управление. XXI век. 2016. № 2 (39). С. 118.

модель простого товарищества, она обращает внимание на такие ее признаки, как организационная общность, ведение общей целенаправленной деятельности, находящей отражение, прежде всего, в отношениях товарищей с другими участниками имущественного оборота (при вступлении в иные сделки)¹.

Договор простого товарищества нередко связывается с синдицированным кредитованием, представляющим основную сферу применения ДУЗ. К примеру, А.А. Горева прямо пишет о том, что актуализация договоров о совместной деятельности в российском гражданском праве связана с последовательными действиями отечественного законодателя по включению в российский правопорядок новых видов договора простого товарищества: «договора инвестиционного товарищества, договора между участниками синдиката кредиторов и договора горного товарищества»².

Возможно, это обусловлено экстраполяцией зарубежной практики управления залогом на отношения, возникающие из ДУЗ в условиях российского правопорядка. К примеру, в научной литературе правовая природа немецкого договора управления залогом определяется как «соглашение кредитных организаций об объединении усилий в рамках договора простого товарищества (Gesellschaft Bürgerlichen Rechts)»³. Однако важно заметить, что германское гражданское законодательство, в отличие от российского, иначе подходит к регулированию института простого товарищества: так, оно содержит юридическую возможность создания внутренних товариществ, не преследующих цели объединения общего имущества. Такое товарищество характеризуется несколько иными задачами:

¹ См. об этом подробнее: *Концепция частного и публичного права: Коллективная монография / Под ред. В.И. Иванова, Ю.С. Харитоновой. М.: Юнити-Дана, 2013. 175 с.*

² *Горева А.А. Договор простого товарищества и его виды: российское право в сравнительно-правовом аспекте // Вестник гражданского права. 2020. № 6. С. 30.*

³ *Щербачева Л.В. Управление правом залога // Государственная служба и кадры. 2015. № 1. С. 59.*

оно создается с целью совместного управления и фактической реализации тех способов обеспечения обязательства, которые установлены в отношении кредитного обязательства¹. Неудивительно, в связи с этим и его специфическое наименование: в зарубежных странах вместо термина ДУЗ употребляется «договор о пуле способов обеспечения обязательства». Создание такой договорной модели было predetermined желанием законодателя сбалансировать противоречивые интересы кредиторов с целью достижения согласованности в их действиях относительно залогового имущества. При этом подобное согласование достигается путем передачи способов обеспечения в управление управляющему пулом способов обеспечения.

Исследуя проблемы применения норм о ДУЗ, И.С. Михалевская замечает, что правила ст. 356 ГК РФ создают серьезные затруднения в правовом регулировании залоговых правоотношений, обусловленные разделением личности кредитора и залогодержателя². При этом она подчеркивает, что в зарубежной практике ДУЗ отличается тем, что в нем четко дифференцированы фигуры кредитора и залогодержателя. Анализируя подход немецкого законодателя к правовому регулированию договора простого товарищества, И.С. Михалевская отмечает большую договорную вариативность, предполагающую одновременное сосуществование таких договоров простого товарищества, как: (1) ненастоящий Treuhand, дифференцирующийся в свою очередь на два подвида – управление в силу наделения полномочиями при сохранении за учредителем полного комплекса прав и обязанностей и управление посредством выдачи доверенности с целью совершения сделок от имени управляющего при сохранении за учредителем полного комплекса прав и обязанностей; (2) настоящий Treuhand, для которого свойственно полная

¹ См. об этом: *Фогель В.А., Шмидт С.Г.* Управление способами обеспечения исполнения обязательства в Германии в связи с заключением синдицированного кредитного договора // Закон. 2012. № 2. С. 161–171.

² *Михалевская И.С.* Актуальные проблемы применения норм о договорах управления залогом // Образование. Наука. Научные кадры. 2014. № 5. С. 71.

передача прав управляющему. В этом случае учредитель утрачивает правовую возможность реализации принадлежащих ему прав и обязанностей в отношении имущества, переданного в управление. В этом случае правовой статус учредителя заключается в двух функциональных характеристиках: во-первых, он сохраняет статус правообладателя, несмотря на отсутствие возможности реализации прав и обязанностей; во-вторых, он становится стороной соответствующего договорного правоотношения¹.

Вместе с тем в пояснительной записке к проекту Закона о синдицированном кредите отмечалось следующее: «в соответствии с международной практикой договор об объединении кредиторов (синдикате) квалифицируется в качестве многостороннего договора, отличного от договора простого товарищества ... Обычный синдикат не является товариществом (partnership) в английском праве, поскольку участники синдиката не имеют совместной прибыли. Кроме того, в товариществе между участниками возникают фидуциарные обязанности, например, полное раскрытие информации и избежание конфликта интересов, взаимные обязательства по возмещению убытков, специальные налоговый режим и режим банкротства. Все это отсутствует при синдицированном кредитовании. Банк не принимает обязательств перед другими банками или перед заемщиком, что все прочие участники синдиката исполняют свои обязательства по выдаче кредита заемщику. Банки не являются солидарными должниками и правила о солидарном обязательстве к ним не применяются. Банки не являются также солидарными кредиторами».

В Разъяснении ФАС России от 11 июня 2021 г. № 19 «Об особенностях осуществления государственного антимонопольного контроля за экономической концентрацией» специально обращается внимание на то, что к отношениям сторон, вытекающим из ДУЗ, применяются нормы о договоре простого товарищества. При этом разъяснено следующее: «синдицированные

¹ Михалевская И.С. Актуальные проблемы применения норм о договорах управления залогом // Образование. Наука. Научные кадры. 2014. № 5. С. 74.

кредитные договоры (в части регулирования взаимных прав и обязанностей кредиторов) и договоры управления залогом не опосредуют деятельность сторон на рынке. Указанные договоры не отвечают иным критериям соглашения о совместной деятельности, перечисленным в Разъяснениях о СП, в частности, не предусматривают взаимных инвестиций сторон соглашения в активы (производственные мощности, технологии и проч.) друг друга или создаваемого ими СП (которое в таких договорах попросту отсутствует)»¹.

Р.С. Бевзенко, комментируя нормы ст. 356 ГК РФ, делает такое замечание: он пишет, что у института управления залогом и института торговой компании в форме товарищества идентичные экономические предпосылки, обусловленные необходимостью объединения усилий с целью реализации самостоятельных имущественных интересов нескольких лиц, в том числе в аспекте экономии расходов².

Изучая «залоговые» новации В.А. Белов замечает, что, во-первых, управление залогом не имеет непосредственного отношения к залоговым обязательствам (с этим выводом мы полностью солидарны), а, во-вторых, общность интересов кредиторов-созалогодержателей, образовавших множественность лиц на стороне кредитора, настолько сильна, что законодатель придает им статус простого товарищества³. Думается, что множественность лиц, образовавшуюся на стороне кредитора, в рамках ДУЗ можно квалифицировать в качестве «квазитоварищества», но такая квалификация не имеет непосредственного отношения к ДУЗ.

¹ *Об особенностях* осуществления государственного антимонопольного контроля за экономической концентрацией: Разъяснение ФАС России от 11 июня 2021 г. № 19 (утв. протоколом Президиума ФАС России от 11 июня 2021 г. № 3) // [Электронный ресурс]. URL: <https://fas.gov.ru> (дата опубликования: 23 июня 2021 г.).

² *Договорное* и обязательственное право (общая часть) постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, О.А. Беяева и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. Электронное издание. Редакция 1.0. 1120 с. (автор комментария к ст. 356 ГК РФ – Р.С. Бевзенко).

³ См. об этом: *Белов В.А.* Что изменилось в Гражданском кодексе?: практич. пособие. М.: Юрайт, 2014. 183 с.

Вопрос о субсидиарном применении к ДУЗ правил о договоре простого товарищества носит дискуссионный характер. На основе научных позиций, высказанных в юридической литературе, могут быть выделены, главным образом, две научные концепции, сформированные по принципу признания применимости/неприменимости норм о договоре простого товарищества к ДУЗ. Рассмотрим эти противоположные позиции, условно названные нами «концепциями».

Во-первых, это концепция неприменимости правил о договоре простого товарищества к ДУЗ. Поскольку первоначальной сферой применения ДУЗ стало синдицированное кредитование, постольку изучение вопроса о применимости правил о договоре простого товарищества к соответствующим отношениям следует начать именно с этой предметной сферы. Так, Д.И. Гравин, определяя правовую природу соглашения о реализации обеспечения в рамках синдицированного кредитования, подписываемого членами синдиката, отмечает следующее: «несмотря на то что некоторые элементы простого товарищества действительно присутствуют в отношениях синдицированных кредиторов, тем не менее было бы преувеличением утверждать, что это простое товарищество из-за различий в правовой природе отношений между членами простого товарищества и членами банковского синдиката»¹. По мнению ученого, отличие договора простого товарищества от синдицированного кредитования заключается в том, что предоставленные в кредит денежные средства не образуют «соединенных вкладов», не остаются у участников синдиката, не формируют их общее имущество. В аналогичном смысловом ключе рассуждает и А.А. Горева, которая пишет о том, что российский законодатель распространяет нормы о простом товариществе на отношения из синдицированного кредитования вопреки тому, что в этих отношениях даже не подразумевается образование общего имущества². Яркой

¹ Гравин Д.И. Синдицированное кредитование в российском и английском праве // Журнал российского права. 2013. № 12. С. 105.

² Горева А.А. Договор простого товарищества и его виды: российское право в сравнительно-правовом аспекте // Вестник гражданского права. 2020. 3 6. С. 30–66.

чертой «классического» простого товарищества является утрата вещной связи товарища с объектом его вклада. Как пишет на этот счет Н.Г. Вавин, внесенный в общее дело вклад становится принадлежностью соответствующего гражданско-правового сообщества, а не личным имуществом товарища. Этот вывод, в частности, означает запрет на распорядительные сделки в отношении такого имущества, поскольку признание обратного оказывало бы негативное влияние на интересы прочих товарищей и товарищества в целом. Кроме того, из сказанного следует также вывод о том, что личные кредиторы такого товарища, произведя отчуждение своего имущества в пользу товарищества, утрачивают право обращаться взыскание непосредственно на этот объект, т.к. он выбывает из личной имущественной массы товарища¹. Однако сказанное вовсе не актуально для обязательственно-правовой связи, возникающей на основании ДУЗ. Так, кредиторы-созалогодержатели не вносят вклады в общее дело: на этапе отношений, когда кредиторы-созалогодержатели формируют множественность на стороне кредитора и вступают в договорные отношения с управляющим залогом, они обладают обязательственными правами, вытекающими из залоговых правоотношений, а не вкладом, для которого характерна вещно-правовая связь собственника и объекта.

При этом в научной литературе встречается и прямо противоположная точка зрения, согласно которой анализируемый договор является соглашением о совместной деятельности².

Е.А. Суханов справедливо акцентирует внимание не только на многосторонней природе отношений, вытекающих из договора простого товарищества, но и на отсутствие в этих отношениях активной и пассивной сторон, противостоящих друг другу. Так, в договоре простого товарищества, напротив, все участники договорного правоотношения могут быть

¹ См. об этом: *Вавин Н.Г.* Вопросы цивилистики: Правовая ситуация гражданских товариществ // *Право и Жизнь*. М., 1926. Кн. 1. С. 33.

² См., например: *Качалова А.В.* Правовые особенности заключения договоров о предоставлении синдицированных кредитов // *Законодательство*. 2006. № 2. С. 57–64.

причислены к «активной» стороне, поскольку они все ведут общие дела (ст. 1044 ГК РФ)¹. Аналогичное не свойственно договору управления залогом, стороны которого характеризуются классической дифференциацией на «активного» участника (управляющего залогом) и «пассивного» участника(ов) (кредиторов-созалогодержателей).

Л.Ю. Василевская, критикуя такой законодательный подход, пишет следующее: «Как можно применять правила о договоре простого товарищества, правовой режим которого несовместим с ситуацией, когда один из кредиторов становится управляющим залогом?»². То есть в интерпретации указанного автора правила о договоре простого товарищества не применимы к модели ДУЗ, управляющим по которому является кредитор-залогодержатель.

А.Л. Маковский, будучи приверженцем недопустимости применения норм о договоре простого товарищества к ДУЗ, приводит иные аргументы, чем указанные выше ученые-юристы. Так, он пишет, что предполагаемая им невозможность применения правил о договоре простого товарищества к ДУЗ обусловлена такой характерной чертой взаимоотношений товарищей, как корреляция их прав и обязанностей величине вклада, что не свойственно отношениям, основанием возникновения которых выступает ДУЗ³.

Во-вторых, концепция применимости правил о договоре простого товарищества к ДУЗ. Появление в ст. 356 ГК РФ отсылки к правилам о договоре простого товарищества может быть аргументировано следующим образом. Представители еще советской школы частного права, характеризуя договор о совместной деятельности, справедливо подчеркивали, что для него характерна особая структура внутренних отношений, при которой каждый

¹ См. об этом: *Гражданское право: Учеб.*: В 2 т. / Отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2000. Т. II. С. 313.

² *Василевская Л.Ю.* Правовая квалификация договора управления залогом // *Закон.* 2016. № 3. С. 41.

³ *Маковский А.Л.* Собственный опыт – дорогая школа // *Актуальные проблемы частного права: Сб. ст. к юбилею П.В. Крашенинникова (Москва – Екатеринбург, 21 июня 2014 г.)* / Под ред. В.В. Витрянского, С.Ю. Головиной, Б.М. Гонгало и др. М., 2014. С. 127.

участник такого соглашения является должником и одновременно кредитором по отношению ко всем остальным его участникам¹. В современной юридической литературе такой же взгляд на отношения, возникающие между участниками договора простого товарищества, находит отражение в работах Е.А. Суханова². Подобная характеристика лишь отчасти применима к модели ДУЗ, управляющим по которому выступает кредитор-залогодержатель.

Признавая применимость правил о договоре простого товарищества к ДУЗ, О.А. Рузакова обращает внимание на то, что такая применимость касается только договора между кредиторами³. С учетом того, что кредиторы вступают в договорные отношения между собой только в одном случае – в случае заключения ДУЗ, управляющим по которому выступает кредитор-созалогодержатель, можно предположить, что О.А. Рузакова исходит из дифференциации ДУЗ на договорные модели и считает допустимым применять нормы о простом товариществе только к одной из этих двух моделей.

Будучи сторонником применимости к ДУЗ норм о договоре простого товарищества, Р.С. Бевзенко дает применимым нормам развернутую характеристику. Так, он не акцентирует внимание на предлагаемой нами концепции двух моделей ДУЗ и рассуждает о двух «типах отношений, возникающих в результате заключения и исполнения ДУЗ». По этому поводу Р.С. Бевзенко обращает внимание, что в случае заключения ДУЗ возникает сфера отношений залогодержателей между собой. Эта сфера подчиняется правовому регулированию правилами о договоре простого товарищества. При этом в числе конкретных норм права, подлежащих применению, Р.С. Бевзенко называет информационные права (ст. 1045 ГК РФ), право на распределение

¹ См., например: *Советское гражданское право*. Т. 2 / Под ред. В.А. Рясенцева. М., 1965. С. 314 (автор главы – А.И. Масляев).

² См.: *Гражданское право*. Т. 2. Полутом 2 / Под ред. Е.А. Суханова. М., 2003. С. 312.

³ *Гражданский кодекс Российской Федерации: Залог. Перемена лиц в обязательстве. Постатейный комментарий к § 3 главы 23 и главе 24* / Под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2014. С. 124 (автор комментария к ст. 356 – О.А. Рузакова).

прибыли (ст. 1048 ГК РФ), обязанность по несению бремени расходов (ст. 1046 ГК РФ), право на отказ от бессрочного договора (ст. 1051) и право на расторжение договора по требованию стороны (ст. 1052 ГК РФ)¹. В исследовании указанного автора представляются особенно интересными рассуждения о диспозитивной или императивной природе правила п. 6 ст. 356 ГК РФ. По этому поводу он приходит к следующему выводу: если правило о простом товариществе в целом не противоречит существу отношений, основанием возникновения которых выступил ДУЗ, то такое правило подлежит применению к отношениям из ДУЗ с учетом того, является ли оно само по себе императивным или диспозитивным.

Стало быть, если правило о договоре простого товарищества противоречит существу ДУЗ, то оно априори не может быть применено к отношениям, вытекающим из данной сделки. Если же правило о договоре простого товарищества не противоречит существу ДУЗ и касается при этом прав и обязанностей залогодержателей по отношению друг к другу, то оно подлежит применению к отношениям, вытекающим из ДУЗ. При этом такое правило должно быть оценено с позиции императивности/диспозитивности: если правило императивно, то стороны соответствующей сделки, основанием возникновения которой является ДУЗ, не вправе от нее отступить, а если диспозитивно – то, напротив, управомочены предусмотреть в договоре «иное».

В научной литературе встречаются и такие исследования, в которых норма п. 6 ст. 356 ГК РФ принимается безоговорочно и не вызывает сомнений в ее целесообразности. К примеру, О.Г. Лазаренкова прямо пишет о том, что, по ее мнению, нормы о простом товариществе целесообразно применять к

¹ *Договорное и обязательственное право (общая часть) постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, О.А. Беляева и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. Электронное издание. Редакция 1.0. 1120 с. (автор комментария к ст. 356 ГК РФ – Р.С. Бевзенко).*

отношениям залогодержателей между собой¹. В.Д. Рузанова, не подвергая п. 6 ст. 356 ГК РФ обстоятельной доктринальной проработке, подчёркивает при этом, что залоговым отношениям свойственно применение нормативных положений, не имеющих прямого отношения к залогу. Примером таких нормативных положений она считает правила о простом товариществе².

Произведем детальный анализ указанных правил о договоре простого товарищества с позиции их применимости к отношениям, вытекающим из ДУЗ.

Легальная дефиниция договора простого товарищества (далее по тексту также – ДПТ), текстуально расположенная в п. 1 ст. 1041 ГК РФ, не может быть в полной мере применена к отношениям, возникающим из управления залогом. Это обусловлено тем, что созалогодержатели не соединяют свои вклады, хотя и отчасти действуют совместно, преследуя самостоятельные имущественные интересы. Предпринимательский статус сторон этого договора может быть квалифицирован в качестве критерия сходства ДУЗ и ДПТ. В отличие от товарищей, созалогодержатели не вносят вклады в общее дело и не становятся долевыми собственниками, за исключением случая распределения имущества по правилам п. 4 ст. 356 ГК РФ. Это правило заслуживает дополнительного обстоятельного изучения. Согласно п. 4 ст. 356 ГК РФ, если управляющий залогом получил имущество в результате обращения взыскания на предмет залога, то он должен обратить его в долевую собственность кредиторов-созалогодержателей.

По этому поводу следует выдвинуть ряд критических замечаний.

Во-первых, в руках управляющего залогом может оказаться только и исключительно имущество, ставшее результатом обращения взыскания на предмет залога, а буквальное толкование п. 4 ст. 356 ГК РФ свидетельствует о том, что имущество, поступающее управляющему залогом в интересах

¹ Лазаренкова О.Г. Субъекты залоговых правоотношений в свете концептуальных изменений гражданского законодательства // Российская юстиция. 2015. № 2. С. 2–4.

² См. об этом: Рузанова В.Д. Система законодательства в сфере залоговых отношений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 11. С. 3–9.

кредитора, включает в себя не только имущество, полученное в результате обращения взыскания на предмет залога, но и какое-то иное имущество. В комментаторской литературе нам удалось встретить прямо противоположное суждение. Так, по мнению А.Н. Борисова, А.А. Ушакова и В.Н. Чуева, в п. 4 ст. 356 ГК РФ речь идет о любом имуществе, которое поступает управляющему залогом в интересах кредиторов. При этом обозначенные авторы прямо пишут о том, что в первоначальной редакции законопроекта, которым впоследствии были утверждены новеллы ст. 356 ГК РФ, говорилось только об имуществе, полученном в результате обращения взыскания на предмет залога. Критикуя такой подход разработчиков законопроекта, А.Н. Борисов, А.А. Ушаков и В.Н. Чуев считают, что законодатель правильно отказался от первоначальной редакции п. 4 ст. 356 ГК РФ и в итоговой версии указал на любое имущество, поступающее в интересах кредиторов¹. Однако при этом в комментарии отсутствуют примеры или объяснения того, что понимать под таким имуществом.

Во-вторых, вызывает сомнение выбор законодателем вещно-правовой модели для такого имущества: в п. 4 ст. 356 ГК РФ говорится о том, что оно поступает в долевую собственность кредиторов-созалогодержателей. Кажется, несколько странным, что имущество, нуждающееся в распределении между кредиторами, становится объектом вещно-правовых отношений. Получается следующая концептуальная модель: имущество, полученное в результате обращения взыскания на предмет залога (или какое-то еще имущество, предполагаемое законодателем), сначала получает статус долевой собственности, а затем поступает в распоряжение долевых собственников (кредиторов-созалогодержателей). Думается, что указанная «собственническая» ступень соответствующих отношений является излишней. Более того, она нарушает обязательно-правовую природу

¹ См. об этом: *Борисов А.Н., Ушаков А.А., Чуев В.Н.* Комментарий к разделу III «Общая часть обязательственного права» части первой Гражданского кодекса РФ (главы 21–29) (постатейный) // [Электронный ресурс]. Подготовлен для СПС «КонсультантПлюс», 2015 (дата обращения: 28 сентября 2023 г.).

отношений, вытекающих из управления залогом. В действительности управляющий залогом должен распределить такое имущество пропорционально размеру требований кредиторов, не переводя это имущество в вещно-правовую систему координат.

В-третьих, из вещно-правовой концепции отношений между кредиторами-созалогодержателями проистекают известные пагубные последствия: применимость к отношениям кредиторов-созалогодержателей правил об определении долей, о выделе долей из общего имущества и т.п.

И, наконец, в-четвертых, вызывает возражение, что имущество, поступившее управляющему залогом в интересах кредиторов, не подлежит немедленной продаже с целью распределения между кредиторами, а может быть продано по требованию любого кредитора. Получается следующая ситуация: управляющий залогом сначала управляет правами и обязанностями кредиторов-залогодержателей, а после обращения взыскания на предмет залога, продолжает управлять долевым имуществом собственников. Таким образом, кредиторы-созалогодержатели трансформируются в долевых собственников, а ДУЗ – в договор доверительного управления имуществом, если имущество, переданное в доверительное управление, не имеет ограничений по участию в соответствующих отношениях в виде объекта доверительного управления.

Статья 1044 ГК РФ, посвященная ведению общих дел, частично актуальна для ДУЗ, управляющим по которому выступает кредитор-созалогодержатель. Если проводить аналогию между названной моделью ДУЗ и ДПТ, то можно говорить о том, что в такой модели ведение общих дел как будто бы поручено одному из товарищей. При этом в таком случае товарищ вправе вести общие дела либо в силу доверенности, либо в силу ДПТ (п. 2 ст. 1044 ГК РФ), что в очередной раз позволяет рассуждать о некоторой близости одной из моделей ДУЗ и ДПТ.

В ст. 1045 ГК РФ содержатся «стандартные» информационные правомочия, связанные с правом доступа к информации, сопутствующей

ведению общих дел. Безусловно, норма этой статьи в полной мере применима к отношениям, возникающим из управления залогом. На этот счет в судебно-арбитражной практике выработана следующая позиция: «право ознакомиться со всей документацией по ведению дел товарищ простого товарищества может реализовать через представителя»¹. При этом следует подчеркнуть, что это общее информационное правомочие следует из общих положений об обязательствах (п. 3 ст. 307 ГК РФ).

Общие расходы и убытки, возникающие у товарищей, в целом не характерны для аналогичных отношений, возникающих из управления залогом, за исключением, пожалуй, их обязанности компенсировать расходы и уплатить вознаграждение управляющему залогом, если оно предусмотрено ДУЗ. В ст. 1046 ГК РФ говорится о том, что товарищи несут расходы и убытки пропорционально стоимости вклада в общее дело. Думается, что аналогичная логика может быть применена и в отношении распределения расходов, вытекающих из ДУЗ. В нормах ст. 356 ГК РФ отсутствуют разъяснения относительно распределения расходов, связанных с ДУЗ, между кредиторами, если их несколько.

Весьма лаконичная норма ст. 1048 ГК РФ по поводу порядка распределения прибыли во многом напоминает правило, зафиксированное в п. 4 ст. 356 ГК РФ, поэтому, представляется, что в субсидиарном применении нормы ст. 1048 ГК РФ к отношениям, вытекающим из ДУЗ, нет объективной необходимости. В ст. 1051 ГК РФ содержится норма о праве товарища на отказ от бессрочного ДПТ.

Дополнительно к вышесказанному обозначим некоторые исходные установки, связанные с отграничением ДУЗ от ДПТ. Так, в отличие от ДПТ, являющегося многосторонней сделкой, ДУЗ предполагает наличие только двух сторон соответствующего договорного правоотношения, права и

¹ *Определение* Верховного Суда РФ от 26 ноября 2018 г. № 308-ЭС18-8991 по делу № А53-19740/2017 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27 сентября 2023 г.).

обязанности которых взаимно коррелируют. Кроме того, презюмируется возмездность сделки, основанием возникновения которой выступает ДУЗ. Аналогичная возмездность не свойственна ДПТ по причине его специфической сущности. Более того, на этот счет есть соответствующая позиция, выработанная высшей судебной инстанцией: «договор простого товарищества, условия которого направлены на возмездное удовлетворение сторонами собственных интересов, признается притворной сделкой»¹. ДУЗ, в отличие от ДПТ, в большинстве случаев как раз-таки направлен на возмездное удовлетворение сторонами собственных имущественных интересов. Поэтому, применяя процитированную выше позицию ВАС РФ, можно заключить, что ДУЗ всегда является притворной сделкой, что, очевидно, не так. Это, в частности, позволяет, вернувшись к рассуждениям о том, какой смысл законодатель вкладывал в правило п. 6 ст. 356 ГК РФ, сформулировать вывод, о том, что правила о договоре простого товарищества, по версии законодателя, не имеют отношения к ДУЗ: они относятся только ко множественности лиц на стороне кредитора.

Множественность лиц получила обстоятельную доктринальную разработку в цивилистических научных изысканиях, посвящённых как множественности лиц в обязательстве² в целом, так и общей собственности³ в

¹ *Постановление* Президиума ВАС РФ от 25 января 2011 г. № 11774/10 по делу № А57-24457/09 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27 сентября 2023 г.).

² См., например: *Гордон А.О.* Статья 1548 ч. 1 т. X и вопрос о круговой поручке и солидарности в обязательствах // *Журнал Министерства юстиции*. 1868. Т. 35. № 1. С. 3–20; *Дювернуа Н.Л.* Основная форма корреального обязательства. Историко-юридическое и критическое исследование по римскому праву. Ярославль: Тип. Губ. правл., 1874. 272 с.; *Вавин Н.Г.* Некоторые предпосылки к изучению солидарных обязательств // *Право и жизнь*. 1927. Кн. 2. С. 9–14; *Сарбаши С.В.* Исполнение договорного обязательства. М., 2005. С. 234–318; *Кулаков В.В.* Обязательство и осложнения его структуры в гражданском праве России. М., 2010. С. 149–153 и др.

³ См., например: *Зимилева М.В.* Общая собственность в советском гражданском праве // *Учен. записки ВИЮН*. М., 1941. Вып. 2; *Мананкова Р.П.* Правоотношения общей долевой собственности граждан по советскому законодательству. Томск, 1977. 214 с.; *Суханов Е.А.* Право собственности и иные вещные права. Способы их защиты. М., 1996; *Егоров А.В.* Общая долевая собственность: механизм защиты прав сосособственников // *Вестник гражданского права*. 2012. Т. 12. № 4. С. 4–41.

частности. Упоминание в ст. 181.1 ГК РФ «гражданско-правовых сообществ» стала новым предметом научных дискуссий. Так, цивилистика отличается большим разнообразием подходов к пониманию их правовой сущности: от их дифференциации на правосубъектных и неправосубъектных до понимания под ними любого объединения лиц, преследующих общие интересы¹. В этом смысле кредиторы-созалогодержатели, образующие множественность на стороне обязательства, основанием возникновения которого выступает ДУЗ, могут быть квалифицированы в качестве гражданско-правового сообщества: такая характеристика кредиторов в большей мере соответствует правовой сущности договорных отношений, чем их характеристика в качестве товарищей.

В этом смысле созданная законодателем модель напоминает «матрешку»: договор в договоре, то есть ДПТ как регулятор внутренних отношений кредиторов-созалогодержателей между собой и ДУЗ как регулятор отношений по управлению залогом.

Вместе с тем нормы ст. 356 ГК РФ посвящены исключительно одной договорной конструкции – договору управления залогом, в силу чего упоминание договора простого товарищества, применимого ко внутренним отношениям кредиторов, нецелесообразно. В действительности, указанная норма права только вносит дополнительную путаницу в определение правовой природы ДУЗ.

Представляется, что правило п. 6 ст. 356 ГК РФ о применимости норм о простом товариществе к отношениям, вытекающим из ДУЗ, не имеет прикладного значения и в силу этого обстоятельства требует исключения из правил об управлении залогом. В качестве весомого аргумента в поддержку

¹ См. об этом: *Груздев В.В.* Гражданско-правовые сообщества: понятие и виды // Журнал российского права. 2021. № 10. С. 61–71; *Поваров Ю.С.* Особенности комитета кредиторов как гражданско-правового сообщества // Вестник арбитражной практики. 2018. № 4. С. 33–40.

обозначенного предложения стоит назвать отсутствие правила п. 6 ст. 356 ГК РФ в первоначальной редакции соответствующего законопроекта¹.

Эта редакция была принята в первом чтении 27 апреля 2012 г., однако позднее содержание проектируемых норм было существенно скорректировано: обновленная редакция ст. 356 ГК РФ была подготовлена ко второму и третьему чтениям. В.В. Витрянский, как мы неоднократно подчеркивали, активно критиковал эту обновленную редакцию ст. 356 ГУК РФ².

Если законодатель, упоминая о договоре простого товарищества в п. 6 ст. 356 ГК РФ, преследовал цель обращение внимания на специфику отношений именно кредиторов-созалогодержателей между собой безотносительно их участия в договоре управления залогом и взаимной корреспондирующей связи с управляющим залогом, то очевидно, что достижение этой цели должно быть выведено за рамки норм о ДУЗ.

Так, в п. 6 ст. 356 ГК РФ говорится о правах и обязанностях залогодержателей по отношению друг к другу, однако из договорной связи, основанием возникновения которой выступает ДУЗ, такие права и обязанности не следуют.

Думается, что к отношениям кредиторов между собой применяются общие правила о множественности лиц на стороне кредитора (ст. 321 ГК РФ), а также о солидарных обязательствах (ст.ст. 322–326 ГК РФ). Эти общие положения об обязательствах в полной мере удовлетворяют потребность в урегулировании отношений кредиторов-созалогодержателей между собой и не требуют субсидиарного применения правил о простом товариществе. В силу всего сказанного выше, предлагаем изложить п. 6 ст. 356 ГК РФ в

¹ См.: *О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Проект Федерального закона № 47538-6 (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27 апреля 2012 г.)* // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28 сентября 2023 г.).

² См. об этом: *Витрянский В.В.* Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2016. 431 с.

следующей редакции: «В части, не урегулированной настоящей статьей, если иное не вытекает из существа обязательств сторон, к обязанностям управляющего по договору управления залогом, не являющегося залогодержателем, применяются правила о договоре поручения».

Таким образом, выяснено, что в отличие от применимости норм о договоре поручения к обязанностям управляющего залогом, в отношении которой в научной литературе практически нет разногласий, по вопросу о применимости норм о договоре простого товарищества существует два противоположных научных подхода, что предопределено в том числе правовой неопределённостью нормы п. 6 ст. 345 ГК РФ, в отношении которой неясно, идет ли в ней речь о двух моделях ДУЗ, либо о двух группах отношений, сосуществующих параллельно (отношений кредитора и управляющего залогом и отношений залогодержателей между собой).

Доказано, что сходство ДУЗ и ДПТ обусловлено тем, что у этих конструкций идентичные экономические предпосылки, обусловленные необходимостью объединения усилий с целью реализации самостоятельных имущественных интересов нескольких лиц, в том числе в аспекте экономии расходов.

При этом установлено, что отличие ДУЗ от ДПТ проявляется в следующем: 1) ДУЗ является двусторонней сделкой, а ДПТ – многосторонней; 2) в отличие от отношений, возникающих из ДУЗ, отношениям, возникающим из ДПТ, не свойственен взаимно коррелирующий характер; 3) кредиторы-залогодержатели, являющиеся стороной ДУЗ, не образуют между собой соединенных вкладов, как это свойственно товарищам.

Сделан вывод о допустимости отказа от субсидиарного применения правил о простом товариществе к правам и обязанностям кредиторов-залогодержателей между собой.

§2.4. Договор управления залогом и договор доверительного управления имуществом

В научной литературе давно замечено, что цивилистике свойственно ошибочное отождествление частных случаев управления чужой собственностью с договором управления имуществом, что в свою очередь способствует некорректному смешению разных по своей природе институтов гражданского права¹. В самом деле, «одним ориентиром на законодательное название договора при выборе его вида обойтись нельзя»². Например, как в научной литературе³, так и в правоприменительной практике встречаются случаи отождествления договора по осуществлению функций единоличного исполнительного органа хозяйственного общества и договора управления имуществом, что, на наш взгляд, нельзя признать обоснованным.

Идею о необходимости распространения норм о договоре доверительного управления имуществом (далее по тексту также – ДУИ) на отношения, возникающие из ДУЗ, одной из первых высказала Ю.С. Харитоновна, которая заметила следующее: «исходя из понятия договора поручения, можно сделать вывод, что нормы гл. 49 ГК будут распространяться только на отношения сторон договора по поводу совершения юридически значимых действий. А поскольку управление включает в себя и совершение фактических действий, законодатель следовало бы допустить применение к договорным отношениям по управлению залогом положений о доверительном управлении имуществом ...»⁴. При этом она отмечает, что необходимость сопоставления ДУЗ и договора УИ predetermined тем объективным

¹ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: В 5 кн. М., 2002. Кн. 3: Договоры о выполнении работ и об оказании услуг. С. 787–788 (автор цитаты – В.В. Витрянский).

² Комиссарова Е.Г. Единство и дифференциация в системе гражданско-правовых договоров // [Электронный ресурс]. Подготовлен для СПС «КонсультантПлюс», 2019 (дата обращения: 14 сентября 2023 г.).

³ См., например: Беневоленская З.Э. Доверительное управление имуществом в сфере предпринимательства. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 158.

⁴ Харитоновна Ю.С. Договор управления залогом // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 11. С. 19.

обстоятельством, что обе конструкции направлены на легальную передачу полномочий по управлению. Однако наряду со сходствами, Ю.С. Харитонова обращает внимание и на различия сопоставляемых договорных конструкций: так, она отмечает, что принципиальное отличие ДУЗ от договора ДУИ кроется в правовом статусе кредитора, поскольку в первом случае им выступают кредиторы-созалогодержатели, не обладающими статусом собственников имущества, а во втором – только собственник имущества. Именно в этом состоит принципиальное различие сопоставляемых договорных конструкций: если отношения, вытекающие из ДУЗ, носят ярко выраженный обязательственно-правовой характер, то отношения, основанные на договоре ДУИ, несмотря на их договорную основу, обладают вещно-правовыми признаками.

Этот концептуальный взгляд не поддерживается Л.Ю. Василевской, которая прямо пишет: «что же касается допустимости применения норм о доверительном управлении имуществом к отношениям по управлению залогом, то, думается, несмотря на определенное сходство договорных конструкций поручения и доверительного управления имуществом, с этим трудно согласиться»¹. Сопоставляя договор доверительного управления имуществом с договором поручения и с ДУЗ, Л.Ю. Василевская обращает внимание на четыре критерия дифференциации указанных договорных конструкций: модель представительства (у договора ДУИ – косвенная, у договора поручения и ДУЗ – прямая); необходимость информирования третьих лиц о статусе управляющего (в договоре ДУИ – это обязательно, к договору поручения и ДУЗ такое требование не предъявляется); степень полномочий, переходящих управляющему (доверительный управляющий получает полномочия, юридически равносильные полномочиям самого собственника, а в поручении и ДУЗ этого не происходит);

¹ *Василевская Л.Ю.* Правовая квалификация договора управления залогом // Закон. 2016. № 3. С. 43.

реальный/консенсуальный характер сделки (договор ДУИ реальный, а договор поручения и ДУЗ – консенсуальные).

Е.А. Суханов, сопоставляя договор ДУИ и агентский договор, объясняет их отличие двумя основными фактами: первый факт – невозможность участия доверительного управляющего в соответствующих договорных правоотношениях от имени собственника; второй факт – недопустимость возложения доверительным управляющим своих договорных обязанностей на третье лицо¹. Квалифицируя ДУИ, Е.А. Суханов дополнительно разъясняет, что управление, составляющее предмет этого договора, сопряжено с полномочиями собственника: вступая в правоотношения с третьими лицами, доверительный управляющий действует как собственник в рамках полномочий, очерченный для него законом и договором. При этом подобное делегирование полномочий собственника, свойственное этой договорной конструкции, не означает их утрату собственником-учредителем управления: передавая такие полномочия доверительному управляющему, собственник предоставляет ему возможность их осуществления в порядке и пределах, предусмотренных договором².

В аналогичном смысловом ключе рассуждает и В.В. Витрянский, который замечает, что при заключении договора ДУИ не происходит делегирование полномочий собственника, а происходит возложение на доверительного управляющего договорных обязательств, связанных с управлением³.

Анализируя все вышесказанное, можно заключить, что сходство ДУЗ и договора ДУИ проявляется в том, что обе конструкции так или иначе связаны

¹ *Гражданское право: учеб: в 2 т. / Отв. ред. Е.А. Суханов. Т. II. С. 118.*

² *Суханов Е.А. Комментарий части второй Гражданского кодекса Российской Федерации для предпринимателей. М.: Фонд Правовая культура, 1996. С. 243. 445 с.*

³ *Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: В 5 кн. М., 2002. Кн. 3: Договоры о выполнении работ и об оказании услуг. С. 787–788 (автор цитаты – В.В. Витрянский).*

с реализацией полномочий конкретного участника имущественного оборота: в ДУЗ – залогодержателя, в договоре ДУИ – собственника.

Легальная дефиниция договора ДУИ позволяет сделать однозначный вывод о том, что этот договор смоделирован как реальный. Для гражданско-правовых договорных конструкций, поименованных в части второй ГК РФ, реальность – это большая редкость. Так, в судебной-арбитражной практике возник вопрос о том, является ли реальным договор ДУИ, если по его условиям в управление передается недвижимое имущество. Формулируя положительный ответ на поставленный вопрос, суды исходили из того, что подтверждением факта передачи недвижимого имущества в рамках договора ДУИ выступает факт государственной регистрации соответствующего перехода в ЕГРН¹. В то же время ДУЗ является консенсуальной сделкой, что следует квалифицировать в качестве еще одного основания дифференциации сопоставляемых договорных конструкций. При этом схожесть гражданско-правовых характеристик исследуемых договоров проявляется в том, что они оба являются возмездными, двусторонне обязывающими сделками. И.С. Михайлевская считает, что критерием сходства ДУЗ и договора ДУИ является также фидуциарный характер, присущий обоим договорным конструкциям². Соглашаясь с указанным автором в этом вопросе, добавим, что характеристика ДУЗ в качестве фидуциарной сделки в отличие от аналогичной характеристики договора ДУИ – достаточно большая редкость. Ввиду чего фидуциарный характер сделки, основанием которой выступает ДУЗ, заслуживает дополнительного обсуждения.

¹ См. об этом: *Постановление Президиума ВАС РФ от 17 декабря 2002 г. № 5861/02 по делу № А56-32315/01; Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 04 декабря 2007 г. № Ф04-4363/2007(40424-А03-30), Ф04-4363/2007(40376-А03-30) по делу № А03-13030/2006-4; Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 10 июля 2007 г. № Ф04-4363/2007(35794-А03-13) по делу № А03-13030/2006-4; Постановление ФАС Поволжского округа от 24 января 2008 г. по делу № А49-2407/06-84/24; Постановление ФАС Уральского округа от 11 апреля 2007 г. № Ф09-2494/07-С6 по делу № А50-17268/2006 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19 сентября 2023 г.).*

² *Михайлевская И.С.* Место договора управления залогом в системе гражданско-правовых договоров России // *Вестник Московского университета МВД России*. 2018. № 5. С. 80.

Обстоятельное научное исследование по вопросу о соотношении ДУЗ и договора ДУИ провела И.С. Михалевская, которая пришла к следующим результатам. Во-первых, признавая услуговую направленность ДУЗ, И.С. Михалевская замечает его схожесть с договорами поручения, агентирования и ДУИ. Во-вторых, она подчеркивает идентичность услуг, составляющих предметы ДУЗ и договора ДУИ: управленческие услуги. В-третьих, схожесть сопоставляемых договорных конструкций проявляется в цели договоров: оба направлены на обеспечение сохранности объекта управления, поддержание его стоимости и при возможности ее увеличение. Резюмируя предложенные автором критерия сходства и основания дифференциации, И.С. Михалевская заключает о нетождественности ДУЗ и договора ДУИ¹.

Действительно, определённое сходство в предметах ДУЗ и договора ДУИ присутствует, что во многом предопределено и семантическим значением слова «управление». Итак, предметы сопоставляемых договорных конструкций совпадают, прежде всего, в том, что действия в их рамках направлены на оказание услуг, которые, как известно, не имеют овеществленного результата. Управление имуществом – это достаточно неопределённая категория, поскольку ее легальная дефиниция отсутствует, а в доктрине нет единства взглядов на этот счет. А.А. Кижаяева, изучая конструкцию ДУЗ, отмечает: «из названия рассматриваемого договора следует, что он направлен на урегулирование управленческих отношений. Но что в данном случае понимал под управлением законодатель – непонятно»². Рассуждая далее, А.А. Кижаяева предлагает апеллировать к нормам о договоре ДУИ и, опираясь на предмет этого договора, она заключает о том, что управление – это совокупность юридических и фактических действий,

¹ *Михалевская И.С.* Договор управления залогом и договор доверительного управления в гражданском праве России // Закон и право. 2014. № 9. С. 73, 74, 76.

² *Кижаяева А.А.* Договор управления залогом // XVI Королевские чтения: сб. мат-лов Междунар. молодёжной научной конференции, посвящённой 60-летию полёта в космос Ю.А. Гагарина, в 3 т. Самара, 2021. Т. 3. С. 1274.

направленных на достижение полезного эффекта от пользования имуществом. В этом предложении кажется интересным упоминание эффективности как некоего показателя управленческой деятельности: несмотря на его в целом оценочный характер, неотъемлемым признаком управления выступает достижение положительного эффекта в виде улучшения имущества, увеличения его стоимости либо сохранения его потребительских и иных свойств.

Н.Ю. Круглова предлагает понимать под «управлением имуществом» управление деятельностью и развитием объекта управления¹. Такое определение, в котором не раскрыт родовый признак (управление предлагается понимать, как «управление»), нельзя признать в полной мере удачным.

Управление имуществом как предмет договора ДУИ подвергнуто обстоятельной теоретической разработке. Не углубляясь в эту проблематику, приведем лишь некоторые замечания на этот счет. Законодатель, формулируя корпус норм, посвященных договору ДУИ, не акцентировал внимания на его предмете, однако благодаря системному толкованию некоторых норм этой конструкции, очевидно, что ее предмет – это «любые юридические и фактические действия в интересах выгодоприобретателя». Заметим, что ученые-юристы критикуют такой абстрактный подход законодателя при формулировке предмета договора ДУИ². Судебно-арбитражной практике знакомы многочисленные споры, возникающие по причине правовой неопределённости предмета договора ДУИ. К примеру, вопрос о квалификации договора ДУИ, предмет которого предполагает только фактические действия и не включает юридические, нередко становится предметом судебного обсуждения³.

¹ Круглова Н.Ю. *Хозяйственное право: учебное пособие*. 3-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2013. 604 с.

² См. об этом: *Николичев Д.Н.* Управленческое представительство в гражданском праве: предмет правового регулирования // *Гражданское право*. 2012. № 3. С. 33–37.

³ См. об этом: *Постановление* ФАС Уральского округа от 08 декабря 2009 г. № Ф09-9801/09-С5 по делу № А60-15216/2009-С3 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14 сентября 2023 г.).

Предмет ДУЗ может быть выведен путем системного толкования норм ст. 356 ГК РФ. Так, под ним можно понимать действия управляющего залогом по осуществлению всех прав и обязанностей залогодержателя(ей) по договору залога. Очевидно, что такие действия, аналогично и предмету договора ДУИ, будут характеризоваться как фактической, так и юридической природой. И.С. Михалевская, предлагая свое понимание предмета ДУЗ, добавляет, что действия управляющего залогом имеет целеполагание: они направлены на обеспечение сохранности предмета залога, определение и поддержание его стоимости и по возможности ее увеличение¹. Стоит поддержать ученую в том, что у ДУЗ и договора ДУИ действительно схожие цели. Как верно замечает З.Э. Беневоленская, «изначально главной целью доверительного управления является сохранение имущества в надлежащем, неизменном состоянии»².

Как известно, кроме предмета договора, его характеристика включает и описание объекта, на который направлены действия, составляющие предмет. В отношении договора ДУИ на этот счет есть отдельная статья ГК РФ, в которой указывается, что «объектами доверительного управления могут быть предприятия и другие имущественные комплексы, отдельные объекты, относящиеся к недвижимому имуществу, ценные бумаги, права, удостоверенные бездокументарными ценными бумагами, исключительные права и другое имущество». Анализируя процитированную норму права на диссертационном уровне, А.В. Куканов справедливо заключает о популярности заключения договора ДУИ в отношении предприятия³. С учетом открытости перечня имущества, которое может стать объектом доверительного управления, в правоприменительной практике нередко возникают вопросы о допустимости передачи в доверительное управление

¹ Михалевская И.С. Договор управления залогом и договор доверительного управления в гражданском праве России // Закон и право. 2014. № 9. С. 74.

² Беневоленская З.Э. Доверительное управление имуществом в сфере предпринимательства: монография. М.: Проспект, 2017. С. 185.

³ См. об этом: Куканов А.В. Правовое регулирование договора доверительного управления недвижимым имуществом по законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 181.

того либо иного имущества. Судебно-арбитражной практикой выработаны позиции относительно перечня имущества, которое не может быть объектом договора ДУИ. Так, в числе такого имущества – доля в уставном капитале ООО, невозможность управления которой в рамках договора ДУИ суд объяснил следующим образом: «так как долю нельзя обособить и поставить на баланс, то она не может быть передана в доверительное управление»¹. Хотя на этот счет есть и прямо противоположная практика². Кроме того, не допускается передача в доверительное управление права требования выплаты страхового возмещения. По этому поводу суд дал следующие пояснения: «объектом доверительного управления является индивидуально-определенное имущество, а не основанная на обязательстве выплата, выраженная в обезличенных деньгах, каковой является страховая выплата»³.

¹ См., например: *Постановление* ФАС Центрального округа от 13 мая 2005 г. по делу № А09-1266/04-2-7 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14 сентября 2023 г.).

² См., например: *Постановление* Арбитражного суда Уральского округа от 08 сентября 2021 г. № Ф09-6353/21 по делу № А60-50961/2020; *Постановление* ФАС Восточно-Сибирского округа от 22 октября 2003 г. № А58-6522/02-Ф02-2972/03-С2; *Постановление* ФАС Восточно-Сибирского округа от 26 июня 2003 г. № А33-01513/03-С1-Ф02-1972/03-С2; *Постановление* ФАС Московского округа от 30 марта 2004 г. № КГ-А40/1983-04; *Постановление* Арбитражного суда Северо-Западного округа от 10 июня 2019 г. № Ф07-5630/2019 по делу № А05П-575/2018; *Постановление* ФАС Уральского округа от 31 августа 2004 г. № Ф09-2836/2004-ГК по делу № А50-35106/2003; *Постановление* ФАС Уральского округа от 24 мая 2004 г. № Ф09-1493/04-ГК по делу № А50-31648/2003 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14 сентября 2023 г.).

³ *Определение* ВАС РФ от 11 апреля 2013 г. № ВАС-3428/13 по делу № А65-17430/2012; см. также аналогичную практику: *Определение* ВАС РФ от 14 февраля 2013 г. № ВАС-481/13 по делу № А40-42165/12-125-179; *Постановление* ФАС Московского округа от 17 февраля 2014 г. № Ф05-790/2014 по делу № А41-37355/12; *Постановление* ФАС Московского округа от 10 июля 2013 г. по делу № А40-103293/12-129-735; *Постановление* ФАС Московского округа от 10 июля 2013 г. по делу № А41-43430/12; *Постановление* ФАС Московского округа от 30 мая 2013 г. по делу № А40-118645/12-109-358; *Постановление* ФАС Московского округа от 15 мая 2013 г. по делу № А41-42712/12; *Постановление* ФАС Московского округа от 14 мая 2013 г. по делу № А40-42174/12-34-342; *Постановление* ФАС Московского округа от 26 апреля 2013 г. по делу № А40-64473/12-52-588; *Постановление* ФАС Московского округа от 27 марта 2013 г. по делу № А40-63884/12-50-652; *Постановление* ФАС Московского округа от 22 марта 2013 г. по делу № А40-71575/12-23-656; *Постановление* ФАС Московского округа от 26 октября 2012 г. по делу № А40-42165/12-125-179; *Постановление* ФАС Поволжского округа от 27 февраля 2013 г. по делу № А65-17430/2012 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14 сентября 2023 г.).

Что касается объекта ДУЗ, то законодатель не дает на этот счет каких-либо разъяснений. Вероятно, это обусловлено тем, что при решении соответствующего вопроса достаточно воспользоваться общими нормами о залоге. В самом общем виде под объектом ДУЗ следует понимать права и обязанности залогодержателя в отношении заложенного имущества. Л.В. Щербачева критикует нормы ст. 356 ГК РФ в части употребляемой в ней терминологии. Так, она отмечает, что корректнее говорить об управлении не залогом, а правом залога, возникшем на основании договорного обязательства¹.

При анализе объекта ДУЗ важно обратиться к п.1 ст. 336 ГК РФ, в которой содержится следующее общее правило: «предметом залога может быть всякое имущество, в том числе вещи и имущественные права, за исключением имущества, на которое не допускается обращение взыскания, требований, неразрывно связанных с личностью кредитора, в частности требований об алиментах, о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, и иных прав, уступка которых другому лицу запрещена законом. Залог отдельных видов имущества может быть ограничен или запрещен законом». Анализируя объект ДУЗ, И.С. Михалевская справедливо замечает, что речь идет о правах и обязанностях в отношении любого заложенного имущества, за исключением того, в отношении которого установлены законодательные ограничения или изъятия в части участия в залоговых правоотношениях².

Руководствуясь общими нормами о залоге, мы пришли к выводу, что законодатель в равной мере допускает как залог обязательственных прав, так и залог прав участия в юридических лицах, что предопределяет вывод о том, что, будучи объектом залога, эти правомочия могут стать и объектом ДУЗ. Так, в научной литературе приводятся ситуации, в которых ДУЗ может быть

¹Щербачева Л.В. Управление правом залога // Государственная служба и кадры. 2015. № 1. С. 58.

²Михалевская И.С. Место договора управления в системе гражданско-правовых договоров России // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 5. С. 80.

заключен в отношении результатов интеллектуальной деятельности¹. В этом смысле объект ДУЗ несколько шире, чем объект договора ДУИ.

Перечень существенных условий в рамках сопоставляемых договорных конструкций не идентичен. Так, в ст. 1016 ГК РФ содержится норма, специально посвященная существенным условиям договора ДУИ. В их числе: состав имущества, наименование выгодоприобретателя, размер и форма вознаграждения управляющему, срок действия договора. Судебно-арбитражная практика выработала подход, согласно которому надлежащая идентификация объекта договора ДУИ является неотъемлемым условием его действительности². Нормы, посвященные договору ДУИ, допускают как возмездный, так и безвозмездный характер соответствующей конструкции. В случае, если между сторонами заключен возмездный договор ДУИ, то размер и форма вознаграждения, причитающегося управляющему, должны быть четко определены соответствующим договором. Так, из судебной практики следует вывод о том, что такое вознаграждение может быть установлено не только в твердой денежной сумме, но и в процентном соотношении к доходу от управления имуществом³.

Особого научно-исследовательского внимания заслуживает такое существенное условие договора ДУИ, как срок. Так, законодатель предусматривает общий предельный срок такого договора, который равен пяти годам. Однако, кроме этого, общего предельного срока, гражданское законодательство предусматривает и иные специальные предельные сроки в отношении конкретных видов имущества. К примеру, договор ДУИ, объектом

¹ Кучеренко А.В. Залог исключительных прав по-новому // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 68. С. 47.

² См. об этом: *Постановление* ФАС Поволжского округа от 15 апреля 2009 г. по делу № А65-11349/2008; *Постановление* ФАС Уральского округа от 13 октября 2004 г. № Ф09-3388/04-ГК по делу № А07-8875/04-Г-ШЗФ // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19 сентября 2023 г.).

³ См. об этом: *Постановление* ФАС Уральского округа от 26 января 2009 г. № Ф09-10546/08-С6 по делу № А50-6749/2008; *Постановление* ФАС Московского округа от 23 сентября 2011 г. по делу № А40-35066/10-1-202; *Постановление* ФАС Уральского округа от 01 октября 2008 г. № Ф09-6900/08-С4 по делу № А76-1465/2008-24-185 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19 сентября 2023 г.).

которого выступают средства пенсионных накоплений, может быть заключен на срок, не более пятнадцати лет¹; аналогичный срок установлен в отношении договора ДУИ, объектом которого выступает паевый инвестиционный фонд². Более короткий трехлетний срок, по сравнению с общим пятилетним ограничением для договора ДУИ, предусмотрен законодательством о накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих³. Наконец, ст. 19 Федерального закона от 11 ноября 2003 г. № 152-ФЗ предусматривает специальный срок для договора ДУИ, объектом которого выступает ипотечное покрытие, – не менее года и не более сорока лет⁴. Вместе с общим предельным сроком действия договора ДУИ, предусмотренного в пять лет, законодатель устанавливает правило об автоматической пролонгации этого договора в отсутствие возражений с обеих сторон сделки. В таком случае дополнительное обращение к учредителю управления не требуется⁵.

К сожалению, ст. 356 ГК РФ не содержит специальных правил о существенных условиях ДУЗ. В научной литературе на этот счет высказываются в целом идентичные соображения о том, что в числе

¹ См. об этом: *О негосударственных пенсионных фондах*: Федеральный закон РФ от 07 мая 1998 г. № 75-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru> (дата опубликования: 04 августа 2023 г.); *Об инвестировании средств для финансирования накопительной пенсии в Российской Федерации*: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 111-ФЗ (ред. от 28.02.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru> (дата опубликования: 21 ноября 2022 г.).

² *Об инвестиционных фондах*: Федеральный закон РФ от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ (ред. от 27.01.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru> (дата опубликования: 27 января 2023 г.).

³ *О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих*: Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru> (дата опубликования: 28 апреля 2023 г.).

⁴ *Об ипотечных ценных бумагах*: Федеральный закон РФ от 11 ноября 2003 г. № 152-ФЗ (ред. от 20.10.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru> (дата опубликования: 20 октября 2022 г.).

⁵ См. об этом: *Постановление* ФАС Восточно-Сибирского округа от 02 марта 2012 г. по делу № А33-18743/2010 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19 сентября 2023 г.).

существенных условий ДУЗ – предмет и срок¹. Таким образом, ДУЗ и договор ДУИ отличаются по кругу существенных условий.

В отличие от договора ДУИ, ДУЗ может быть дифференцирован на две договорные модели в зависимости от правового статуса управляющего залогом. Аналогичная дифференциация невозможна в договоре ДУИ: согласно п. 3 ст. 1015 ГК РФ, «доверительный управляющий не может быть выгодоприобретателем по договору доверительного управления имуществом». В то же время, если ДУЗ смоделирован таким образом, что управляющим залогом выступает один из кредиторов-созалогодержателей, то очевидно, что он же выступает и в роли одного из выгодоприобретателей.

Схожесть ДУЗ и договора ДУИ проявляется в предпринимательском статусе управляющего, однако нормы, посвященные его статусу, все же отличаются: согласно нормам о ДУЗ, управляющим залогом может выступать только индивидуальный предприниматель или коммерческая организация, а согласно нормам о договоре ДУИ «доверительным управляющим может быть индивидуальный предприниматель или коммерческая организация, за исключением унитарного предприятия». При этом в судебной практике на этот счет сформулирована позиция, вступающая в противоречие с нормой п. 1 ст. 1015 ГК РФ: если объектом доверительного управления, выступает наследственная масса или ее часть, требующая управления, то доверительным управляющим по такому договору может быть гражданин, не обладающий статусом индивидуального предпринимателя². Так, в одном из дел, ставших предметом рассмотрения ВАС РФ, исследовался следующий случай: после смерти гражданина нотариус заключила договор ДУИ с гражданином, не являющимся индивидуальным предпринимателем, поскольку в составе

¹ См., например: *Баутина В.С.* Договор управления залогом: содержание и проблемы применения // *Право, общество, государство: проблемы теории и истории: сб. ст. Всерос. студ. науч. конф. Российский университет дружбы народов.* 2017. С. 267–269.

² См, например: *Постановление* ФАС Московского округа от 27 февраля 2012 г. по делу № А40-65876/11-137-95 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21 сентября 2023 г.).

наследства умершего были обнаружены акции акционерного общества, которые по своей природе требуют управления. Один из акционеров этого акционерного общества обратился в суд с требованием о признании такого договора ДУИ недействительным по причине того, что доверительный управляющий должен обладать предпринимательским статусом. Однако суд, отклоняя доводы истца, определил, что если доверительное управление вызвано необходимостью управления наследственным имуществом, то субъектный состав соответствующего договора ДУИ может включать в качестве доверительного управляющего не только лиц, перечисленных в законе, но и гражданина, не обладающего предпринимательским статусом, а также некоммерческую организацию, кроме учреждения¹. Думается, что подобные исключения из общего предпринимательского статуса доверительного управляющего должны быть включены в гражданское законодательство. Вместе с тем думается, что аналогичные исключения не характерны для ДУЗ с учетом сферы его применения ввиду ее предпринимательского свойства. Например, ДУЗ актуален для синдицированного кредитования, кредиторами по которому являются кредитные организации, которые, будучи профессиональными участниками имущественного оборота, предпочтут вступление в правоотношение, обусловленное ДУЗ, с таким же профессионалом. Неудивительно, что управляющим залогом нередко становится один из кредиторов-созалогодержателей, являющийся при этом кредитной организацией.

Буквальное толкование процитированных норм права позволяет прийти к выводу о том, что при общей схожести правового статуса управляющего, которым может быть только профессиональный участник имущественного оборота, отличие этих конструкций состоит в отсутствии у ДУЗ ограничений по выступлению в роли управляющего залогом унитарного предприятия и

¹ *Определение* ВАС РФ от 16 апреля 2012 г. № ВАС-3817/12 по делу № А40-65876/11-137-95 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19 сентября 2023 г.).

недопустимость участия в этом качестве физического лица, не являющегося индивидуальным предпринимателем.

Некоторое совпадение ДУЗ и договора ДУИ проявляется и в дискреционных полномочиях управляющего залогом/доверительного управляющего. Так, в п. 3 ст. 356 ГК РФ содержится оценочная категория, имеющая существенное значение для оценки качества, оказываемой управляющим залогом услуги. Так, законодатель обязывает управляющего залогом осуществлять свое функциональное предназначение «на наиболее выгодных для кредитора (кредиторов) условиях». Оценочный характер категории «наиболее выгодные условия» предопределяет дискреционные полномочия управляющего залогом, оценка которых может быть осуществлена только в рамках судебного усмотрения. Таким же оценочным характером обладает требование, предъявляемое к доверительному управляющему, который обязан «проявлять при доверительном управлении имуществом должную заботливость об интересах выгодоприобретателя или учредителя управления».

Требует сопоставления модель представительства, избранная законодателем для конструкций ДУЗ и договора ДУИ. Так, согласно п. 3 ст. 1012 ГК РФ, «сделки с переданным в доверительное управление имуществом доверительный управляющий совершает от своего имени, указывая при этом, что он действует в качестве такого управляющего. Это условие считается соблюденным, если при совершении действий, не требующих письменного оформления, другая сторона информирована об их совершении доверительным управляющим в этом качестве, а в письменных документах после имени или наименования доверительного управляющего сделана пометка "Д.У."».

Это норма права свидетельствует, главным образом о двух фактах: во-первых, о том, что законодателем избрана модель косвенного представительства в отношении договора ДУИ, а, во-вторых, о том, что ненадлежащее информирование о действии лица в качестве доверительного

управляющего приводит к квалификации сделок, совершенных им, как личных сделок такого лица. При этом в судебно-арбитражной практике сформировалась важная конкретизирующая позиция на этот счет: стороной по сделке, заключенной во исполнение договора доверительного управления, является доверительный управляющий¹. В отличие от договора ДУИ, в нормах о ДУЗ отражена модель прямого представительства.

Еще одним важным критерием дифференциации ДУЗ и договора ДУИ выступает степень сохранения полномочий за лицом, передавшим их (то есть за кредитором-созалогодержателем / учредителем управления соответственно). Отвечая на этот вопрос применительно к конструкции доверительного управления, следует привести позицию, выработанную судебной практикой: заключение договора ДУИ не умаляет распорядительных прав учредителя управления². По этому поводу Научно-консультативный совет при Федеральном арбитражном суде Уральского округа дополнительно разъяснил следующее: «учредитель управления – собственник имущества, переданного в доверительное управление, сохраняет за собой предусмотренные законом (п. 1 ст. 209 ГК РФ) права владения, пользования и распоряжения своим имуществом»³. Иначе складываются отношения, возникающие из ДУЗ: кредиторы-созалогодержатели, делегировавшие управляющему залогом осуществление своих прав и обязанностей, обусловленных залогом, утрачивают правовую возможность самостоятельной

¹ См. об этом: *Постановление* Арбитражного суда Центрального округа от 16 февраля 2023 г. № Ф10-5775/2022 по делу № А36-4354/2021; *Постановление* ФАС Дальневосточного округа от 21 января 2003г. № Ф03-А73/02-1/2903// [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23 сентября 2023г.).

² См. об этом: *Определение* ВАС РФ от 11 февраля 2010г. № ВАС-17481/09 по делу № А40-19100/08-155-125 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23 сентября 2023г.).

³ *Рекомендации* Научно-консультативного совета при Федеральном арбитражном суде Уральского округа № 1/2007 «По вопросам рассмотрения дел о защите права собственности и других вещных прав»: по итогам заседания, состоявшегося 23–24 мая 2007 г. в г. Ижевске (с изм. от 20.09.2019) // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23 сентября 2023 г.)

(параллельной с управляющим залогом) реализации своих права и обязанностей.

Таким образом, установлено, что у договора управления залогом и договора доверительного управления имуществом есть общие признаки: 1) направленность на оказание управленческих посреднических услуг; 2) обеспечение с помощью этих конструкций легальной передачи полномочий по управлению; 3) предпринимательский статус управляющего залогом/доверительного управляющего; 4) цель – сохранение и преумножение объекта управления; 5) фидуциарный, возмездный характер; 6) наличие дискреционных полномочий у управляющего залогом/доверительного управляющего.

Доказана не тождественность сопоставляемых договорных конструкций в силу следующих обнаруженных оснований их дифференциации: 1) объект договора (у ДУЗ перечень залогового имущества, передаваемого в управление, шире, чем перечень имущества, являющегося объектом договора ДУИ с учетом ограничений, введенных судебной практикой); 2) правовой статус кредитора/учредителя управления (в ДУЗ кредитором выступает залогодержатель, а в договоре ДУИ – собственник имущества); 3) в отличие от договора ДУИ, ДУЗ может быть дифференцирован на две договорные модели в зависимости от правового статуса управляющего залогом, аналогичная дифференциация невозможна в договоре ДУИ; 4) стороны договора (управляющим залогом может выступать только индивидуальный предприниматель или коммерческая организация, а доверительным управляющим может быть индивидуальный предприниматель или коммерческая организация, за исключением унитарного предприятия, а в некоторых случаях – физическое лицо, не являющееся индивидуальным предпринимателем); 5) модель представительства (у ДУЗ – прямая, а у договора ДУИ – косвенная); 6) реальный/консенсуальный характер сделки (ДУЗ – консенсуальный, а договор ДУИ реальный); 7) существенные условия (у ДУЗ – предмет и срок; у договора ДУИ – состав имущества, наименование

выгодоприобретателя, размер и форма вознаграждения управляющего, срок);

8) утрата правовой возможности самостоятельной реализации прав и обязанностей, переданных по договору (в ДУЗ – кредиторы-созалогодержатели утрачивают такую правовую возможность, в договоре ДУИ – учредитель управления не утрачивает).

Глава 3. Особенности отдельных моделей договора управления залогом

§3.1. Договор управления залогом, управляющим по которому выступает третье лицо

Комментируя правила ст. 356 ГК РФ, С.П. Гришаев прямо пишет: «суть договора управления залогом заключается в том, что кредитор не лично заключает договор залога с залогодателем и (или) осуществляет все права и обязанности залогодержателя по договору залога, а через специальное уполномоченное лицо – управляющего залогом»¹. При таком подходе к пониманию сущности ДУЗ очевидно, что более подходящей является такая его модель, при которой управляющий залогом и один из кредиторов-залогодержателей не совпадают в одном лице.

Критикуя некоторые противоречия норм ст. 356 ГК РФ, Р.С. Бевзенко справедливо замечает, что конструкция управления залогом представляет собой частный случай ведения чужих дел, что в свою очередь предполагает нейтральный статус управляющего залогом, который должен быть экономически «посторонним» лицом по отношению к передаваемым ему в управление правам².

Несмотря на то что ученые-юристы, исследующие ДУЗ, нечасто подвергают его дифференциации на договорные модели, тем не менее, формулируя отдельные выводы, они нередко акцентируют внимание на их применимости только к одной из двух моделей, выделяемых нами. К примеру, Л.Ю. Василевская замечает, что «нет оснований для запрета и применения норм главы 52 ГК РФ ("Агентирование"), когда управляющим залогом

¹ Гришаев С.П., Богачева Т.В., Свит Ю.П. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая // Подготовлено для СПС «КонсультантПлюс», 2019 (автор комментария к ст. 356 ГК РФ – С.П. Гришаев).

² *Договорное и обязательственное право (общая часть)* постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, О.А. Беляева и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. Электронное издание. Редакция 1.0. 1120 с. (автор комментария к ст. 356 ГК РФ – Р.С. Бевзенко).

является третье лицо, а не один из кредиторов (залогодержателей)»¹. Таким образом, Л.Ю. Василевская предлагает агентскую конструкцию только для одной из договорных моделей ДУЗ – договора управления залогом, управляющим по которому выступает третье лицо. С этим следует отчасти согласиться хотя бы потому, что конструкция агентского договора предполагает вариацию в части форм представительства: агент обязан действовать от своего имени, но за счет принципала либо от имени и за счет принципала. Однако для ДУЗ актуальна лишь одна из этих вариаций, при которой агент действует от имени и за счет принципала(ов).

В п. 1 ст. 1005 ГК РФ содержится легальная дефиниция агентского договора, согласно которой «по агентскому договору одна сторона (агент) обязуется за вознаграждение совершать по поручению другой стороны (принципала) юридические и иные действия от своего имени, но за счет принципала либо от имени и за счет принципала».

Сопоставление этой дефиниции с дефиницией ДУЗ позволяет сделать ряд общих первичных выводов. Во-первых, в отличие от агентирования, допускающего две модели представительства (прямую и косвенную), для ДУЗ характерна только прямая модель представительства. Кстати, избранная законодателем модель представительства подвергается в научной литературе обстоятельной критике. Например, Р.С. Бевзенко пишет о целесообразности косвенной модели представительства, при которой управляющий действовал в интересах залогодателей от своего имени².

Во-вторых, из легальной дефиниции агентирования следует вывод о возмездной природе этой сделки, а из легальной дефиниции ДУЗ – о возмездной или безвозмездной природе соответствующей сделки.

¹ *Василевская Л.Ю.* Правовая квалификация договора управления залогом // Закон. 2016. № 3. С. 42.

² *Договорное и обязательственное право (общая часть) постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, О.А. Беляева и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. Электронное издание. Редакция 1.0. 1120 с. (автор комментария к ст. 356 ГК РФ – Р.С. Бевзенко).*

Сопоставляя легальные дефиниции договора агентирования и ДУЗ, следует заметить, что у этих договоров весьма схожий предмет: в нем на первый план выходят юридические действия, а на второй – иные (фактические) действия. При этом объем полномочий, передаваемых агенту, равно, как и объем полномочий, передаваемых управляющему залогом, не конкретизирован законом. Более того, он даже может быть не конкретизирован и договором, что в очередной раз свидетельствует о дискреционных полномочиях управляющего залогом/агента. Так, на этот счет судебной арбитражной практикой выработана следующая позиция в отношении агентирования: для определения предмета договора агентирования достаточно указания общих полномочий агента¹. Предмет агентского договора настолько не конкретизирован и в силу этого обстоятельства широк, что в судебной арбитражной практике возникают многочисленные споры относительно квалификации того или иного договора в качестве агентского. Например, по вопросу о квалификации договора на осуществление функций заказчика-застройщика существует три позиции судов², а по вопросу о

¹ См. об этом: *Постановление* ФАС Дальневосточного округа от 07 декабря 2010 г. № Ф03-2352/2010 по делу № А37-1636/2008; *Постановление* ФАС Западно-Сибирского округа от 10 июня 2003 г. № Ф04/2645-668/А46-2003; *Постановление* ФАС Московского округа от 21 февраля 2013 г. по делу № А41-46690/11; *Постановление* ФАС Северо-Кавказского округа от 07 апреля 2006 г. № Ф08-1190/2006 по делу № А53-1757/2003-С3-40; *Постановление* ФАС Северо-Кавказского округа от 01 декабря 2003 г. № Ф08-4500/2003 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26 сентября 2023 г.).

² См. об этом первая позиция (квалификация в качестве агентского): *Постановление* Арбитражного суда Московского округа от 30 июля 2018 г. № Ф05-1912/2018 по делу № А40-131849/2016; *Определение* ВАС РФ от 15 апреля 2013 г. № ВАС-3637/13 по делу № А19-13741/2011; вторая позиция (квалификация в качестве возмездного оказания услуг): *Постановление* ФАС Северо-Западного округа от 10 февраля 2009 г. по делу № А56-46148/2007; *Постановление* ФАС Волго-Вятского округа от 19 апреля 2010 г. по делу № А82-3523/2009-7; третья позиция (квалификация в качестве смешанного договора): *Постановление* ФАС Уральского округа от 31 августа 2010 г. № Ф09-6791/10-С5 по делу № А60-62895/2009-С1; *Постановление* ФАС Волго-Вятского округа от 13 сентября 2011 г. по делу № А29-9246/2010 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26 сентября 2023 г.).

квалификации дистрибьюторского договора существует четыре позиции судов¹.

Сравнивая предметы агентского договора и ДУЗ, можно заключить, что предмет агентского договора шире, чем предмет ДУЗ. Так, предметом агентского договора выступают любые юридические и фактические услуги, в том числе и управленческого характера, а предметом ДУЗ – только те юридические и фактические действия, которые связаны с реализацией прав и обязанностей залогодержателей в контексте осуществления управленческого функционала. В этом контексте представляется интересным следующий вывод, выработанный судебной практикой: управление многоквартирным домом может признаваться договором агентирования².

Резюмируя вышеизложенное, можно заключить об универсальном характере агентского договора, опосредующего любые отношения, сопряженные с выполнением юридических и фактических действий. Именно это обстоятельство предопределяет его относительное сходство с ДУЗ. В таком смысловом ключе можно утверждать, что агентский договор и ДУЗ соотносятся как род и вид.

По поводу возмездного характера сделки, основанием возникновения которой выступает агентский договор, кроме легальной дефиниции, законодатель предусмотрел правило о том, что принципал обязан уплатить агенту вознаграждение в размере и в порядке, установленных в агентском

¹ См. об этом первая позиция (квалификация в качестве агентского): *Постановление* ФАС Северо-Кавказского округа от 19 апреля 2005 г. № Ф08-1395/2005; вторая позиция (квалификация в качестве договора на организацию отношений по поставкам продукции с оказанием услуг по поиску покупателей): *Постановление* Президиума ВАС РФ от 18 мая 1999 г. № 073/98 по делу № А40-9311/98-55-54; третья позиция (квалификация в качестве смешанного договора): *Постановление* ФАС Поволжского округа от 25 января 2005 г. № А55-6685/2004-42; четвертая позиция (квалификация в качестве купли-продажи): *Постановление* ФАС Уральского округа от 02 мая 2006 г. № Ф09-3252/06-С3 по делу № А50-19308/2005 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26 сентября 2023 г.).

² *Постановление* ФАС Западно-Сибирского округа от 09 сентября 2010 г. по делу № А27-3418/2010; *Постановление* ФАС Поволжского округа от 28 марта 2012 г. по делу № А55-6985/2011 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26 сентября 2023 г.).

договоре (п. 1 ст. 1006 ГК РФ). Однако невзирая на это вполне определённое правило, правоприменитель столкнулся с вопросом о допустимости заключения агентского договора на условиях, освобождающих принципала от уплаты агенту встречного предоставления. Давая отрицательный ответ на этот вопрос, суды исходили из того, что принцип возмездности агентского договора является императивным. Это, в частности, предопределяет следующий взаимосвязанный вывод: выплата вознаграждения агенту не может быть поставлена в зависимость от момента поступления принципалу денежных средств от третьих лиц¹.

Думается, что допускаемая российским законодателем безвозмездность сделки, основанием возникновения которой выступает ДУЗ, может быть поставлена под сомнение. Это может быть аргументировано, как минимум, двумя обстоятельствами: во-первых, предпринимательским статусом сторон этой сделки; а, во-вторых, требованием осуществления всех прав и обязанностей залогодержателя по договору залога на наиболее выгодных для кредитора (кредиторов) условиях. Представляется, что подлинный интерес в эффективной управленческой деятельности возможен только в возмездном ДУЗ. В связи с этим предлагаем изложить абз. 2 п. 1 ст. 356 ГК РФ в новой редакции: «по договору управления залогом управляющий залогом, действуя от имени и в интересах всех кредиторов, заключивших договор, обязуется заключить договор залога с залогодателем и (или) осуществлять все права и обязанности залогодержателя по договору залога, а кредитор (кредиторы) – компенсировать управляющему залогом понесенные им расходы и уплатить ему вознаграждение».

¹ См. об этом: *Постановление* ФАС Западно-Сибирского округа от 15 сентября 2011 г. по делу А45-19833/2010; *Определение* ВАС РФ от 28 ноября 2013 г. № ВАС-17299/13 по делу № А56-47233/2012; *Определение* ВАС РФ от 20 сентября 2012 г. № ВАС-11614/12 по делу № А45-4566/2011; *Определение* ВАС РФ от 21 марта 2012 г. № ВАС-17519/11 по делу № А45-19833/2010 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28 сентября 2023 г.).

Прежде всего, стоит отметить, что ДУЗ является консенсуальной, двустороннее обязывающей, фидуциарной сделкой. Законодатель исходит из возмездной природы сделки, основанием возникновения которой является ДУЗ, однако оставляет за его контрагентами диспозитивное право на иной характер (безвозмездный) возникшей между ними юридической связи. Встречное предоставление, предназначенное для управляющего залогом, включает в себя два составных компонента: расходы, понесенные управляющим залогом, которые подлежат возмещению независимо от возмездной/безвозмездной природы ДУЗ, и вознаграждение, которое диспозитивно. Думается, что с учетом профессиональной среды существования отношений, основанных на ДУЗ, подавляющее большинство таких сделок являются возмездным, что соответствует принципу эквивалентности, характерному для частного права. Неудивительно в этой связи специальное требование к правовому статусу управляющего залогом: согласно п. 2 ст. 356 ГК РФ им может быть только ИП или юридическое лицо коммерческого типа.

С.П. Гришаев, характеризуя ДУЗ, справедливо замечает, что его эффективность напрямую зависит от профессионализма управляющего залогом, с помощью привлечения которого несколько кредитор-залогодержателей получают возможность действительной экономии на управленческих услугах: «К примеру, удобно и экономично в интересах нескольких кредиторов проверять наличие, состояние, количество и условия хранения залогодателем заложенного имущества, согласованно совершать действия, направленные на обращение взыскания на предмет залога и его реализацию и пр.»¹.

По поводу фидуциарности ДУЗ, В.В. Витрянским было сделано следующее замечание: «как видим, серьезный предпринимательский договор

¹ Гришаев С.П., Богачева Т.В., Свит Ю.П. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая // Подготовлено для СПС «КонсультантПлюс», 2019 (автор комментария к ст. 356 ГК РФ – С.П. Гришаев).

превращен в фидуциарную сделку, по которой, к примеру, управляющий залогом, почувствовав себя поверенным по договору поручения, в любую минуту по своему усмотрению может отказаться от исполнения своих обязанностей, что повлечет прекращение договора (ст. 977 ГК РФ)»¹. Разделяя позицию В.В. Витрянского в части характеристики ДУЗ в целом, следует заметить, что вряд ли правило ст. 977 ГК РФ применимо к отношениям из ДУЗ. Дело в том, что по смыслу ст. 977 ГК РФ, регламентирующей основания прекращения договора поручения, отказ поверенного позиционируется в качестве его субъективного гражданского права. В то же время в п. 6 ст. 356 ГК РФ говорится о применимости норм о поручении только в отношении обязанностей управляющего залогом, но не его прав.

Отвечая на вопрос о том, является ли ДУЗ фидуциарной сделкой, важно обратиться к доктрине фидуциарных правоотношений. Стоит подчеркнуть, что обозначенная тематика отличается высокой степенью исследованности и вместе с тем относится к числу крайне дискуссионных. Заметим, что фидуциарность связывают либо с корпоративными², либо с залоговыми³

¹ *Витрянский В.В.* Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2016. 431 с. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28 сентября 2023 г.).

² См., например: *Беневоленская З.Э.* Фидуциарные обязательства директора компании по английскому праву // Журнал российского права. 2006. № 4. С. 128–133; *Нанаева Э.А.* Некоторые аспекты гражданско-правовой ответственности господствующего предприятия перед зависимым предприятием в результате нарушения фидуциарной обязанности по праву Германии // Международное публичное и частное право. 2007. № 5. С. 60–62; *Агламазова В.В.* Концепция фидуциарных правоотношений и возможность ее применения в корпоративном праве России // Предпринимательское право. Приложение "Бизнес и право в России и за рубежом". 2012. № 1. С. 23–29; *Луценко С.И.* Правовые основания для фидуциарных обязанностей руководителя // Современное право. 2017. № 9. С. 56–63; *Шикин С.А.* Фидуциарные обязанности директоров корпораций в российском и англо-американском праве // Гражданское право. 2018. № 4. С. 44–46.

³ См., например: *Елисеев В.С., Веленто И.И.* О фидуциарном залоге как дополнительном обязательстве (на примере межотраслевого анализа ст. 149 Банковского кодекса Республики Беларусь) // Российский судья. 2010. № 1. С. 26–30; *Иванова А.И., Рыбалов А.О.* Фидуциарная собственность и классический залог // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 5. С. 108–129; *Нестолый В.Г.* Фидуциарный залог, или Обеспечительная купля-продажа (от нормативного регулирования к ситуационному управлению) // Вестник арбитражной практики. 2019. № 2. С. 17–25; *Ломакин Д.В.* Фидуциарные обязанности участников корпоративных отношений: за и против // Гражданское право. 2019. № 4. С. 3–8; *Гутников О.В.* Фидуциарные обязанности

отношениями. Признавая, что обстоятельное теоретическое исследование доктрины фидуциарных отношений – непосильная задача в рамках настоящего диссертационного исследования, предлагаем рассмотреть лишь некоторые ее аспекты.

Наиболее подходящее определение фидуциарных отношений воспроизведено в работе зарубежного ученого J.E. Penner, по мнению которого под этими отношениями следует понимать такую юридическую связь, при которой у фидуциара есть право на усмотрение в части выбора способов исполнения своих обязательств перед принципалом¹. Классическим примером фидуциарных отношений принято считать обязательственную связь между сторонами договора агентирования. При самом широком подходе к пониманию «фидуциарных отношений», их следует квалифицировать в качестве деятельности одного лица в интересах другого. Такая деятельность свойственна представительским договорным конструкциям²; отношениям, возникающим между единоличным исполнительным органом и корпорацией; отношениям, возникающим между участниками траста³.

При этом доктрина фидуциарных обязанностей участников корпорации получила обстоятельную теоретическую разработку в зарубежных правовых системах, а затем начала активно внедряться в российское гражданское законодательство. Примечательно, что доктрина фидуциарных отношений получила различную трактовку в странах, принадлежащих к разным правовым семьям: в странах англо-саксонской правовой семьи эта доктрина находится в увязке с фидуциарными обязанностями, понимаемыми как отношения

в российском корпоративном праве // Гражданское право. 2019. № 6. С. 25–29; Глазунов А.Ю. Ответственность миноритарных участников корпораций за нарушение фидуциарных обязанностей: возможна ли такая конструкция? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 4. С. 138–179 и др.

¹ См. об этом: *Penner J.E. The Law of Trusts. N.Y., 2004. P. 23–24.*

² См. об этом, например: *Богданов Е.В., Богданова Е.Е., Богданов Д.Е. Проблема фидуциарности и фидуциарных сделок в гражданском праве России // Гражданское право. 2017. № 3. С. 20–25.*

³ См. об этом, например: *Зикун И.И. Генезис категории «фидуциарная собственность» в европейском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2018. № 6. С. 192–219.*

представительства, в результате которых одно лицо получает власть над другим через призму принимаемых решений, а в странах романо-германской правовой семьи – в увязке с фидуциарными отношениями, связываемыми с лично-доверительной связью, возникающей между сторонами сделки (например, договора поручительства)¹.

З.Э. Беневоленская пишет о том, что директора компаний состоят в фидуциарной связи с управляемой ими организацией и имеют перед ней фидуциарные обязательства, проявляющиеся в предоставлении им широких полномочий при принятии оперативных решений при одновременной ответственности за убытки, ставшие результатом принятия нерациональных решений². В этом смысле фидуциар свободен в выборе способов достижения интересов принципалов (участников корпорации), учитывая, что такие интересы приравнены к интересам самой управляемой корпорации. Доктрина фидуциарных обязанностей исходит из существования следующих правил, вменяемых фидуциарам: (1) требование лояльности к принципалу; (2) требование добросовестности; (3) требование недопущения конфликта интересов и др.

Резюмируя вышесказанное, заметим, что доктрина фидуциарных обязанностей, особенно в ее романо-германской трактовке, применима к отношениям, возникающим из ДУЗ.

Предпринимательский характер ДУЗ предопределяет и соответствующий предпринимательский статус управляющего залогом, независимо от того, является ли он одним из кредиторов или третьим лицом. Это обусловлено тем, что сама по себе управленческая деятельность является предпринимательской.

¹ См. об этом: *Агламазова В.В.* Концепция фидуциарных правоотношений и возможность ее применения в корпоративном праве России // *Предпринимательское право. Приложение "Бизнес и право в России и за рубежом"*. 2012. № 1. С. 23–29.

² *Беневоленская З.Э.* Фидуциарные обязательства директора компании по английскому праву // *Журнал российского права*. 2006. № 4. С. 128–133.

Согласно п. 3 ст. 356 ГК РФ, управляющий залогом выступает в роли представителя кредиторов-залогодержателей и действует в силу договора, содержащего перечень делегированных ему полномочий. Из этого, в частности, следует, что для осуществления своих полномочий управляющий залогом не должен получать доверенность. Важно подчеркнуть, подходящий характер модели ДУЗ, управляющим по которому выступает третье лицо, для представительских отношений. Именно этот недостаток вменяется иной модели ДУЗ, управляющим по которому выступает кредитор-залогодержатель, поскольку в такой модели он представляет не только от имени кредиторов, но и в отношении самого себя, что противоречит нормам гражданского законодательства.

В модели ДУЗ, управляющему по которому выступает третье лицо, возникает следующее затруднение, обусловленное конструкцией ДУЗ, содержащейся в нормах ст. 356 ГК РФ: если управляющий залогом действует от имени и в интересах кредиторов-созалогодержателей, то это «де-юре» предполагает их указание в качестве сторон сделки в любой обеспечительной документации. При таких обстоятельствах крайне непостоянный, а порой еще и многочисленный состав кредиторов-залогодержателей должен был бы фигурировать и в публичных реестрах. По этому поводу О.М. Иванов справедливо отмечает следующее: «необходимо избежать регистрации в реестрах всех созалогодержателей (правообладателей), если их интересы представлены "надежным" управляющим залогом»¹.

Согласно п. 3 ст. 356 ГК РФ, «управляющий залогом обязан осуществлять все права и обязанности залогодержателя по договору залога на наиболее выгодных для кредитора (кредиторов) условиях». Этим правилом предопределяется существование у управляющего залогом дискреционных полномочий. Дискреционные полномочия первоначально предписывались

¹ *Иванов О.М.* О свободе договора, синдицированном кредите и направлениях развития гражданского права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 1. С. 117.

только властными участниками правоотношений, чему посвящены многочисленные научные изыскания¹.

Однако об этих полномочиях, изначально актуальных только для публично-правовых отношений, можно рассуждать и в частноправовом ключе. Так, цивилисты рассматривают дискрецию в качестве разновидности диспозитивности², монополии и автономии воли при выборе варианта управленческого решения без необходимости его согласования с иными лицами³. О дискреционных полномочиях пишет А.А. Павлов, предложивший новую договорную конструкцию – договор управления чужими делами. Так, в интерпретации А.А. Павлова, дискреционные полномочия – это «основанные на доверии требования, возникающие в связи с управлением чужими делами (правила добросовестности, разумности и действия в интересах бенефициара)»⁴. Очевидно, что дискреция действительно свойственна правовому статусу управляющего залогом, что предопределено, главным образом двумя правовыми нормами: во-первых, правилом о том, что, передавая полномочия управляющему залогом, кредиторы-залогодержатели лишаются правовой возможности реализации залоговых прав и обязанностей, что в некоторой степени предоставляет управляющему залогом

¹ См., например: *Калмыкова Е.А.* Виды дискреционных полномочий суда в арбитражном процессе // *Арбитражный и гражданский процесс.* 2011. № 3. С. 10–13; *Алешкова Н.П.* Широта дискреционных полномочий как наиболее распространенный коррупциогенный фактор нормативных правовых актов // *Муниципальное право.* 2012. № 3. С. 35–39; *Соловей Ю.П.* О совершенствовании законодательной основы судебного контроля за реализацией органами публичной администрации и их должностными лицами дискреционных полномочий // *Административное право и процесс.* 2015. № 2. С. 46–51; *Пацация М.Ш.* О дискреционных полномочиях должностных лиц Верховного Суда РФ в гражданском и арбитражном процессах // *Вестник гражданского процесса.* 2015. № 5. С. 10–61; *Щерба С.П., Попова А.В.* Дискреционные полномочия прокурора при применении меры пресечения в виде заключения под стражу // *Законность.* 2016. № 1. С. 22–26; *Шмарев А.И.* Отечественная наука о дискреционных полномочиях прокурора в Российской Федерации // *Законность.* 2022. № 2. С. 30–34 и др.

² См. об этом: *Брюхов Р.Б.* Диспозитивность в гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 18.

³ См. об этом: *Сапожников С.А.* Принцип диспозитивности в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 18.

⁴ *Павлов А.А.* Договор управления чужими делами по российскому гражданскому праву: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2020. С. 75.

частноправовую власть над объектом управления, а, во-вторых, правило о том, что управляющий залогом должен действовать на наиболее выгодных для кредитора (кредиторов) условиях. Комментируя последнее правило, важно подчеркнуть, что его значимость не столько в предъявлении управляющему залогу требований «выгодности» управленческих решений, сколько в максимальной абстракции управленческой деятельности управляющего залогом, предполагающей возможность самостоятельного выбора конкретного варианта поведения. Здесь есть лишь одно исключение из правила о дискреционных полномочиях: абз. 2 п. 3 ст. 356 ГК РФ содержит правило о необходимости согласования конкретных правомочий управляющего залогом с кредиторами-созалогодержателями, если такое правило предусмотрено условиями конкретного соглашения. Однако это правило не умаляет ни фидуциарных отношений, ни дискреционных полномочий управляющего залогом.

Правовой статус управляющего залогом, вытекающий из правил ст. 356 ГК РФ, предполагает возложение на такого участника следующих обязанностей:

- вступление в договорные правоотношения с залогодателем, если на момент заключения ДУЗ договор залога еще не заключен;
- исполнение прав и обязанностей залогодержателя по соответствующему договору залога;
- выражение согласия на замену стороны в ДУЗ, если это предусмотрено его условиями;
- осуществление полномочий на наиболее выгодных для кредитора (кредиторов) условиях;
- запрос и получение предварительного согласия кредитора (кредиторов) на осуществление определённых правомочий, если это предусмотрено условиями ДУЗ;
- получение имущества, поступившего в интересах кредитора (кредиторов), и обращение его в их долевую собственность;

- продажа имущества, поступившего в интересах кредиторов, по первому требованию одного из кредиторов;
- ведение реестра, в котором отражаются кредиторы-созалогодержатели, образующие множественность лиц на стороне кредитора, а также юридические факты-основания их залоговых правомочий;
- открытие номинального счета для зачисления денежных средств, поступающих в интересах кредиторов-созалогодержателей;
- перечисление в надлежащий срок средств, поступивших на указанный выше номинальный счет, на счет кредитного управляющего, если между сторонами соответствующей сделки заключен договор синдицированного кредита;
- указание себя в качестве залогодержателя при государственной регистрации или учете залога с отметкой о своем статусе управляющего залогом.

Отдельного научного внимания заслуживает такая обязанность управляющего залогом, как осуществление полномочий на наиболее выгодных для кредитора (кредиторов) условиях. Безусловно, категория «наиболее выгодные условия» является оценочной¹, что предполагает возможность ее расширительного толкования. Интересно, что анализ всех поименованных договорных конструкций позволяет обнаружить еще одну договорную модель, применительно к которой законодатель использует аналогичное оценочное понятие. Так, в ч. 1 ст. 992 ГК РФ указано: «Принятое на себя поручение комиссионер обязан исполнить на наиболее выгодных для комитента условиях в соответствии с указаниями комитента, а при отсутствии

¹ См. об этом: *Фиошин А.В.* Об оценочных понятиях частного и публичного права // Вестник гражданского процесса. 2022. № 5. С. 90–113; *Аракелян А.А.* Оценочные понятия гражданского права: исторический опыт становления и использования // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 2. С. 111–117; *Голубцов В.Г.* Оценочные понятия в российских кодификациях гражданского права // Lex russica. 2019. № 8. С. 37–50; *Киселев О.А.* О видах и классификационных основаниях правовых оценочных понятий // Нотариус. 2015. № 1. С. 41–48; *Беляева О.М.* Об использовании оценочных понятий в законодательстве и трудностях их толкования в процессе правореализации // История государства и права. 2013. № 13. С. 41–45.

в договоре комиссии таких указаний – в соответствии с обычаями делового оборота или иными обычно предъявляемыми требованиями». При этом в п. 6 ст. 356 ГК РФ говорится лишь о субсидиарном применении к ДУЗ норм о поручении и о простом товариществе: договор комиссии в этом контексте не упоминается. Несмотря на это обстоятельство норма ч. 1 ст. 992 ГК РФ требует дополнительного изучения. В отличие от ДУЗ, в договоре комиссии существенное внимание уделяется указаниям комитента и только в том случае, если они отсутствуют, комиссионер более-менее свободен в выборе варианта поведения в рамках исполнения договорных обязательств.

Приведем по этому поводу пример из судебной практики: комиссионер обратился в суд к комитенту с требованием о взыскании денежной суммы, квалифицированной комиссионером в качестве дополнительной выгоды, о которой упоминается в ч. 2 ст. 992 ГК РФ. Суд, принимая решение по данному делу, руководствовался следующей логикой: поскольку в договоре комиссии не была указана конкретная цена, по которой комиссионеру надлежало продать товар, постольку продажа товара по наиболее выгодной цене не может считаться дополнительной выгодой комиссионера и означает лишь то, что он выполнил возложенные на него договорные обязательства на наиболее выгодных для комиссионера условиях¹.

Анализ цивилистической доктрины свидетельствует о недостаточном научном внимании к исследуемой оценочной категории – «наиболее выгодные условия». А.В. Егоров, изучивший данное понятие применительно к договору комиссии, подчеркивает, что в договоре комиссии эти условия должны толковаться в совокупности с поручениями комитента. При этом, по мнению ученого, более предпочтительной является иная оценочная категория – «соблюдение интересов», означающая недопущение конфликта интересов,

¹ См. об этом: *Постановление* ФАС Западно-Сибирского округа от 24 февраля 2012 г. по делу № А02-270/2011 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02 октября 2023 г.).

сохранение в тайне конфиденциальной информации, ставшей известной в связи с участие в договорном обязательстве¹.

В научной литературе сформулирован весьма интересный вывод относительно категории «наиболее выгодные условия»: во-первых, поскольку речь идет о «выгоде», постольку имеется в виду прибыль, имеющую место только в денежных отношениях; во-вторых, поскольку речь идет о прибыли и денежных отношениях, постольку безвозмездная природа соответствующей сделки вряд ли оправдана².

Несмотря на то, что эти выводы относятся к договору комиссии, очевидно, что они в такой же степени актуальны и для ДУЗ. При этом управляющий залогом должен осуществлять возложенные на него обязательства таким образом, чтобы не допустить ухудшение предмета залога, а в случае продажи имущества, поступившего в интересах кредиторов, обеспечить его продажу по наиболее высокой цене. Что касается второго аргумента – про возмездность соответствующей сделки, – то представляется, что это может быть дополнительным аргументом в пользу отказа от безвозмездной модели ДУЗ.

Поиск ответа на вопрос, в чем заключается специфика осуществления полномочий управляющего залогом на наиболее выгодных для кредитора (кредиторов) условиях, вновь обуславливает обращение к доктрине фидуциарных правоотношений. В таких отношениях, как подчеркивает Л.В. Кузнецова³, законодатель сосредотачивается на защите прав принципала, то есть лица, вынужденного в силу определённых обстоятельств довериться

¹ См. об этом: *Егоров А.В.* Агентский договор: опыт сравнительного анализа законодательных и теоретических конструкций // Ежегодник сравнительного правоведения, 2002. М.: Норма, 2003. С. 121–178.

² См. об этом: *Егоров А.В.* Предмет договора комиссии // Актуальные проблемы гражданского права: Сборник статей. Выпуск пятый / под редакцией профессора В.В. Витрянского. М.: Статут, 2002. С. 86–146.

³ *Кузнецова Л.В.* Особенности защиты прав участников фидуциарных отношений // Защита гражданских прав: избранные аспекты: сборник статей / Ю.Н. Алферова, Ю.В. Байгушева, Ю.В. Виниченко и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2017. 432 с. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28 сентября 2023 г.).

своему контрагенту в части реализации принадлежащих ему прав и интересов. Это в свою очередь предопределяет характеристику принципала как «слабой» стороны соответствующей сделки. Такой вывод находит подтверждение в ряде норм действующего законодательства о ДУЗ. К примеру, кредиторам-созалогодержателям предоставлены более широкие права по расторжению ДУЗ, чем управляющему залогом.

Резюмируя вышеизложенное, подчеркнем следующее: специфика осуществления полномочий управляющего залогом на наиболее выгодных для кредитора (кредиторов) условиях предопределена фидуциарным характером отношений, возникших из ДУЗ, которым свойственна преимущественная защита интересов принципала как слабой стороны соответствующей сделки; руководство исключительно его интересами, даже вопреки интересам управляющего залогом.

Таким образом, установлено, что модель ДУЗ, управляющим по которому выступает третье лицо, несмотря на «поручительскую» природу, прослеживающуюся в нормах п. 6 ст. 356 ГК РФ, имеет общие признаки с договором агентирования (прежде всего, схожий предмет – юридические и фактические действия). В отличие от модели ДУЗ, управляющим по которому выступает кредитор-залогодержатель, модель ДУЗ, управляющим по которому выступает третье лицо, отличается следующими особенностями: 1) актуальна как при наличии одного кредитора-залогодержателя, так и множественности лиц на этой стороне; 2) не вступает в противоречия с нормами гражданского законодательства о представительстве; 3) не предполагается безвозмездной; 4) к этой модели ДУЗ применима доктрина фидуциарных обязанностей через призму реализации требований, предъявляемых к управляющему залогом (лояльности к принципалу, добросовестности, недопущения конфликта интересов).

Доказано, что специфика осуществления полномочий управляющего залогом на наиболее выгодных для кредитора (кредиторов) условиях предопределена фидуциарным характером отношений, возникших из ДУЗ,

которым свойственна преимущественная защита интересов принципала как слабой стороны соответствующей сделки и руководство исключительно интересами принципала, даже вопреки интересам управляющего залогом.

§3.2. Договор управления залогом, управляющим по которому выступает кредитор-залогодержатель

В научной литературе справедливо замечено, что «с одной стороны, пункт 1 статьи 356 ГК РФ прямо предусматривает, что договор управления залогом может быть заключен "с одним из кредиторов" в качестве управляющего залогом. С другой стороны, неясно, каким образом такой кредитор может вступать в отношения по договору управления залогом "сам с собой"»¹. Действительно, единственным основанием возникновения отношения по управлению залогом выступает ДУЗ, сторонами которого являются управляющий залогом и кредиторы-созалогодержатели. Модель ДУЗ, описываемая в рамках настоящего параграфа, предполагает ситуацию, при которой управляющий залогом вступает в договорные отношения по управлению залогом как в отношении определенного круга лиц – кредиторов-созалогодержателей (если их несколько), так и в отношении самого себя. В такой ситуации происходит частичное совпадение кредитора и должника в одном лице. Как верно отмечает Л.Ю. Василевская, «заключая договор залога и имея статус стороны договора, он не может действовать в отношении себя лично как представитель самого себя»².

Аналогичные критические замечания в адрес модели ДУЗ, управляющему по которому выступает кредитор-залогодержатель, высказаны и в других научных работах. Так, Л.В. Щербачева пишет следующее: «кредитор, действующий от имени других кредиторов и заключающий договор с

¹ Мацуев А.И., Миллер К.С. Некоторые практические проблемы использования договора управления залогом // Банковское право. 2020. № 2. С. 78.

² Василевская Л.Ю. Правовая квалификация договора управления залогом // Закон. 2016. № 3. С. 45.

залогодателем, не может выступать в гражданском обороте от своего имени, также, как и от имени других кредиторов, поскольку является стороной в договоре залога, а также в договоре управления залогом. Кредитор не может быть представителем самого себя в сделке»¹.

В таких отношениях особую сложность вызывает проблема противоречия интересов кредиторов-созалогодержателей. Вполне допустима ситуация, при которой интересы кредитора-созалогодержателя, являющегося управляющим залогом, вступают в конфронтацию с интересами иных кредиторов-созалогодержателей, которых он призван представлять. Интересное соображение на этот счет высказано в научной литературе: в отсутствие законодательного порядка урегулирования конфликта интересов, возникающего при управлении залогом, следует руководствоваться интересами большинства, а в отношении меньшинства, чьи интересы вступают в явное противоречие с интересами большинства, надлежит расторгнуть ДУЗ². Однако такое специальное основание прекращения ДУЗ отсутствует в правилах об этой договорной конструкции. Вероятно, может быть предложено дополнение п. 5 ст. 356 ГК РФ новым основанием – противоречие интересов конкретного кредитора(ов) интересам большинства других кредиторов.

К сожалению, анализ судебной-арбитражной практики, в которой упоминаются правила ст. 356 ГК РФ, не вносит ясности в исследуемые нами договорные модели ДУЗ. Так, ст. 356 ГК РФ упоминается в судебных актах в контексте всего объема правового регулирования залоговых обязательств: ссылаясь на положения статей 309, 310, 322, 323, 334–356, 363, 809, 811, 819 ГК РФ, истец обращается в суд с соответствующим иском³.

¹ Щербачева Л.В. Управление правом залога // Государственная служба и кадры. 2015. № 1. С. 59.

² Щербачева Л.В. Управление правом залога // Государственная служба и кадры. 2015. № 1. С. 59.

³ См., например: *Определение* Верховного Суда РФ от 18 сентября 2023 г. № 310-ЭС23-15983 по делу № А84-478/2020; *Определение* Верховного Суда РФ от 14 ноября 2022 г. № 305-ЭС22-19746 по делу № А40-100660/2021; *Определение* Верховного Суда РФ от 28

Как уже было отмечено ранее, законодатель не дифференцирует модели ДУЗ по правовому статусу управляющего залогом, однако анализ отдельных положений ст. 356 ГК РФ позволяет сделать вывод о некоторых особенностях сопоставляемых моделей.

В рамках настоящей части диссертационного исследования представляется интересным выяснить причины законодательного решения о закреплении двух договорных моделей ДУЗ, отличающихся по правовому положению управляющего залогом. Напомним, что эта договорная конструкция исторически обусловлена синдицированным кредитованием, в сфере правового регулирования которого, представляется, и следует искать ответы на соответствующие вопросы. По этому поводу Л.А. Попкова сделала такое замечание: «Статья 356 ГК РФ закрепила возможность предоставлять обеспечение не только кредитору по обеспечиваемому залогом обязательству, но и третьему лицу (управляющему залогом), специально уполномоченному кредиторами»¹.

Представляется, что исторически первой моделью управленческих залоговых отношений стала та, управляющим залогом в которой является один из созалогодержателей. Именно такой подход получил наибольшее распространение в сфере синдицированного кредитования. На наш взгляд, отсюда следует и допускаемая законодателем безвозмездность ДУЗ. Так, в легальной дефиниции ДУЗ в числе обязанностей кредитора (кредиторов) на первом месте значится компенсация понесенных управляющим залогом расходов и только на втором месте – уплата вознаграждения. При этом вторая обязанность является диспозитивной, что предполагает возможность

июля 2021 г. № 309-ЭС21-11925 по делу № А07-20334/2019; *Определение* Верховного Суда РФ от 08 июня 2021 г. № 305-ЭС21-9270 по делу № А40-21111/2020; *Определение* Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 04 апреля 2016 г. № 306-ЭС15-8369 по делу № А55-26194/2013; *Определение* Верховного Суда РФ от 01 июля 2019 г. № 306-ЭС18-11555 по делу № А12-10022/2017 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КлонсультантПлюс» (дата обращения: 26 сентября 2023 г.).

¹ Попкова Л.А. Правовая конструкция синдицированного кредита: монография. Москва: Проспект, 2018. 160 с.

конструирования безвозмездной модели ДУЗ. Представляется, что безвозмездная модель ДУЗ в отношениях сторон, являющихся предпринимателями, может быть теоретически мыслима только в том случае, если управляющий залогом лично заинтересован в управлении, а это характерно только для такой модели ДУЗ, управляющим по которому выступает кредитор-залогодержатель.

В аналогичном смысловом ключе рассуждает и Б.М. Гонгало, который, отмечая сосуществование возмездной и безвозмездной моделей ДУЗ, предполагает, что вторая модель актуализируется в ситуации, когда один из кредиторов-созалогодержателей соглашается взять на себя функционал управляющего залогом на безвозмездных началах¹.

Одним из признаков ДУЗ, влияющих на его гражданско-правовую характеристику, является длящийся характер отношений, возникающих между залогодержателями и управляющим залогом. Это предопределено преимущественно длящимся характером залоговых правоотношений. Вместе с тем, эта характеристика ДУЗ не связана с особенностями правового статуса управляющего залогом: предполагается, что обе модели договорные соответствующих правоотношений являются длящимися.

Еще одной важной характеристикой ДУЗ, влияющей на определение ее правовой природы, выступает множественность лиц на стороне залогодержателя. Эта характеристика не является обязательным атрибутом ДУЗ, однако предопределена его сущностью.

Так, если таковая множественность присутствует, то актуализируются обе модели ДУЗ: и та, управляющим в рамках которой выступает кредитор-залогодержатель, и та, управляющим в рамках которой выступает третье лицо. Однако если на стороне кредитора отсутствует множественность, то одна из моделей ДУЗ утрачивает свою актуальность: в таком случае может быть применена только такая модель ДУЗ, управляющим в рамках которой

¹ См. об этом: *Гражданское право: учебник: в 2 т.* / О.Г. Алексеева, Е.Р. Аминов, М.В. Бандо и др.; под ред. Б.М. Гонгало. М.: Статут, 2016. Т. 2. 528 с.

выступает третье лицо. При этом Р.С. Бевзенко подчеркивает возможность и целесообразность заключения ДУЗ в том случае, если на стороне кредиторов нет множественности лиц: по этому поводу он отмечает, что потребность в управлении возникает в том случае, если залогодержатель не является профессионалом в этих вопросах и ему нужен специалист, обладающий соответствующими компетенциями¹.

Рассуждая про «множественность», характерную для ДУЗ, важно акцентировать внимание на юридико-технической особенности норм об этой договорной конструкции. Так, в правилах ст. 356 ГК РФ одна из сторон этого договора по всему тексту этой статьи называется «кредитор (кредиторы)». Нам удалось насчитать восемь таких двойных формулировок по тексту этой статьи. Такой юридико-технический прием, вероятно, не вполне удачен, поскольку допускает излишнее дублирование одинаковых словесных упоминаний. Вероятно, было бы более уместным обращение внимания на то, что такой договор предполагает множественность на стороне кредитора, если иное не предусмотрено ДУЗ. Кроме того, более подходящей характеристикой этой стороны ДУЗ было бы ее наименование – «принципал». Во-первых, термин «кредитор», употребляемый применительно к конструкции ДУЗ полностью совпадает с названием одной из сторон обязательства (кредитор-должник), что вносит дополнительную словесную путаницу, а во-вторых, словоупотребление «принципал» в полной мере соответствует правовой природе сделки, основанием возникновения которой выступил ДУЗ.

Так, к примеру, цитируя В.В. Витрянского, Е.Б. Подузова пишет: «по справедливому мнению автора, в отношениях между "залогодержателями" (или все же кредиторами?) никаких признаков простого товарищества не

¹ *Договорное и обязательственное право (общая часть) постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, О.А. Беляева и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. Электронное издание. Редакция 1.0. 1120 с. (автор комментария к ст. 356 ГК РФ – Р.С. Бевзенко).*

обнаруживается»¹. Как видим, Е.Б. Подузова усомнилась в корректности использованной терминологии с учетом того, что в ст. 356 ГК РФ одновременно говорится и о кредиторе и должнике, образующим стороны соответствующего договорного правоотношения; и о залогодателе и залогодержателе как сторонах соответствующей залоговой сделки; и о кредиторах в залоговых обязательствах.

Из анализа абз. 3 п. 1 ст. 356 ГК РФ следует потенциальная допустимость двух ситуаций, отличающихся по времени возникновения залога: первая ситуация – сначала возник залог, а затем был заключен ДУЗ; вторая ситуация – сначала был заключен ДУЗ, а затем возник залог. Несмотря на очевидную «разность» этих ситуаций, правовой статус управляющего залогом в них идентичен, однако отличается по формальным признакам. Так, в первом из названных случаев оформление управленческих отношений подразумевает помимо ДУЗ, заключение соглашения о передаче договора залога по правилам ст. 392.3 ГК РФ. К сожалению, абз. 3 п. 1 ст. 356 ГК РФ сформулирован таким образом, что осуществление функционала управляющего залогом позиционируется как право, а не обязанность управляющего залогом в то время, как исходя из легальной дефиниции ДУЗ, осуществление прав и обязанностей залогодержателя – это обязанность управляющего залогом. Представляется, что это противоречие может быть легко скорректировано путем изложения абз. 3 п. 1 ст. 356 ГК РФ в следующей редакции: «если залог возник ранее заключения договора управления залогом, управляющий залогом по соглашению о передаче договора залога (статья 392.3) обязан осуществлять в силу договора управления залогом все права и обязанности залогодержателя».

Поскольку законодатель не дифференцирует ДУЗ на две договорные модели, постольку перечень обязанностей у управляющего залогом,

¹ См. об этом: *Подузова Е.Б.* Договор простого товарищества как форма организации и ведения совместной деятельности: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 10. С. 79–87.

независимо от того, кто выступает в таком качестве, в целом идентичен. Однако тот факт, что в одной из моделей ДУЗ управляющий залогом действует одновременно и в роли кредитора, накладывает свой значительный отпечаток на специфику обязанностей такого управляющего залогом. Рассмотрим их более подробно, опираясь на предложенный нами ранее перечень обязанностей управляющего залогом.

Правовой статус управляющего залогом-кредитора-созалогодержателя, вытекающий из правил ст. 356 ГК РФ, предполагает возложение на такого участника следующих обязанностей:

- вступление в договорные правоотношения с залогодателем, если на момент заключения ДУЗ договор залога еще не заключен, представляя при этом интересы созалогодержателей, в том числе и свои собственные интересы как созалогодержателя;
- исполнение прав и обязанностей залогодержателей по соответствующему договору залога;
- выражение согласия на замену стороны в ДУЗ, если это предусмотрено его условиями;
- осуществление полномочий на наиболее выгодных для кредитора (кредиторов) условиях, в том числе и выгодных для самого себя как кредитора-созалогодержателя;
- запрос и получение предварительного согласия кредитора (кредиторов) на осуществление определённых правомочий, если это предусмотрено условиями ДУЗ, что предполагает и личное принятие участия в даче такого предварительного согласия самому себе;
- получение имущества, поступившего в интересах кредитора (кредиторов), в том числе и в интересах управляющего залогом как кредитора-созалогодержателя, и обращение его в их долевую собственность;
- продажа имущества, поступившего в интересах кредиторов, по первому требованию одного из кредиторов, в том числе и по собственному

требованию в силу совмещения в лице управляющего залогом двух функциональных ролей (управляющего и кредитора);

- ведение реестра, в котором отражаются кредиторы-созалогодержатели (в том числе и сам управляющий залогом), образующие множественность лиц на стороне кредитора, а также юридические факты-основания их залоговых правомочий;

- открытие номинального счета для зачисления денежных средств, поступающих в интересах кредиторов-созалогодержателей, в том числе и в интересах управляющего залогом как одного из кредиторов-созалогодержателей;

- перечисление в надлежащий срок средств, поступивших на указанный выше номинальный счет, на счет кредитного управляющего, если между сторонами соответствующей сделки заключен договор синдицированного кредита;

- указание себя в качестве залогодержателя при государственной регистрации или учете залога с отметкой о своем статусе управляющего залогом.

Думается, что факт вступления правового статуса управляющего залогом, являющегося кредитором-созалогодержателем, в противоречие с нормами действующего гражданского законодательства о представительстве и сделках, может быть истолкован только таким образом: в случае, когда управляющий залогом действует одновременно как управляющий, и как кредитор-созалогодержатель, подлежит применению правовая фикция о том, что такой управляющий действует от имени и в интересах других лиц – кредиторов-созалогодержателей. При этом фиктивность этого предположения заключается в том, что на самом деле такой управляющий одновременно представляет и свои собственные интересы, действует от своего имени и в отношении себя лично. Однако для удобства правовой регламентации этот факт позиционируется как ложный, хотя в действительности таковым не является.

Стоит заметить, что теория правовых фикций получила обстоятельное научное изучение как в теоретико-правовых науках¹, так и в отраслевых юридических науках в целом (например, в гражданском праве², гражданско-процессуальном праве³, уголовном праве, уголовно-процессуальном праве⁴, налоговом праве⁵ и т.д.). Как известно, правовые фикции получают объективацию в правовых нормах, отсюда и специальный термин: нормы-фикции. Однако нормы-фикции, посвященной правовому статусу управляющего залогом, являющемуся одним из залогодержателей, в действующем гражданском законодательстве не имеется.

Поэтому предлагается абз. 1 п. 1 ст. 356 ГК РФ изложить в следующей редакции: «Кредитор (кредиторы) по обеспечиваемому залогом обязательству (обязательствам), исполнение которого связано с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, вправе заключить договор управления залогом с одним из таких кредиторов или третьим лицом (управляющим залогом). Если в качестве управляющего залогом действует один из кредиторов по обеспечиваемому залогом обязательству, то считается,

¹ См., например: *Исаев И.А.* Юридическая фикция как форма заполнения правовых пробелов // История государства и права. 2011. № 22. С. 2–4; *Пяткин В.Н.* Понятие и роль правовых фикций в праве Древнего Рима // История государства и права. 2014. № 7. С. 33–37; *Филимонова И.В.* Юридические фикции в древних правовых системах // История государства и права. 2015. № 14. С. 61–64; *Ишигилов И.Л.* Юридические фикции и презумпции на разных стадиях правового регулирования // История государства и права. 2009. № 21. С. 41–44.

² См., например: *Кузнецова О.А.* Фикции в гражданском праве // Цивилист. 2005. № 4. С. 311; *Паничкин В.Б.* Фикции и презумпции как прием юридической техники при наследовании и правовые парадоксы как их результат: сравнительный анализ российского и общего права // Наследственное право. 2021. № 1. С. 12–16; *Уруков В.Н.* Правовые последствия отмены завещания по нотариальному распоряжению завещателя как юридическая фикция // Нотариус. 2016. № 4. С. 23–25.

³ См., например: *Зайцев И.* Правовые фикции в гражданском процессе // Российская юстиция. 1997. № 1. С. 35–36.

⁴ См., например: *Филимонова И.В.* Понятие фикции в правовой науке: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты // Адвокатская практика. 2007. № 4.

⁵ См., например: *Пилипенко А.А.* Налогово-правовая фикция: вопросы научного понимания // Налоги. 2016. № 6. С. 43–46; *Карасева М.В.* Презумпции и фикции в части первой Налогового кодекса РФ // Журнал российского права. 2002. № 9. С. 71–80.

что он действует от имени и в интересах всех кредиторов, а сам таковым не является».

Отдельного научного внимания заслуживает правило, согласно которому «кредитор (кредиторы) не вправе осуществлять свои права и обязанности залогодержателей до момента прекращения договора управления залогом». Это правило, как замечает Р.С. Бевзенко, следует толковать как отступление от общих правил о представительстве, вызванное к жизни сущностью управления залогом: при множественности кредиторов-залогодержателей в отношении одного и того же объекта залога требуется урегулирование возникающих разногласий, что представляется возможным только в случае лишения таких кредиторов юридической возможности самостоятельной реализации принадлежащих им залоговых прав и обязанностей¹. Думается, что это правило «не работает» в том случае, если на стороне управляющего залогом выступает кредитор-залогодержатель: в этой модели ДУЗ он де-юре и де-факто осуществляет свои права и обязанности залогодержателя в отношении себя лично.

Интересно, что в целом норма абз. 4 п. 1 ст. 356 ГК РФ получила положительную оценку со стороны представителей юридического научного сообщества. К примеру, в одном из научно-практических комментариев к ст. 356 ГК РФ обращается внимание на то, что указанная норма права, лишаящая кредиторов-залогодержателей права действовать параллельно с управляющим залогом, уместна в силу того, что, обладая превентивной направленностью, минимизирует имущественные конфликты и обеспечивает прозрачность договорного механизма, особенно в отношении третьих лиц².

¹ *Договорное и обязательственное право (общая часть) постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, О.А. Беляева и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. Электронное издание. Редакция 1.0. 1120 с. (автор комментария к ст. 356 ГК РФ – Р.С. Бевзенко).*

² *Агешкина Н.А., Баринов Н.А., Бевзюк Е.А., Беляев М.А., Бельянская А.Б., Бирюкова Т.А., Вахрушева Ю.Н., Гришина Я.С., Закиров Р.Ю., Кожевников О.А., Копьев А.В., Кухаренко Т.А., Морозов А.П., Морозов С.Ю., Серебренников М.М., Шадрин Е.Г. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября*

Комментируя правила ст. 356 ГК РФ, Р.С. Бевзенко нередко рассуждает о балансе интересов кредиторов-залогодержателей, достигаемых путем профессионализма управляющего залогом. По мнению ученого, фигура управляющего залогом призвана, также минимизировать издержки, которые являются неизбежным следствием ситуации, в которой залогодержатели «действуют не общей волей, а как "лебедь, щука и рак"»¹. Представляется, что баланс интересов сторон трудно достижим, если одна из сторон такой сделки является представителем другой стороны и самого себя. Так, в ситуации, при которой кредитор выступает управляющим залогом, высока вероятность наступления конфликта интересов, в условиях которой такой управляющий залогом просто не в состоянии действовать в интересах всех кредиторов. Это следует квалифицировать в качестве недостатка модели ДУЗ, управляющим по которому выступает кредитор-залогодержатель.

Наличие у управляющего залогом дискреционных полномочий может быть подтверждено следующими аргументами. Как пишет Р.С. Бевзенко, к управляющему залогом предъявляются те же требования, что и к иным лицам, ведущим чужие дела. При этом указанные требования сформулированы максимально абстрактно: управляющий залогом обязан действовать разумно, добросовестно и осмотрительно, охраняя тем самым имущественные интересы «хозяина дела». Эти правила следуют из нормы п. 3 ст. 356 ГК РФ, в рамках которой говорится о наиболее выгодных для кредиторов условиях, на которых должен действовать управляющий залогом. Такое обязательство Р.С. Бевзенко именуется «обязательством по приложению усилий»,

1994 г. N 51-ФЗ (постатейный) // [Электронный ресурс]. Подготовлен для СПС «КонсультантПлюс», 2016 (дата обращения: 28 сентября 2023 г.).

¹ *Договорное и обязательственное право (общая часть) постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, О.А. Беляева и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. Электронное издание. Редакция 1.0. 1120 с. (автор комментария к ст. 356 ГК РФ – Р.С. Бевзенко).*

ненадлежащее исполнение которого влечет право кредитора требовать возмещения убытков, возникших в результате неэффективного управления¹.

Цивилистическая теория «обязательств по приложению усилий» является частью французской научной доктрины, дифференцирующей обязательства на «*obligation de moyens*» (обязательства по приложению усилий) и «*obligation de resultat*» (обязательства по достижению результата)². Итак, под обязательством по приложению усилий, в качестве которого и квалифицировано соответствующее требование, предъявляемое к управляющему залогом, принято понимать обязанность контрагента приложить максимальные старания, задействовав при этом имеющиеся у него знания, способности и профессионализм с целью достижения максимального положительного эффекта от обязательства³. При этом доктрина обязательств по приложению усилий предполагает потенциально допускаемую недостижимость этого максимального положительного эффекта при отсутствии санкций в отношении должника. Однако при этом следует доказать, что несмотря на все приложенные должником максимальные усилия, цель обязательства была не достигнута (или достигнута в меньшем объеме). Отличие обязательства по достижению результата заключается в том, что оно считается исполненным только тогда, когда должник достигнет конкретного результата, оговоренного в условиях соответствующего соглашения. Как видно из смысла приведенных положений соответствующей доктрины, ее прикладное значение находится в увязке с институтом договорной ответственности. Так, в обязательствах по приложению усилий предметом

¹ *Договорное и обязательственное право (общая часть) постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации* / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, О.А. Беляева и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. Электронное издание. Редакция 1.0. 1120 с. (автор комментария к ст. 356 ГК РФ – Р.С. Бевзенко).

² См. об этом: *Акифьева А.А.* Развитие теории о делении обязательств на обязательства по приложению усилий и достижению результата во французской доктрине гражданского права // *Вестник гражданского права*. 2015. № 3. С. 237–278.

³ См. об этом, например: *Морандьер Л.Ж. де ла.* Гражданское право Франции: В 3 т. / Пер. с франц. Е.А. Флейшиц. Т. 2. М.: Иностр. лит., 1960. 728 с.

доказывания со стороны кредитора выступает отсутствие должного прилежания на стороне должника.

Правовой статус кредиторов предполагается идентичным, однако очевидно, что право каждого кредитора на заложенное имущество прямо пропорционально размеру требований этого кредитора, обеспеченных залогом. Это объясняет норму абз. 1 п. 4 ст. 356 ГК РФ, в которой обращается внимание на возникновение долевой собственности на имущество, полученное управляющим залогом в интересах кредиторов, в том числе в результате обращения взыскания на заложенное имущество. Однако законодатель оставляет за сторонами сделки, основанием возникновения которой является ДУЗ, право на иное распределение имущества, полученного управляющим залогом в интересах кредиторов. При этом у каждого кредитора, независимо от других кредиторов, есть субъективное право требования продажи имущества, полученного управляющим залогом в интересах кредиторов.

Важной составляющей управленческого функционала управляющего залогом выступает учетная деятельность, обеспечивающая упорядоченность и предсказуемость соответствующих отношений. В силу новелл абз. 2 и 3 п. 4 ст. 356 ГК РФ, введенных Законом № 528-ФЗ, на управляющего залогом возлагаются следующие учетные обязанности: 1) вести реестр кредиторов, являющихся контрагентами по ДУЗ, с обязательным указанием оснований возникновения таких требований; 2) открыть номинальный счет, бенефициаром по которому числятся кредиторы, предназначенный для зачисления денежных средств, получаемых в ходе исполнения ДУЗ. В отличие от первой из двух перечисленных обязанностей, вторая является диспозитивной: иное может быть предусмотрено ДУЗ.

Абзац 4 п. 4 ст. 356 ГК РФ содержит дополнительное уточнение относительно бенефициаров и соотношения правового статуса управляющего залогом и кредитного управляющего в случае, если заключен договор синдицированного кредита (займа), обеспеченного залогом. Итак, в указанном

случае бенефициарами являются кредиторы. Что касается второго уточнения, то его смысл сводится к дополнительной обязанности управляющего залогом перечислить денежные средства, поступившие на его номинальный счет, на счет кредитного управляющего. Срок осуществления указанной обязанности законом не регламентирован и подлежит уточнению в условиях соответствующего договора.

Законодательство об управлении залогом содержит исчерпывающий перечень оснований для прекращения ДУЗ, который включает в себя три случая: прекращение обеспеченного залогом обязательства; расторжение ДУЗ по решению кредитора (кредиторов) в одностороннем порядке; признание управляющего залогом банкротом. Р.С. Бевзенко пишет о том, что перечень оснований для прекращения ДУЗ не является исчерпывающим, несмотря на то что в норме п. 5 ст. 356 ГК РФ не говорится об «иных» основаниях. По мнению Р.С. Бевзенко, принцип договорной свободы позволяет сторонам соответствующей сделки предусмотреть в конкретном ДУЗ и иные основания для расторжения договора¹. Кроме того, «иные» основания прекращения ДУЗ могут следовать из существа соответствующей сделки. Например, в случае ее заключения на определённый срок, очевидно, что наступление соответствующего срока будет дополнительным основанием для расторжения ДУЗ.

Таким образом, доказано, что несмотря на отсутствие четкой законодательной дифференциации ДУЗ на договорные модели по правовому статусу управляющего залогом, у этих моделей есть видовые отличия. Установлено, что для модели ДУЗ, управляющим по которому выступает кредитор-созалогодержатель, свойственны следующие отличительные признаки: 1) обязательная множественность лиц на стороне кредитора; 2) вопреки правилу абз. 4 п. 1 ст. 356 ГК РФ, кредитор-созалогодержатель,

¹ *Договорное и обязательственное право (общая часть) постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, О.А. Беляева и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. Электронное издание. Редакция 1.0. 1120 с. (автор комментария к ст. 356 ГК РФ – Р.С. Бевзенко).*

выступающий в роли управляющего залогом, сам осуществляет свои права и обязанности залогодержателя в момент действия ДУЗ; 3) вопреки нормам о представительстве, управляющий залогом действует не только в интересах кредиторов, но и в отношении себя лично как представитель самого себя; 4) допустимость безвозмездной природы соответствующей сделки.

Модель ДУЗ, управляющим по которому выступает кредитор-залогодержатель, менее эффективна, чем модель ДУЗ, управляющим по которому выступает третье лицо, поскольку: во-первых, нарушает требования гражданского законодательства о представительстве; во-вторых, не обеспечивает в полной мере реальную возможность действия на наиболее выгодных для кредитора (кредиторов) условиях; в-третьих, вступает в противоречие с доктриной фидуциарных обязанностей, одним из правил которой выступает требование недопущения конфликта интересов. Это предопределяет возможность постановки вопроса об исключении такой модели из норм об управлении залогом.

Заключение

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим основным выводам.

Договор управления залогом может быть рассмотрен через понимание гражданско-правового управления как полномочия, которое реализуется собственником или по его поручению третьим лицом, направленного на сохранение и преумножение объекта управления путем принятия управленческих решений, которые выражаются в ведении своих или чужих дел. Следует нормативно закрепить, что по договору управления залогом управляющий залогом, действуя от имени и в интересах всех кредиторов, заключивших договор, обязуется заключить договор залога с залогодателем и (или) осуществлять все права и обязанности залогодержателя по договору залога, а кредитор (кредиторы) – компенсировать управляющему залогом понесенные им расходы и уплатить ему вознаграждение.

Генезис правовой регламентации договора управления залогом обусловлен базисными экономическими отношениями, демонстрирующими потребность кредиторов в профессиональном и постоянном управлении заложенным имуществом, для этого они делегируют свои права и обязанности залогодержателей управляющему залогом. Для российской правовой практики договорная конструкция управления залогом является сравнительно новой, возникшей лишь в начале XX в. как непоименованная и основывающаяся на свободе участников гражданских правоотношений заключать договоры, как предусмотренные, так и не предусмотренные законом. На нормативном уровне договор управления залогом был упомянут в Концепции развития гражданского законодательства РФ 2009 г. в контексте необходимости его закрепления в гражданском законодательстве по образцу некоторых зарубежных стран. В ГК РФ этот договор был включен лишь в 2013 г., а спустя семь лет, в 2020 г., состоялась последняя по времени реформа данного правового института.

Для цивилистического познания договора управления залогом большое значение имеет правовая доктрина взаимосвязанных договоров, которые возникают между разными участниками имущественного оборота, но имеют единую цель, объект и экономическое содержание. Договор управления залогом взаимосвязан с договором залога и с основным кредитным обязательством.

Договор управления залогом, исходя из действующего гражданского законодательства, может быть дифференцирован на договор, по которому управляющим залогом является кредитор-залогодержатель, и на договор, по которому управляющим залогом является третье лицо.

Несмотря на то что договор управления залогом обладает такими часто встречающимися в предпринимательских договорах признаками, как направленность на оказание услуг, представительский и предпринимательский характер, он занимает самостоятельное место в системе гражданско-правовых договоров. Расположение правовых норм об этом договоре в институте залога в общей части ГК РФ является и с сущностной, и с юридико-технической стороны ошибочным. Нормативное регулирование договора управления залогом должно найти свое место в особенной части ГК РФ среди других договоров, направленных на оказание юридико-фактических услуг путем переноса правил о нем из первой части ГК РФ в его вторую часть и создания новой главы – 53.1 «Договор управления залогом».

Самостоятельность договорной конструкции управления залогом объясняется наличием множества отличительных признаков от смежных гражданско-правовых договоров.

Договор управления залогом следует отличать от договора поручения. Предметом договора управления залогом являются юридические и фактические действия, необходимые для осуществления функции управления в интересах кредиторов, а предметом поручения могут быть только конкретные, четко согласованные в договоре, юридические действия. В связи с этим в договоре управления залогом полномочия управляющего менее

конкретизированы, чем в договоре поручения. Для возникновения полномочий управляющего залогом достаточно договора управления залогом, а для возникновения полномочий поверенного необходимы доверенность и договор поручения, причем отсутствие последнего не влияет на действительность договора поручения. Существенными условиями договора управления залогом являются предмет и срок, а договора поручения только предмет. Управляющий залогом обладает дискреционными полномочиями, тогда как поверенный выполняет указания доверителя.

Договор управления залогом надлежит отличать и от договора простого товарищества. Прежде всего договор управления залогом является двусторонним, а договор простого товарищества – многосторонний. Кредиторы-залогодержатели по договору управления залогом не образуют между собой соединенных вкладов, как это свойственно товарищам по договору простого товарищества. В связи с тем, что правовая природа управления залогом и совместной деятельности различна, то следует отказаться от субсидиарного применения правил о простом товариществе к правам и обязанностям кредиторов-залогодержателей между собой.

Договор управления залогом отличается и от договора доверительного управления имуществом. Объект договора управления залогом является шире, чем перечень имущества, являющегося объектом договора ДУИ с учетом ограничений, введенных судебной практикой. В договоре управления залогом кредитором выступает залогодержатель, а учредителем управления имуществом является собственник имущества. Договор управления залогом может быть представлен двумя договорными моделями в зависимости от правового статуса управляющего залогом, в договоре доверительного управления аналогичная дифференциация объективно невозможна. Управляющим залогом может выступать только индивидуальный предприниматель или коммерческая организация, а доверительным управляющим может быть индивидуальный предприниматель или коммерческая организация, за исключением унитарного предприятия, а в

некоторых случаях – физическое лицо, не являющееся индивидуальным предпринимателем. Договор управления залогом характеризуется прямым представительством, а в договоре доверительного управления имуществом – представительство всегда косвенное. По моменту возникновения прав и обязанностей сторон договора договор управления залогом является консенсуальным, а договор доверительного управления имуществом – реальным. У договора управления залогом всего два существенных условия – предмет и срок, а в договоре доверительного управления стороны должны согласовать состав имущества, наименование выгодоприобретателя, размер и форму вознаграждения управляющего и срок.

При этом договор управления залогом и договор доверительного управления обладают и общими чертами. Они оба направлены на оказание управленческих посреднических услуг, по ним передаются полномочия по управлению имуществом, управляющими по обоим договорам могут быть субъекты предпринимательской деятельности, которые наделяются дискреционными полномочиями. Эти договоры схожи и по выполняемой цели – сохранение и преумножение объекта управления и относятся к числу фидуциарных и возмездных договоров.

Гражданский кодекс РФ позволяет субсидиарно применять к договору управления залогом, управляющим по которому выступает третье лицо, нормы о договоре поручения, хотя этот договор управления залогом имеет большее сходство с признаками договора агентирования. Такой договор управления залогом заключается как при наличии одного кредитора-залогодержателя, так и множественности лиц на этой стороне, он не нарушает гражданско-правовой запрет представлять самого себя, является возмездным. Договор управления залогом, управляющим по которому выступает третье лицо, является в полной мере фидуциарным и к управляющему залогом предъявляются соответствующие требования лояльности к принципалу, добросовестности и недопущения конфликта интересов.

Другая модель договора управления залогом – договор, управляющим по которому выступает кредитор-созалогодержатель, отличается тем, что на стороне кредитора всегда есть множественность лиц, кредитор-созалогодержатель, являющийся одновременно и управляющим залогом, реализует и свои права и обязанности залогодержателя (в нарушение абз. 4 п. 1 ст. 356 ГК РФ), управляющий залогом действует не только в интересах кредиторов, но и в отношении себя лично как представитель самого себя, что нарушает правила о представительстве. Такой договор может быть как возмездным, так и безвозмездным.

На наш взгляд, нормативно следует сохранить только первую модель управления залогом (по которому управляющим выступает третье лицо), поскольку вторая модель (по которому выступает кредитор-созалогодержатель) не соответствует требованиям гражданского законодательства о представительстве, потенциально допускает конфликт интересов кредиторов, не обеспечивает реальную возможность действия на наиболее выгодных для кредиторов условиях.

Список использованных источников и литературы

Нормативные правовые акты и иные нормативные материалы

1. *Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая* от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 24.07.2023г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. № 32, ст. 3301.
2. *Гражданский кодекс Российской Федерации, часть вторая* от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 24.07.2023г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 января 1996 г. № 5, ст. 410.
3. *О внесении изменений в Федеральный закон «О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Федеральный закон* от 22 декабря 2020 г. № 447-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru> (дата опубликования: 22 декабря 2020 г.).
4. *О внесении изменений в статью 356 части первой и статью 860.1 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон* РФ от 30 декабря 2020 г. № 528-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru> (дата опубликования: 30 декабря 2020 г.).
5. *О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон* РФ от 31 декабря 2017 г. № 486-ФЗ (ред. от 22.12.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru> (дата опубликования: 22 декабря 2020 г.).
6. *О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: Федеральный закон* РФ от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ (ред. от 26.07.2017) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru> (дата опубликования: 23 декабря 2013 г.).
7. *О клиринге, клиринговой деятельности и центральном контрагенте: Федеральный закон* от 07 февраля 2011 г. № 7-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 14.02.2011. № 7. Ст. 904.
8. *Об инвестировании средств для финансирования накопительной пенсии в Российской Федерации: Федеральный закон* от 24 июля 2002 г. № 111-ФЗ (ред. от 28.02.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru> (дата опубликования: 21 ноября 2022 г.).
9. *Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон* от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru> (дата опубликования: 24 июля 2023 г.).

10. *Об инвестиционных фондах*: Федеральный закон РФ от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ (ред. от 27.01.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru> (дата опубликования: 27 января 2023 г.).

11. *О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих*: Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru> (дата опубликования: 28 апреля 2023 г.).

12. *Об ипотечных ценных бумагах*: Федеральный закон РФ от 11 ноября 2003 г. № 152-ФЗ (ред. от 20.10.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru> (дата опубликования: 20 октября 2022 г.).

13. *Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации*: Федеральный закон РФ от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ (ред. от 28.02.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru> (дата опубликования: 21 ноября 2022 г.).

14. *О негосударственных пенсионных фондах*: Федеральный закон РФ от 07 мая 1998 г. № 75-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru> (дата опубликования: 04 августа 2023 г.).

15. *О рынке ценных бумаг*: Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru> (дата опубликования: 4 августа 2023 г.).

16. *О банках и банковской деятельности*: Федеральный закон РФ от 02 декабря 1990 г. № 395-1 (ред. от 04.08.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru> (дата опубликования: 4 августа 2023 г.).

17. *О программе «Фабрика проектного финансирования»*: Постановление Правительства РФ от 15 февраля 2018 г. № 158 (ред. от 10.05.2023) (вместе с «Правилами предоставления субсидий из федерального бюджета в виде имущественного взноса Российской Федерации в государственную корпорацию развития "ВЭБ.РФ" на возмещение расходов в связи с предоставлением кредитов и займов в рамках реализации механизма "фабрики" проектного финансирования») // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru> (дата опубликования: 20 мая 2023 г.).

18. *Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Учет договоров строительного подряда»* (ПБУ 2/2008): Приказ Минфина России от 24 октября 2008 г. № 116н (Зарегистрировано в Минюсте России 24 ноября 2008 г. № 12717) (ред. от 27.11.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru> (дата опубликования: 16 февраля 2021 г.).

19. *Об особенностях осуществления государственного антимонопольного контроля за экономической концентрацией*: Разъяснение

ФАС России от 11 июня 2021 г. № 19 (утв. протоколом Президиума ФАС России от 11 июня 2021 г. № 3) // [Электронный ресурс]. URL: <https://fas.gov.ru> (дата опубликования: 23 июня 2021 г.).

20. *О документе* Комитета по платежным и расчетным системам «Принципы для инфраструктур финансового рынка»: Письмо Банка России от 29 июня 2012 г. № 94-Т // Вестник Банка России. № 38–39. 17 июля 2012 г.

21. *Пояснительная* записка «К проекту федерального закона "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части сделок по синдицированному кредиту)"» // [Электронный ресурс]. Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте: <http://asozd.duma.gov.ru/> (дата опубликования: 21 июня 2017 г.).

22. *Пояснительная* записка «К проекту Федерального закона "О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации"» // Документ опубликован не был. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13 августа 2023 г.).

23. *О договорах* потребительского кредитования и отмене Директивы Совета ЕС 87/102/ЕЭС: Директива № 2008/48/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза (вместе с Европейскими стандартами информации в отношении овердрафта, потребительского кредита, предлагаемого определенными организациями (параграф 5 статьи 2), долгового преобразования) (принята в г. Страсбурге 23 апреля 2008 г.) // [Электронный ресурс]. URL: <http://eur-lex.europa.eu> (дата обращения: 14 августа 2023 г.).

24. *Модельные* правила европейского частного права / Пер. с англ.; Науч. ред. Н.Ю. Рассказова. М.: Статут, 2013. 989 с.

25. *Концепция* развития гражданского законодательства Российской Федерации: одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07 октября 2009 г. / [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13 августа 2023 г.).

26. *О внесении* изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации: Проект Федерального закона № 808193-7 (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 08 октября 2019 г.) // Документ опубликован не был. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13 августа 2023 г.).

27. *О внесении* изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Проект Федерального закона № 47538-6 (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27 апреля 2012 г.) // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28 сентября 2023 г.).

28. *О потребительском кредитовании*: Проект Федерального закона № 136312-5 (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 18 ноября 2010 г.) // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14 августа 2023 г.).

29. *Об обязательных нормативах банков*: Инструкция Банка России от 03 декабря 2012 г. № 139-И (ред. от 30.05.2014) (Зарегистрировано в Минюсте России 13 декабря 2012 г. № 26104) // Вестник Банка России. № 74. 21 дек. 2012 г. (документ утратил силу).

30. *Примерный устав сельскохозяйственной артели*: утв. СНК СССР, ЦК ВКП(б) 17 февраля 1935 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 44. 18.02.1935 (документ утратил силу).

31. *О Примерном Уставе колхоза*: Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 28 ноября 1969 г. № 910 // СП СССР. 1969. № 26. Ст. 150 (документ утратил силу).

Материалы судебной практики

1. *О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица*: Постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 // Солидарность. № 31. 28.08-04.09.2013.

2. *Постановление Президиума ВАС РФ от 25 января 2011 г. № 11774/10 по делу № А57-24457/09* // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27 сентября 2023 г.).

3. *Постановление Президиума ВАС РФ от 17 декабря 2002 г. № 5861/02 по делу № А56-32315/01* // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).

4. *Определение Верховного Суда РФ от 18 сентября 2023 г. № 310-ЭС23-15983 по делу № А84-478/2020* // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КлонсультантПлюс» (дата обращения: 26 сентября 2023 г.).

5. *Определение Верховного Суда РФ от 14 ноября 2022 г. № 305-ЭС22-19746 по делу № А40-100660/2021* // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КлонсультантПлюс» (дата обращения: 26 сентября 2023 г.).

6. *Определение Верховного Суда РФ от 28 июля 2021 г. № 309-ЭС21-11925 по делу № А07-20334/2019* // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КлонсультантПлюс» (дата обращения: 26 сентября 2023 г.).

7. *Определение Верховного Суда РФ от 08 июня 2021 г. № 305-ЭС21-9270 по делу № А40-21111/2020* // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КлонсультантПлюс» (дата обращения: 26 сентября 2023 г.).

8. *Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 04 апреля 2016 г. № 306-ЭС15-8369 по делу № А55-26194/2013* // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КлонсультантПлюс» (дата обращения: 26 сентября 2023 г.).

9. *Определение* Верховного Суда РФ от 01 июля 2019 г. № 306-ЭС18-11555 по делу № А12-10022/2017 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КлонсультантПлюс» (дата обращения: 26 сентября 2023 г.).
10. *Определение* Верховного Суда РФ от 26 ноября 2018 г. № 308-ЭС18-8991 по делу № А53-19740/2017 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27 сентября 2023 г.).
11. *Определение* ВАС РФ от 11 апреля 2013 г. № ВАС-3428/13 по делу № А65-17430/2012 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14 сентября 2023 г.).
12. *Определение* ВАС РФ от 15 апреля 2013 г. № ВАС-3637/13 по делу № А19-13741/2011 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26 сентября 2023 г.).
13. *Определение* ВАС РФ от 14 февраля 2013 г. № ВАС-481/13 по делу № А40-42165/12-125-179 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14 сентября 2023 г.).
14. *Определение* ВАС РФ от 28 ноября 2013 г. № ВАС-17299/13 по делу № А56-47233/2012 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28 сентября 2023 г.).
15. *Определение* ВАС РФ от 20 сентября 2012 г. № ВАС-11614/12 по делу № А45-4566/2011 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28 сентября 2023 г.).
16. *Определение* ВАС РФ от 21 марта 2012 г. № ВАС-17519/11 по делу № А45-19833/2010 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28 сентября 2023 г.).
17. *Определение* ВАС РФ от 16 апреля 2012 г. № ВАС-3817/12 по делу № А40-65876/11-137-95 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19 сентября 2023 г.).
18. *Определение* ВАС РФ от 14 апреля 2011 г. № ВАС-3934/11 по делу № А53-22853/2009 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).
19. *Определение* ВАС РФ от 20 апреля 2011 г. № ВАС-4093/11 по делу № А08-1411/2010-19 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).
20. *Определение* ВАС РФ от 11 февраля 2010 г. № ВАС-17481/09 по делу № А40-19100/08-155-125 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23 сентября 2023 г.).
21. *Определение* ВАС РФ от 29 августа 2007 г. № 10448/07 по делу № А03-13185/06-35 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).
22. *Определение* ВАС РФ от 03 апреля 2008 г. № 3857/08 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).

23. *Постановление* ФАС Московского округа от 16 ноября 2011 г. по делу № А40-22155/11-34-193 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14 августа 2023 г.).
24. *Постановление* ФАС Поволжского округа от 26 мая 2010 г. по делу № А57-9906/2009 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24 августа 2023 г.).
25. *Постановление* ФАС Уральского округа от 21 января 2009 г. № Ф09-10326/08-С4 по делу № А60-12068/2008-С11 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24 августа 2023 г.).
26. *Постановление* ФАС Северо-Западного округа от 21 декабря 2007 г. по делу № А56-7060/2007 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24 августа 2023 г.).
27. *Постановление* ФАС Восточно-Сибирского округа от 19 апреля 2006 г. № А58-2955/05-Ф02-1126/06-С1 по делу № А58-2955/05 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24 августа 2023 г.).
28. *Постановление* ФАС Западно-Сибирского округа от 10.01.2006 № Ф04-9422/2005(18462-А81-13) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24 августа 2023 г.).
29. *Постановление* ФАС Московского округа от 06 сентября 2013 г. по делу № А40-71030/12-108-57 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13 сентября 2023 г.).
30. *Постановление* ФАС Московского округа от 11 сентября 2012 г. по делу № А40-98646/11-99-438 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13 сентября 2023 г.).
31. *Постановление* Арбитражного суда Московского округа от 30 июня 2015 г. № Ф05-7266/2015 по делу № А40-65624/2014 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13 сентября 2023 г.).
32. *Постановление* Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 03 октября 2019 г. по делу № А03-2172/2017 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13 сентября 2023 г.). .
33. *Постановление* Арбитражного суда Московского округа от 02 марта 2023 г. № Ф05-391/2023 по делу № А40-247421/2021 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13 сентября 2023 г.).
34. *Постановление* ФАС Восточно-Сибирского округа от 05 августа 2005 г. № А58-2696/04-Ф02-3699/05-С2 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).
35. *Постановление* ФАС Поволжского округа от 31 января 2011 г. по делу № А06-2296/2010 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).

36. *Постановление* ФАС Поволжского округа от 26 августа 2008 г. по делу № А72-7894/2007 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).
37. *Постановление* ФАС Уральского округа от 24 июня 2013 г. № Ф09-4718/13 по делу № А60-38808/2012 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).
38. *Постановление* ФАС Восточно-Сибирского округа от 19 января 2006 г. № А10-2661/05-Ф02-6864/05-С2 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).
39. *Постановление* ФАС Северо-Западного округа от 27 декабря 2006 г. по делу № А13-14089/2005-06. 25 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).
40. *Постановление* ФАС Московского округа от 20 февраля 2006 г. № КГ-А40/641-06) // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).
41. *Постановление* ФАС Московского округа от 25 октября 2007 г. № КГ-А40/9295-07 по делу № А40-59636/06-73-1118 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).
42. *Постановление* ФАС Волго-Вятского округа от 01 августа 2008 г. по делу № А28-7678/2007-201/17 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).
43. *Постановление* ФАС Западно-Сибирского округа от 05 сентября 2006 г. № Ф04-5705/2006(26066-А45-16) по делу № А45-26336/05-1/698 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).
44. *Постановление* ФАС Поволжского округа от 09 октября 2007 г. по делу № А65-3651/2007-СГЗ-25 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).
45. *Постановление* ФАС Северо-Западного округа от 16 октября 2006 г. по делу № А66-14337/2005; *Постановление* от 16 октября 2006 г. по делу № А66-14336/2005 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).
46. *Постановление* ФАС Уральского округа от 23 ноября 2006 г. № Ф09-10649/06-С4 по делу № А71-2601/06-Г7 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).
47. *Постановление* ФАС Уральского округа от 16 февраля 2006 г. № Ф09-597/06-С4 по делу № А50-32095/2005 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).
48. *Постановление* ФАС Восточно-Сибирского округа от 19 апреля 2006 г. № А58-2955/05-Ф02-1126/06-С1 по делу № А58-2955/05 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).

49. *Постановление* ФАС Дальневосточного округа от 12 мая 2009 г. № Ф03-1651/2009 по делу № А04-5568/2008 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).
50. *Постановление* ФАС Дальневосточного округа от 20 ноября 2007 г. № Ф03-А37/07-1/4247 по делу № А37-2531/06-12 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).
51. *Постановление* ФАС Дальневосточного округа от 20 ноября 2007 г. № Ф03-А37/07-1/4245 по делу № А37-2532/06-13 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).
52. *Постановление* ФАС Западно-Сибирского округа от 10 января 2006 г. № Ф04-9422/2005(18462-А81-13) // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).
53. *Постановление* ФАС Поволжского округа от 26 мая 2010 г. по делу № А57-9906/2009 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).
54. *Постановление* ФАС Северо-Западного округа от 21 декабря 2007 г. по делу № А56-7060/2007 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).
55. *Постановление* ФАС Уральского округа от 21 января 2009 г. № Ф09-10326/08-С4 по делу № А60-12068/2008-С11 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).
56. *Постановление* ФАС Волго-Вятского округа от 26 сентября 2007 г. по делу № А29-8614/2006-2э // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).
57. *Постановление* Арбитражного суда Северо-Западного округа от 16 февраля 2018 г. № Ф07-16769/2017 по делу № А56-86091/2016 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).
58. *Постановление* Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 03 мая 2017 г. № Ф08-1346/2017 по делу № А32-7003/2016 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).
59. *Постановление* ФАС Центрального округа от 09 марта 2010 г. № Ф10-2147/09(2) по делу № А54-2806/2008-С22 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).
60. *Постановление* Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 01 октября 2010 г. № 15АП-2006/2010 по делу № А53-22853/2009 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).
61. *Постановление* ФАС Дальневосточного округа от 17 марта 2008 г. № Ф03-А24/08-1/649 по делу № А24-1805/07-09 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).

62. *Постановление* ФАС Северо-Западного округа от 09 февраля 2012 г. по делу № А66-2612/2011 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).

63. *Постановление* Арбитражного суда Московского округа от 22 мая 2017 г. № Ф05-5734/2017 по делу № А40-174033/2016 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).

64. *Постановление* ФАС Поволжского округа от 20 июля 2006 г. по делу № А55-15492/04-42 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).

65. *Постановление* Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 03 сентября 2015 г. № Ф04-21773/2015 по делу № А27-15050/2014 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).

66. *Постановление* ФАС Центрального округа от 14 января 2011 г. по делу № А08-1411/2010/19 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).

67. *Постановление* ФАС Северо-Западного округа от 24 января 2005 г. по делу № А56-21027/04 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).

68. *Постановление* ФАС Дальневосточного округа от 25 июля 2008 г. № Ф03-А73/08-1/2812 по делу № А73-13498/2007-86 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).

69. *Постановление* ФАС Московского округа от 09 августа 2010 г. № КГ-А40/8093-10 по делу № А40-139038/09-47-947 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).

70. *Постановление* Арбитражного суда Поволжского округа от 20 мая 2015 г. № Ф06-23639/2015 по делу № А65-19021/2014 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).

71. *Постановление* ФАС Центрального округа от 30 сентября 2010 г. по делу № А54-5335/2009 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21 сентября 2023 г.).

72. *Постановление* ФАС Уральского округа от 06 декабря 2007 г. № Ф09-10153/07-С1 по делу № А60-7169/07 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21 сентября 2023 г.).

73. *Постановление* ФАС Западно-Сибирского округа от 04 декабря 2007 г. № Ф04-4363/2007(40424-А03-30), Ф04-4363/2007(40376-А03-30) по делу № А03-13030/2006-4 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19 сентября 2023 г.).

74. *Постановление* ФАС Западно-Сибирского округа от 10 июля 2007 г. № Ф04-4363/2007(35794-А03-13) по делу № А03-13030/2006-4 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19 сентября 2023 г.).

75. *Постановление* ФАС Поволжского округа от 24 января 2008 г. по делу № А49-2407/06-84/24 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19 сентября 2023 г.).

76. *Постановление* ФАС Уральского округа от 11 апреля 2007 г. № Ф09-2494/07-С6 по делу № А50-17268/2006 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19 сентября 2023 г.).

77. *Постановление* ФАС Уральского округа от 08 декабря 2009 г. № Ф09-9801/09-С5 по делу № А60-15216/2009-С3 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14 сентября 2023 г.).

78. *Постановление* ФАС Центрального округа от 13 мая 2005 г. по делу № А09-1266/04-2-7 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14 сентября 2023 г.).

79. *Постановление* Арбитражного суда Уральского округа от 08 сентября 2021 г. № Ф09-6353/21 по делу № А60-50961/2020 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14 сентября 2023 г.).

80. *Постановление* ФАС Восточно-Сибирского округа от 22 октября 2003 г. № А58-6522/02-Ф02-2972/03-С2 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14 сентября 2023 г.).

81. *Постановление* ФАС Восточно-Сибирского округа от 26 июня 2003 г. № А33-01513/03-С1-Ф02-1972/03-С2 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14 сентября 2023 г.).

82. *Постановление* ФАС Московского округа от 30 марта 2004 г. № КГ-А40/1983-04 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14 сентября 2023 г.).

83. *Постановление* Арбитражного суда Северо-Западного округа от 10 июня 2019 г. № Ф07-5630/2019 по делу № А05П-575/2018 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14 сентября 2023 г.).

84. *Постановление* ФАС Уральского округа от 31 августа 2004 г. № Ф09-2836/2004-ГК по делу № А50-35106/2003 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14 сентября 2023 г.).

85. *Постановление* ФАС Уральского округа от 24 мая 2004 г. № Ф09-1493/04-ГК по делу № А50-31648/2003 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14 сентября 2023 г.).

86. *Постановление* ФАС Московского округа от 17 февраля 2014 г. № Ф05-790/2014 по делу № А41-37355/12 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14 сентября 2023 г.).

87. *Постановление* ФАС Московского округа от 10 июля 2013 г. по делу № А40-103293/12-129-735 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14 сентября 2023 г.).

88. *Постановление* ФАС Московского округа от 10 июля 2013 г. по делу № А41-43430/12 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14 сентября 2023 г.).

89. *Постановление* ФАС Московского округа от 30 мая 2013 г. по делу № А40-118645/12-109-358 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14 сентября 2023 г.).
90. *Постановление* ФАС Московского округа от 15 мая 2013 г. по делу № А41-42712/12 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14 сентября 2023 г.).
91. *Постановление* ФАС Московского округа от 14 мая 2013 г. по делу № А40-42174/12-34-342 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14 сентября 2023 г.).
92. *Постановление* ФАС Московского округа от 26 апреля 2013 г. по делу № А40-64473/12-52-588 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14 сентября 2023 г.).
93. *Постановление* ФАС Московского округа от 27 марта 2013 г. по делу № А40-63884/12-50-652 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14 сентября 2023 г.).
94. *Постановление* ФАС Московского округа от 22 марта 2013 г. по делу № А40-71575/12-23-656 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14 сентября 2023 г.).
95. *Постановление* ФАС Московского округа от 26 октября 2012 г. по делу № А40-42165/12-125-179 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14 сентября 2023 г.).
96. *Постановление* ФАС Поволжского округа от 27 февраля 2013 г. по делу № А65-17430/2012 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14 сентября 2023 г.).
97. *Постановление* ФАС Поволжского округа от 15 апреля 2009 г. по делу № А65-11349/2008 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19 сентября 2023 г.).
98. *Постановление* ФАС Уральского округа от 13 октября 2004 г. № Ф09-3388/04-ГК по делу № А07-8875/04-Г-ШЗФ // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19 сентября 2023 г.).
99. *Постановление* ФАС Уральского округа от 26 января 2009 г. № Ф09-10546/08-С6 по делу № А50-6749/2008 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19 сентября 2023 г.).
100. *Постановление* ФАС Московского округа от 23 сентября 2011 г. по делу № А40-35066/10-1-202 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19 сентября 2023 г.).
101. *Постановление* ФАС Уральского округа от 01 октября 2008 г. № Ф09-6900/08-С4 по делу № А76-1465/2008-24-185 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19 сентября 2023 г.).
102. *Постановление* ФАС Восточно-Сибирского округа от 02 марта 2012 г. по делу № А33-18743/2010 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19 сентября 2023 г.).

103. *Постановление* ФАС Московского округа от 27 февраля 2012 г. по делу № А40-65876/11-137-95 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21 сентября 2023 г.).

104. *Постановление* Арбитражного суда Центрального округа от 16 февраля 2023 г. № Ф10-5775/2022 по делу № А36-4354/2021 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23 сентября 2023 г.).

105. *Постановление* ФАС Дальневосточного округа от 21 января 2003г. № Ф03-А73/02-1/2903 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23 сентября 2023г.).

106. *Постановление* ФАС Западно-Сибирского округа от 24 февраля 2012 г. по делу № А02-270/2011 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02 октября 2023 г.).

107. *Постановление* ФАС Дальневосточного округа от 07 декабря 2010 г. № Ф03-2352/2010 по делу № А37-1636/2008 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26 сентября 2023 г.).

108. *Постановление* ФАС Западно-Сибирского округа от 10 июня 2003 г. № Ф04/2645-668/А46-2003 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26 сентября 2023 г.).

109. *Постановление* ФАС Московского округа от 21 февраля 2013 г. по делу № А41-46690/11 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26 сентября 2023 г.).

110. *Постановление* ФАС Северо-Кавказского округа от 07 апреля 2006 г. № Ф08-1190/2006 по делу № А53-1757/2003-С3-40 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26 сентября 2023 г.).

111. *Постановление* ФАС Северо-Кавказского округа от 01 декабря 2003 г. № Ф08-4500/2003 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26 сентября 2023 г.).

112. *Постановление* Арбитражного суда Московского округа от 30 июля 2018 г. № Ф05-1912/2018 по делу № А40-131849/2016 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26 сентября 2023 г.).

113. *Постановление* ФАС Северо-Западного округа от 10 февраля 2009 г. по делу № А56-46148/2007 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26 сентября 2023 г.).

114. *Постановление* ФАС Волго-Вятского округа от 19 апреля 2010 г. по делу № А82-3523/2009-7 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26 сентября 2023 г.).

115. *Постановление* ФАС Уральского округа от 31 августа 2010 г. № Ф09-6791/10-С5 по делу № А60-62895/2009-С1 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26 сентября 2023 г.).

116. *Постановление* ФАС Волго-Вятского округа от 13 сентября 2011 г. по делу № А29-9246/2010 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26 сентября 2023 г.).
117. *Постановление* ФАС Северо-Кавказского округа от 19 апреля 2005 г. № Ф08-1395/2005 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26 сентября 2023 г.).
118. *Постановление* Президиума ВАС РФ от 18 мая 1999 г. № 073/98 по делу № А40-9311/98-55-54 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26 сентября 2023 г.).
119. *Постановление* ФАС Поволжского округа от 25 января 2005 г. № А55-6685/2004-42 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26 сентября 2023 г.).
120. *Постановление* ФАС Уральского округа от 02 мая 2006 г. № Ф09-3252/06-С3 по делу № А50-19308/2005 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26 сентября 2023 г.).
121. *Постановление* ФАС Западно-Сибирского округа от 09 сентября 2010 г. по делу № А27-3418/2010 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26 сентября 2023 г.).
122. *Постановление* ФАС Поволжского округа от 28 марта 2012 г. по делу № А55-6985/2011 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26 сентября 2023 г.).
123. *Постановление* ФАС Западно-Сибирского округа от 15 сентября 2011 г. по делу А45-19833/2010 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28 сентября 2023 г.).
124. *Постановление* Четвертого арбитражного апелляционного суда от 03 июня 2019 г. по делу № А19-11558/2016 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13 сентября 2023 г.).
125. *Постановление* Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 мая 2019 г. по делу № А53-35707/2017 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13 сентября 2023 г.).
126. *Постановление* Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 01 октября 2010 г. № 15АП-2006/2010 по делу № А53-22853/2009 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).
127. *Определение* Свердловского областного суда от 15 июня 2006 г. по делу № 33-4190/2006 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 сентября 2023 г.).
128. *Рекомендации* Научно-консультативного совета при Федеральном арбитражном суде Уральского округа № 1/2007«По вопросам рассмотрения дел о защите права собственности и других вещных прав»: по итогам заседания, состоявшегося 23–24 мая 2007 г. в г. Ижевске (с изм. от 20.09.2019) // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23 сентября 2023 г.).

1. *Агарков М.М.* Обязательство по советскому гражданскому праву. М.: Статут, 2002. 283 с.
2. *Агешкина Н.А., Баринов Н.А., Бевзюк Е.А., Беляев М.А., Бельянская А.Б., Бирюкова Т.А., Вахрушева Ю.Н., Гришина Я.С., Закиров Р.Ю., Кожевников О.А., Копьев А.В., Кухаренко Т.А., Морозов А.П., Морозов С.Ю., Серебренников М.М., Шадрин Е.Г.* Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (постатейный) // [Электронный ресурс]. Подготовлен для СПС «КонсультантПлюс», 2016 (дата обращения: 28 сентября 2023 г.).
3. *Антимонов Б.С.* Основания договорной ответственности социалистических организаций. М.: Госюриздат, 1962. 175 с.
4. *Атаманчук Г.В.* Теория государственного управления: курс лекций. М.: Юрид. лит., 1997. 398 с.
5. *Атаманчук Г.В.* Управление: сущность, ценность, эффективность: Учеб. пособие. М.: Академический проект, 2006. 542 с.
6. *Баринов Н.А.* Услуги: (социально-правовой аспект): монография. Саратов: Стилос, 2001. 348 с.
7. *Белов В.А.* Гражданское право. Общая и Особенная части: Учебник. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. 960 с.
8. *Белов В.А.* Что изменилось в Гражданском кодексе?: практич. пособие. М.: Юрайт, 2014. 183 с.
9. *Беневоленская З.Э.* Доверительное управление имуществом в сфере предпринимательства. М.: Волтерс Клувер, 2005. 303 с.
10. *Берг А.И.* Кибернетика – наука об оптимальном управлении. М.: Энергия, 1964. 64 с.
11. *Борисов А.Н., Ушаков А.А., Чуев В.Н.* Комментарий к разделу III «Общая часть обязательственного права» части первой Гражданского кодекса РФ (главы 21–29) (постатейный) // [Электронный ресурс]. Подготовлен для СПС «КонсультантПлюс», 2015 (дата обращения: 28 сентября 2023 г.).
12. *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право: В 5 кн. М., 2002. Кн. 3: Договоры о выполнении работ и об оказании услуг. 1055 с.
13. *Братусь С.Н.* Предмет и система советского гражданского права. М.: Госюриздат, 1963. 300 с.
14. *Бурганова Л.А.* Теория управления: учеб. пособие. М.: Инфра-М, 2009. 137 с.
15. *Вавин Н.Г., Вормс А.Э.* Товарищества простое, полное и на вере: Научно-практический комментарий к ст.ст. 276–317 Гражданских кодексов РСФСР и УССР. 2-е изд., испр. и доп. М.: Кооперативное издательское т-во «Право и Жизнь», 1928. 194 с.
16. *Витрянский В.В.* Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2016. 431 с.

17. *Габов А.В.* Общества с ограниченной и дополнительной ответственностью в российском законодательстве. М.: Статут, 2010. 253 с.
18. *Габов А.В.* Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования. М.: Статут, 2005. 412 с.
19. *Гвишиани Д.М.* Организация и управление производством. М.: Наука, 1971. 331 с.
20. *Гонгало Б.М.* Развитие кодификации законодательства о залоге: трансформация понятий // Кодификация российского частного права 2019 / В.В. Витрянский, С.Ю. Головина, Б.М. Гонгало и др.; под ред. Д.А. Медведева. М.: Статут, 2019. 492 с.
21. *Голевинский В.* О происхождении и делении обязательства. Варшава, 1872. 302 с.
22. *Государственное управление: основы теории и организации:* учебник. В 2 т. / под ред. В.А. Козбаненко. М.: Статут, 2002. Т. 1. 592 с.
23. *Граждан В.Д.* Теория управления: учеб. пособие. М.: Гардарики, 2007. 415 с.
24. *Гражданский кодекс Российской Федерации: Залог. Перемена лиц в обязательстве. Постатейный комментарий к § 3 главы 23 и главе 24 / под ред. П.В. Крашенинникова.* М.: Статут, 2014. 268 с.
25. *Гражданское право / под ред. Е.А. Суханова.* М., 2003. Т. 2. Полумтом 2. 773 с.
26. *Гражданское право. Часть первая: Учебник / отв. ред. В.П. Мозолин, А.И. Масляев.* М.: Проспект, 2005. 963 с.
27. *Гражданское право: учебник: в 2 т. / О.Г. Алексеева, Е.Р. Аминов, М.В. Бандо и др.; под ред. Б.М. Гонгало.* М.: Статут, 2016. Т. 2. 528 с.
28. *Гришаев С.П., Богачева Т.В., Свит Ю.П.* Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс», 2019.
29. *Гутников О.В.* Управленческие договоры в гражданском праве // Договор как общеправовая ценность: Монография. М.: ИЗИСП, Статут, 2018. 381 с.
30. *Договорное и обязательственное право (общая часть) постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, О.А. Беляева и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов.* М.: М-Логос, 2017. Электронное издание. Редакция 1.0. 1120 с. (автор комментария к ст. 356 ГК РФ – Р.С. Бевзенко).
31. *Дорохина Е.Г.* Правовое регулирование управления в системе банкротства // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс», 2009 (дата обращения: 18 августа 2023 г.).
32. *Дювернуа Н.Л.* Основная форма корреального обязательства. Историко-юридическое и критическое исследование по римскому праву. Ярославль: Тип. Губ. правл., 1874. 272 с.

33. *Здравомыслов А.Г.* Проблема интереса в социологической теории. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1964. 74 с.
34. *Иеринг Р.* Цель в праве. СПб.: Н.В. Муравьев, 1881. 412 с.
35. *Иоффе О.С.* Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М.: Статут, 2009. 780 с.
36. *Калмыков Ю.Х.* Избранное: тр., ст., выступления. М.: Статут, 1998. 312 с.
37. *Карпетов А.Г.* Приостановление исполнения обязательства как способ защиты прав кредитора. М.: Статут, 2011. 239 с.
38. *Киселева А.В., Нестеренко А.В.* Теория федерализма. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. 304 с.
39. *Клейн Н.И.* Организация договорно-хозяйственных связей. М.: Юрид. лит., 1976. 190 с.
40. *Коляго В.С.* Услуга как экономическая категория. М.: Депон. ИНИОН, 1983. 20 с.
41. *Комиссарова Е.Г.* Единство и дифференциация в системе гражданско-правовых договоров // [Электронный ресурс]. Подготовлен для СПС «КонсультантПлюс», 2019 (дата обращения: 14 сентября 2023 г.).
42. *Концепция частного и публичного права: Коллективная монография / под ред. В.И. Иванова, Ю.С. Харитоновой.* М.: Юнити-Дана, 2013. 175 с.
43. *Круглова Н.Ю.* Хозяйственное право: учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2013. 604 с.
44. *Кулаков В.В.* Обязательство и осложнения его структуры в гражданском праве России. М.: Волтерс Клувер, 2010. 238 с.
45. *Лебедев А.Н.* Статус субъекта Российской Федерации: основы концепции, конституционная модель, практика. М.: Ин-т государства и права РАН, 1999. 197 с.
46. *Малин А.С., Мухин В.И.* Исследование систем управления: учебник. М.: Издат. дом ГУ ВШЭ, 2005. 397 с.
47. *Мананкова Р.П.* Правоотношения общей долевой собственности граждан по советскому законодательству. Томск, 1977. 214 с.
48. *Марков М.* Социализм и управление. М.: Экономика, 1973. 207 с.
49. *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. Т. 23: Капитал. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала: Критика политической экономии. М.: Госполитиздат, 1960. 907 с.
50. *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. Т. 25. Ч. 1 Капитал. Т. 2. Кн. 2. Процесс обращения капитала: Критика политической экономии. М. Госполитиздат, 1961. 648 с.
51. *Мейер Д.И.* Русское гражданское право: В 2 ч. Ч. 2. М.: Статут, 1997. 455 с.
52. *Морандьер Л.Ж. де ла.* Гражданское право Франции: В 3 т. / Пер. с франц. Е.А. Флейшиц. Т. 2. М.: Иностр. лит., 1960. 728 с.

53. *Морозов С.Ю.* Система транспортных организационных договоров. М.: Норма, 2011. 352 с.
54. *Настольная книга нотариуса: в 4 т. / Е.А. Белянская, Р.Б. Брюхов, Б.М. Гонгало и др.; под ред. И.Г. Медведева.* М.: Статут, 2015. Т. 2: Правила совершения отдельных видов нотариальных действий. 638 с. (автор гл. 11 – Б.М. Гонгало).
55. *Невзгодина Е.Л.* Представительство по советскому гражданскому праву. Томск: Изд-во Томск. Ун-та, 1980. 156 с.
56. *Нерсесов Н.О.* Понятие добровольного представительства в гражданском праве // Избранные труды по представительству и ценным бумагам в гражданском праве. М.: Статут, 1998. 285 с.
57. *Новик И.Б.* Кибернетика: философские и социологические проблемы. М.: Госполитиздат, 1963. 207 с.
58. *Новицкий И.Б., Луц Л.А.* Общее учение об обязательстве. М.: Гос. изд-во юридической лит., 1950. 416 с.
59. *Овсянко Д.М.* Административное право: Учеб. пособие. 3-е изд. М.: Юристъ, 2000. 468 с.
60. *Советское гражданское право / под ред. О.А. Красавчикова.* М.: Высшая школа, 1972. 544 с.
61. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1986. 729 с.
62. *Ойгензихт В.А.* Мораль и право. Душанбе: Ирфон, 1987. 156 с.
63. *Основы социального управления: Учебное пособие / А.Г. Гладышев, В.Н. Иванов, В.И. Патрушев и др. / под ред. В.Н. Иванова.* М.: Высш. шк., 2001. 271 с.
64. *Пассек В.* Неимущественный интерес в обязательстве. Юрьев: тип. К. Матисена, 1893. 215 с.
65. *Пирожков В.А.* Управленческое решение: учебник. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. эконом. ун-та, 2000. 304 с.
66. *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права: В 3 т. М.: Зерцало, 2003. Т. 3. 608 с.
67. *Попкова Л.А.* Правовая конструкция синдицированного кредита: монография. Москва: Проспект, 2018. 160 с.
68. *Пугинский Б.И., Сафиуллин Д.Н.* Правовая экономика: проблемы становления. М.: Юрид. лит., 1991. 238 с.
69. *Ременников В.Б.* Разработка управленческого решения: учеб. Пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 139 с.
70. *Реформирование гражданского законодательства: общие положения о сделках, обязательствах и договорах: монография / И.З. Аюшеева, И.С. Богданова, Е.С. Болтанова и др.; отв. ред. В.В. Долинская.* Москва: Проспект, 2018. 192 с.
71. *Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г., Ефимова Л.Г.* Частное банковское право: учебник. Москва: Проспект, 2020. 776 с.
72. *Романец Ю.В.* Система договоров в гражданском праве России: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, Инфра-М, 2013. 496 с.

73. *Россинский М.Б.* Сфера услуг в экономике развитого социализма. Саратов: Сарат. гос. ун-т, 1976. 151 с.
74. *Сарбаиш С.В.* Исполнение договорного обязательства. М.: Статут, 2005. 636 с.
75. *Сарбаиш С.В.* Обязательства с множественностью лиц и особенности их исполнения. М.: Статут, 2004. 112 с.
76. *Ситдикова Л.Б.* Правовое регулирование отношений по возмездному оказанию услуг. Набереж. Челны: Изд-во Камс. гос. политехн. ин-та, 2003. 167 с.
77. *Советское гражданское право.* Т. 2 / Под ред. В.А. Рясенцева. М.: Юрид. лит., 1965. 503 с.
78. *Советское гражданское право:* В 2 т. / под ред. В.П. Грибанова, С.М. Корнеева. М.: Юрид. лит., 1979. Т. 1. 512 с.
79. *Старосьцяк Е.* Научные основы государственного управления в СССР. М.: Наука, 1968. 439 с.
80. *Степанов Д.И.* Услуги как объект гражданских прав. М.: Статут, 2005. 348 с.
81. *Суханов Е.А.* Комментарий части второй Гражданского кодекса Российской Федерации для предпринимателей. М.: Фонд Правовая культура, 1996. 445 с.
82. *Суханов Е.А.* Право собственности и иные вещные права. Способы их защиты. М.: Экономика и жизнь, 1996. 131 с.
83. *Сфера услуг: гражданско-правовое регулирование:* Сб. ст. / под ред. Е.А. Суханова, Л.В. Санниковой. М.: Инфотропик Медиа, 2011. 220 с.
84. *Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю.* Юридическая энциклопедия. 5-е изд. / под ред. М.Ю. Тихомирова. М.: Юринформцентр, 2006. 971 с.
85. *Фатхутдинов Р.А.* Управленческое решение: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М., 2002. 314 с.
86. *Харитонов Ю.С.* Управление в гражданском праве: проблемы теории и практики. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 302 с.
87. *Цивадзе Д.Ю.* Управление социалистической экономикой. Экономические и организационно-правовые проблемы. М.: Юрид. лит., 1971. 328 с.
88. *Шерешевский И.В.* Представительство. Поручение и доверенность. М.: Право и жизнь, 1925. 106 с.
89. *Шерстобитов А.Е.* Гражданско-правовое регулирование договорных отношений в сфере обслуживания. М.: Изд-во МГУ, 1987. 99 с.
90. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. М.: Фирма «Спарк», 1995. 556 с.
91. *Шмелев Р.В.* Понятие услуги как предмета договора возмездного оказания услуг. Отличия услуги от работы // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс», 2016 (дата обращения: 22 августа 2023 г.).
92. *Экономика предприятия* / под ред. проф. В.Я. Горфинкеля. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 670 с.

93. *Gregory Jon.* Counterparty credit risk. The new challenge for global financial markets. London: John Wiley & Sons Limited. 450 p.
94. *Penner J.E.* The Law of Trusts. N.Y.: Oxford University Press, 2004. 511 p.
95. *Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law Draft Common Frame of Reference (DCFR).* P. 410–411. URL: http://ec.europa.eu/justice/contract/files/european-private-law_en.pdf (дата обращения: 14 августа 2023 г.).
96. *Wery P.* Droit des obligations: developpements recents et pistes nouvelles, Formation permanente C.U.P., vol. 96, Anthemis, 2007. 210 p.

Научные статьи

1. *Агламазова В.В.* Концепция фидуциарных правоотношений и возможность ее применения в корпоративном праве России // Предпринимательское право. Приложение "Бизнес и право в России и за рубежом". 2012. № 1. С. 23–29.
2. *Акифьева А.А.* Развитие теории о делении обязательств на обязательства по приложению усилий и достижению результата во французской доктрине гражданского права // Вестник гражданского права. 2015. № 3. С. 237–278.
3. *Алешкова Н.П.* Широта дискреционных полномочий как наиболее распространенный коррупциогенный фактор нормативных правовых актов // Муниципальное право. 2012. № 3. С. 35–39.
4. *Ананьева А.А.* Договор на оказание операторских услуг по управлению // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 3. С. 303–311.
5. *Аракелян А.А.* Оценочные понятия гражданского права: исторический опыт становления и использования // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 2. С. 111–117.
6. *Баутина В.С.* Договор управления залогом: содержание и проблемы применения // Право, общество, государство: проблемы теории и истории: сб. ст. Всерос. студ. науч. конф. Российский университет дружбы народов. 2017. С. 267–269.
7. *Бевеликова Н.М.* Компетенция Правительства Российской Федерации в сфере здравоохранения // Медицинское право. 2009. № 3. С. 7–13.
8. *Белов В.А.* Состав и система случаев-оснований возникновения права одностороннего отказа от договоров (обязательств) и их исполнения и одностороннего изменения их условий // Закон. 2019. № 8. С. 44–62.
9. *Беляева О.М.* Об использовании оценочных понятий в законодательстве и трудностях их толкования в процессе правореализации // История государства и права. 2013. № 13. С. 41–45.

10. *Беневоленская З.Э.* Фидуциарные обязательства директора компании по английскому праву // Журнал российского права. 2006. № 4. С. 128–133
11. *Богданов Е.В., Богданова Е.Е., Богданов Д.Е.* Проблема фидуциарности и фидуциарных сделок в гражданском праве России // Гражданское право. 2017. № 3. С. 20–25.
12. *Булыгин А.А., Губарев Д.С.* Типовая форма договора синдицированного кредита: шаг к новому стандарту на российском рынке // Банковское право. 2022. № 2. С. 32–37.
13. *Вавин Н.Г.* Вопросы цивилистики: Правовая ситуация гражданских товариществ // Право и Жизнь. 1926. Кн. 1. С. 32-35.
14. *Василевская Л.Ю.* Правовая квалификация договора управления залогом // Закон. 2016. № 3. С. 38–47.
15. *Визгалин О.* Управление залогом при синдицированном кредитовании: что изменилось с принятием Закона № 486-ФЗ? // Банковское кредитование. 2018. № 4. С. 51–61.
16. *Глазунов А.Ю.* Ответственность миноритарных участников корпораций за нарушение фидуциарных обязанностей: возможна ли такая конструкция? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 4. С. 138–179.
17. *Голубцов В.Г.* Оценочные понятия в российских кодификациях гражданского права // Lex russica. 2019. № 8. С. 37–50.
18. *Гордон А.О.* Статья 1548 ч. 1 т. X и вопрос о круговой поруче и солидарности в обязательствах // Журнал Министерства юстиции. 1868. Т. 35. № 1. С. 3–20.
19. *Горева А.А.* Договор простого товарищества и его виды: российское право в сравнительно-правовом аспекте // Вестник гражданского права. 2020. 3 6. С. 30–66.
20. *Гравин Д.И.* Синдицированное кредитование в российском и английском праве // Журнал российского права. 2013. № 12. С. 100–109.
21. *Груздев В.В.* Гражданско-правовые сообщества: понятие и виды // Журнал российского права. 2021. № 10. С. 61–71.
22. *Грушевая Е.П.* Обязательства по предоставлению услуг в хозяйственных отношениях // Правоведение. 1982. № 1.
23. *Гунин А.В.* Договор субаренды в российском гражданском праве: общие положения // Гражданское право. 2011. № 2. С. 30–33.
24. *Гутников О.В.* Фидуциарные обязанности в российском корпоративном праве // Гражданское право. 2019. № 6. С. 25–29.
25. *Егоров А.В.* Агентский договор: опыт сравнительного анализа законодательных и теоретических конструкций // Ежегодник сравнительного правоведения, 2002. М.: Норма, 2003. С. 121–178.
26. *Егоров А.В.* Общая долевая собственность: механизм защиты прав собственников // Вестник гражданского права. 2012. Т. 12. № 4. С. 4–41.

27. *Егоров А.В.* Предмет договора комиссии // Актуальные проблемы гражданского права: Сборник статей. Выпуск пятый / под ред. В.В. Витрянского. М.: Статут, 2002. С. 86–146.
28. *Елисеев В.С., Веленто И.И.* О фидуциарном залоге как дополнительном обязательстве (на примере межотраслевого анализа ст. 149 Банковского кодекса Республики Беларусь) // Российский судья. 2010. № 1. С. 26–30.
29. *Емелькина И.А.* Проблемы соотношения вещного права с конструкцией «управление чужим имуществом» // Гражданское право. 2021. № 6. С. 12–17.
30. *Ефимова Л.Г.* Правовые особенности договора синдицированного кредита // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 10 (50). С. 20–44.
31. *Ефимова Л.Г., Сиземова О.Б.* Правовая природа смарт-контракта // Банковское право. 2019. № 1. С. 23–30.
32. *Завгородняя А.А., Рыбка О.С.* К вопросу о правовой природе договора управления залогом // EurasiaScience: сб. ст. XLII междунар. науч.-практ. конф. М., 2021. С. 243–247.
33. *Зайцев И.* Правовые фикции в гражданском процессе // Российская юстиция. 1997. № 1. С. 35–36.
34. *Запольский С.В.* О социальной ценности административного права // Административное право и процесс. 2023. № 5. С. 4–10.
35. *Зикун И.И.* Генезис категории «фидуциарная собственность» в европейском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2018. № 6. С. 192–219.
36. *Зимилева М.В.* Общая собственность в советском гражданском праве // Учен. записки ВШЮН. М., 1941. Вып. 2. С. 3–90.
37. *Иванов О.М.* О свободе договора, синдицированном кредите и направлениях развития гражданского права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 1. С. 114–121.
38. *Иванова А.И., Рыбалов А.О.* Фидуциарная собственность и классический залог // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 5. С. 108–129.
39. *Исаев И.А.* Юридическая фикция как форма заполнения правовых пробелов // История государства и права. 2011. № 22. С. 2–4.
40. *Ишигилов И.Л.* Юридические фикции и презумпции на разных стадиях правового регулирования // История государства и права. 2009. № 21. С. 41–44.
41. *Казаченок О.П.* Правовая природа и порядок заключения синдицированного кредитного соглашения // Бизнес. Образование. Право. 2017. № 1. С. 218–221.
42. *Казьмин Д., Стеркин Ф.* Юристы теряют рынок // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2011. № 1.

43. *Калмыкова Е.А.* Виды дискреционных полномочий суда в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 3. С. 10–13.
44. *Карасева М.В.* Презумпции и фикции в части первой Налогового кодекса РФ // Журнал российского права. 2002. № 9. С. 71–80.
45. *Карпычев М.В.* Осуществление и защита гражданских прав через управляющего // Исполнительное право. 2008. № 4. С. 39–41.
46. *Качалова А.В.* Правовые особенности заключения договоров о предоставлении синдицированных кредитов // Законодательство. 2006. № 2. С. 57–64.
47. *Кижяева А.А.* Договор управления залогом // XVI Королевские чтения: сб. мат-лов Междунар. молодёжной научной конференции, посвящённой 60-летию полёта в космос Ю.А. Гагарина, в 3 т. Самара, 2021. Т. 3. С. 1274.
48. *Кирпичев А.Е.* Категория взаимосвязанных договоров в российском и европейском праве // Гражданское право. 2014. № 2. С. 40–43.
49. *Киселев О.А.* О видах и классификационных основаниях правовых оценочных понятий // Нотариус. 2015. № 1. С. 41–48.
50. *Ковров Н.Н.* Договорные связи в субподрядных отношениях // Юрист. 2010. № 11. С. 28–31.
51. *Козлов Ю.М.* Некоторые теоретические проблемы административно-правового регулирования общественных отношений // Управление и право. 1979. Вып. 5. С. 3–36.
52. *Красавчиков О.А.* Гражданские организационно-правовые отношения // Антология уральской цивилистики. 1925–1989: сб. ст. М.: Статут, 2001. С. 156–165.
53. *Кудлай В.А., Наумцева Е.И.* Актуальные вопросы финансирования участия в кредите (займе) – нового инструмента российского вторичного рынка синдицированного кредитования. Виртуальный case-study // Банковское право. 2022. № 5. С. 15–24; № 6. С. 7–15.
54. *Кузнецова Л.В.* Особенности защиты прав участников фидуциарных отношений // Защита гражданских прав: избранные аспекты: сборник статей / Ю.Н. Алферова, Ю.В. Байгушева, Ю.В. Виниченко и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2017. 432 с. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28 сентября 2023 г.).
55. *Кузнецова О.А.* Фикции в гражданском праве // Цивилист. 2005. № 4. С. 311–317.
56. *Кузьмишин А.А.* К вопросу о понятии и юридической природе представительства и полномочия в гражданском праве // Юрист. 1999. № 12. С. 2–13.
57. *Кучеренко А.В.* Залог исключительных прав по-новому // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 68. С. 44–47.

58. *Лазаренкова О.Г.* Субъекты залоговых правоотношений в свете концептуальных изменений гражданского законодательства // Российская юстиция. 2015. № 2. С. 2–4.
59. *Ломакин Д.В.* Фидуциарные обязанности участников корпоративных отношений: за и против // Гражданское право. 2019. № 4. С. 3–8.
60. *Луценко С.И.* Правовые основания для фидуциарных обязанностей руководителя // Современное право. 2017. № 9. С. 56–63.
61. *Маковский А.Л.* Собственный опыт – дорогая школа // Актуальные проблемы частного права: сб. ст. к юбилею П.В. Крашенинникова (Москва – Екатеринбург, 21 июня 2014 г.) / под ред. В.В. Витрянского, С.Ю. Головиной, Б.М. Гонгалло и др. М., 2014. С. 127–139.
62. *Матвеева Н.А.* Правовая природа договоров синдицированного кредита и об организации синдицированного кредита // Банковское право. 2020. № 3. С. 21–27.
63. *Мацуев А.И., Миллер К.С.* Некоторые практические проблемы использования договора управления залогом // Банковское право. 2020. № 2. С. 75–79; № 3. С. 28–32.
64. *Михайловский В.А., Федорков А.Е.* Соглашение об основных условиях синдицированного кредита // Банковское право. 2020. № 3. С. 33–41.
65. *Михалевская И.С.* Актуальные проблемы применения норм о договорах управления залогом // Образование. Наука. Научные кадры. 2014. № 5. С. 74–78.
66. *Михалевская И.С.* К вопросу о правовой природе договора управления залогом в гражданском праве России // Закон и право. 2014. № 10. С. 99–103.
67. *Михалевская И.С.* Место договора управления залогом в системе гражданско-правовых договоров России // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 6. С. 95–102.
68. *Михалевская И.С.* Правовые проблемы договора управления залогом // Закон и право. 2014. № 8. С. 69–72.
69. *Мотрович И.Д., Шевырев Д.Н.* Формы и методы деятельности органов государственной власти в теории административного права // Административное право и процесс. 2022. № 12. С. 19–22.
70. *Нанаева Э.А.* Некоторые аспекты гражданско-правовой ответственности господствующего предприятия перед зависимым предприятием в результате нарушения фидуциарной обязанности по праву Германии // Международное публичное и частное право. 2007. № 5. С. 60–62.
71. *Нестолый В.Г.* Фидуциарный залог, или Обеспечительная купля-продажа (от нормативного регулирования к ситуационному управлению) // Вестник арбитражной практики. 2019. № 2. С. 17–25.
72. *Никитина Н.И., Лымарь Ю.И.* Направления совершенствования законодательства о синдицированном кредите // Банковское право. 2020. № 2. С. 68–74.

73. *Николичев Д.Н.* Управленческое представительство в гражданском праве: предмет правового регулирования // Гражданское право. 2012. № 3. С. 33–37.
74. *Нуриев А.Х.* Регулирование проектного финансирования: на пути к международным стандартам // Международные банковские операции. 2014. № 1. // <https://futurebanking.ru/reglamentbank/article/1739>.
75. *Паничкин В.Б.* Фикции и презумпции как прием юридической техники при наследовании и правовые парадоксы как их результат: сравнительный анализ российского и общего права // Наследственное право. 2021. № 1. С. 12–16.
76. *Пацация М.Ш.* О дискреционных полномочиях должностных лиц Верховного Суда РФ в гражданском и арбитражном процессах // Вестник гражданского процесса. 2015. № 5. С. 10–61.
77. *Певзнер А.А.* Новеллы гражданско-правового регулирования множественности залогодержателей // Право и управление. XXI век. 2016. № 2 (39). С. 116–119.
78. *Петухова А.В.* Залог: основные изменения законодательства // Индивидуальный предприниматель: бухгалтерский учет и налогообложение. 2014. № 4. С. 73–78.
79. *Пилипенко А.А.* Налогово-правовая фикция: вопросы научного понимания // Налоги. 2016. № 6. С. 43–46.
80. *Поваров Ю.С.* Особенности комитета кредиторов как гражданско-правового сообщества // Вестник арбитражной практики. 2018. № 4. С. 33–40.
81. *Подузова Е.Б.* Договор простого товарищества как форма организации и ведения совместной деятельности: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 10. С. 79–87.
82. *Пяткин В.Н.* Понятие и роль правовых фикций в праве Древнего Рима // История государства и права. 2014. № 7. С. 33–37.
83. *Романец Ю.В.* Договор простого товарищества и подобные ему договоры (вопросы теории и судебной практики) // Вестник ВАС РФ. 1999. № 2. С. 96–111.
84. *Рузанова В.Д.* Система законодательства в сфере залоговых отношений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 11. С. 3–9.
85. *Рясенцев В.А.* Понятие и юридическая природа полномочия представителя в гражданском праве // Методические материалы ВЮЗИ. М., 1948. Вып. 2. С. 3–11.
86. *Скловский К.И.* Правомочие и полномочие в механизме возникновения гражданских прав // Хозяйство и право. 2004. № 11. С. 99–111.
87. *Скловский К.И.* Правомочие и полномочие в механизме возникновения гражданских прав // Хозяйство и право. 2004. № 12. С. 95–106.
88. *Смагина Е.С.* Интерес как предмет судебной защиты в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2019. № 6. С. 45–75.

89. *Соловей Ю.П.* О совершенствовании законодательной основы судебного контроля за реализацией органами публичной администрации и их должностными лицами дискреционных полномочий // *Административное право и процесс.* 2015. № 2. С. 46–51.
90. *Сорокина И.О.* Особенности договорного сопровождения сделок синдицированного кредитования // *Банковское кредитование.* 2011. № 2. С. 49–64.
91. *Старилов Ю.Н.* Консерватизм правовой политики как гарантия прогресса в сфере административных и иных публичных правоотношений // *Административное право и процесс.* 2023. № 6. С. 15–33.
92. *Степанов Д.И.* Проект Гражданского кодекса: от патернализма по-советски к истинному частному праву // *Закон.* 2012. № 5. С. 97–110.
93. *Уруков В.Н.* Правовые последствия отмены завещания по нотариальному распоряжению завещателя как юридическая фикция // *Нотариус.* 2016. № 4. С. 23–25.
94. *Филимонова И.В.* Понятие фикции в правовой науке: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты // *Адвокатская практика.* 2007. № 4.
95. *Филимонова И.В.* Юридические фикции в древних правовых системах // *История государства и права.* 2015. № 14. С. 61–64.
96. *Фиошин А.В.* Об оценочных понятиях частного и публичного права // *Вестник гражданского процесса.* 2022. № 5. С. 90–113.
97. *Фогель В.А., Шмидт С.Г.* Управление способами обеспечения исполнения обязательства в Германии в связи с заключением синдицированного кредитного договора // *Закон.* 2012. № 2. С. 161–171.
98. *Харитонова Ю.С.* Договор управления залогом // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2014. № 11. С. 15–20.
99. *Харитонова Ю.С.* Предпринимательские способы обеспечения исполнения обязательств // *Предпринимательское право.* 2018. № 1. С. 27–30.
100. *Худяков М.Ю.* Участники синдицированного кредита выбирают иностранное право // *Банковское право.* 2009. № 6. С. 41–48.
101. *Чепига Т.Д.* Финансовая аренда (лизинг): проблемы правопреемства // *Гражданский юрист.* 2011. № 2. С. 67–72.
102. *Чуб Д.В.* Использование технологии блокчейн при заключении и администрировании договора синдицированного кредита // *Актуальные проблемы российского права.* 2021. № 11. С. 55–64.
103. *Шикин С.А.* Фидуциарные обязанности директоров корпораций в российском и англо-американском праве // *Гражданское право.* 2018. № 4. С. 44–46.
104. *Ширвиндт А.М.* Ограничение свободы договора в целях защиты прав потребителей в российском и европейском частном праве // *Вестник гражданского права.* 2013. № 1. С. 5–51.

105. *Школдин К.В.* Договор управления залогом: новые правила управления залогом // Новеллы права, экономики и управления 2021: сб. науч. трудов по мат-лам VII междунар. науч.-практ. конф. 2022. С. 114–117.
106. *Шмарев А.И.* Отечественная наука о дискреционных полномочиях прокурора в Российской Федерации // Законность. 2022. № 2. С. 30–34.
107. *Щерба С.П., Попова А.В.* Дискреционные полномочия прокурора при применении меры пресечения в виде заключения под стражу // Законность. 2016. № 1. С. 22–26.
108. *Щербачева Л.В.* Управление правом залога // Государственная служба и кадры. 2015. № 1. С. 58–60.
109. *Экимов А.* Интересы и правотворческий процесс // Вестник ЛГУ. 1984. № 23. С. 75–80.
110. *Юрьева Л.А.* К вопросу о правовой сущности договоров об оказании услуг управления // Бюллетень нотариальной практики. 2008. № 4. С. 8–11.
111. *Якушев В.С.* Гражданский кодекс России (часть вторая) – продолжение формирования рыночного законодательства (общая правовая характеристика) // Российский юридический журнал. 1996. № 2. С. 22–23.
112. *Deshayes M.* Interdependance contractuelle: la Cour de cassation tranche pour une definition objective de la notion // Option Finance. 2013. № 1225.

Диссертации и авторефераты диссертаций

1. *Брюхов Р.Б.* Диспозитивность в гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 26 с.
2. *Егоров А.В.* Понятие посредничества в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 220 с.
3. *Иванов О.М.* Правовое регулирование стоимости потребительского кредита: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 206 с.
4. *Куканов А.В.* Правовое регулирование договора доверительного управления недвижимым имуществом по законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 194 с.
5. *Кулушева М.А.* Конституционно-правовое регулирование местного самоуправления в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 224 с.
6. *Павлов А.А.* Договор управления чужими делами по российскому гражданскому праву: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2020. 220 с.
7. *Попкова Л.А.* Правовая конструкция синдицированного кредита: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 206 с.
8. *Рясенцев В.А.* Представительство в советском гражданском праве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1948. Т. 1. 602 с.
9. *Санникова Л.В.* Обязательства об оказании услуг в российском гражданском праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 42 с.

10. *Сапожников С.А.* Принцип диспозитивности в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 24 с.

11. *Шаблова Е.Г.* Гражданско-правовое регулирование отношений возмездного оказания услуг: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 45 с.